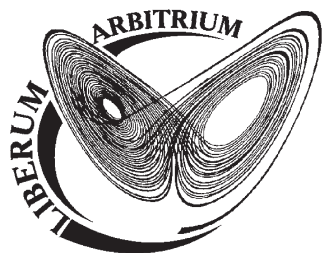

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 22. Номер 3–4 (78–79)
ИЮЛЬ–ДЕКАБРЬ **2024**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Nikita Neklyudov
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Sergey Afontsev, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Andrey Baykov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Irina Bolgova, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Igor Istomin, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Maksim Kharkevich, *Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

Tatiana Shakleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*

ISSN 1728-2756 (PRINT)

ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

"*International Trends*" (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков,
Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко, Максим Харкевич,
Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

**Ответственный секретарь –
первый заместитель главного редактора**

Ирина Болгова

**Шеф-редактор –
заместитель главного редактора**

Никита Неклюдов

Редакционно-корректорская группа

Ирина Николаева, Иван Хлудов

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Федеральном агентстве
по печати и массовым коммуникациям (Роспечати)
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)
ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2024
© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2024

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

FACETS OF CONFLICT AND POINTS OF CONVERGENCE
Volume 22. No 3–4 (78–79). July–December 2024

CONTENTS

REALITY AND THEORY

Olga Butorina	The European Union and the Long Cycles of Economic Integration.....	6
Konstantin Khudoley Yuri Kolotaev Grigory Yarygin Evgeny Koloskov	The Theory of Political Elite Divergence: Shaping Dividing Lines in the West's Foreign Policies Towards Russia	29
Ruslan Mukhametov	Foreign Policy Determinants of States' Appeals to the International Court of Justice for the Settlement of Interstate Disputes	52

FROM THEORY TO PRACTICE

Ivan Zuenko Elena Ponomareva	China's Agricultural Engagement in the Russian Far East	68
Elena Arlyapova	Muslims in the Western Balkans: From Numbers to Meanings	85
Alena Lisenkova	The 2024 European Campaign in Germany. Still "Second-Order" Elections?	103

CATHING A TREND

Denis Letnyakov	Transnational Memory in Post-Soviet Central Asia as a "Resource of Soft Power"	123
Sabina Davranova	The Bottle-Neck Phenomenon in the EU Trade Restrictions Against The Russian Federation.....	142
	<i>Our authors.....</i>	160

СОДЕРЖАНИЕ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Ольга Буторина	Европейский союз и большие циклы экономической интеграции	6
Константин Худолей Юрий Колотаев Григорий Ярыгин Евгений Колосков	Теория дивергенции политических элит: разделительные линии во внешней политике сквозь призму отношений Запада с Россией	29
Руслан Мухаметов	Внешнеполитические детерминанты обращения государств в Международный суд для урегулирования межгосударственных споров	52

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Иван Зуенко	Китайский агробизнес на Дальнем Востоке России	68
Елена Пономарёва Елена Арляпова	Мусульмане на Западных Балканах: от чисел к значениям	85
Алёна Лисенкова	Европейская кампания 2024 г. в Германии. По-прежнему выборы «второго порядка»?	103

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

Денис Летняков	Транснациональная память в постсоветской Центральной Азии как ресурс «мягкой силы»	123
Сабина Давранова	Феномен «бутылочного горлышка» в торговых отношениях Евросоюза с Россией	142

Наши авторы	159
-------------------	-----

Our authors	160
-------------------	-----

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И БОЛЬШИЕ ЦИКЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

ОЛЬГА БУТОРИНА

Институт Европы РАН, Москва, Россия

Резюме

Вопрос о динамике региональной экономической интеграции поднимается нечасто. Европейский союз двигался от таможенного союза к общему рынку, а затем к валютному союзу, что соответствовало описанным Б. Балашшей формам или степеням интеграции. Последний переход к более сложной форме состоялся 25 лет назад — при введении евро. Гипотетическая возможность транзита к самой сложной из описанных Балашшей форм интеграции — полному экономическому союзу с унификацией экономической и фискальной политики государств-членов — утрачена после конституционного кризиса 2005 года. Таким образом, общепринятая концепция стадий экономической интеграции выполнила свою научную миссию, и ныне её объяснительная сила близится к исчерпанию. Отсюда возникает потребность в новых представлениях, которые помогли бы проникнуть в суть региональной экономической интеграции первой половины XXI века. Данная статья выдвигает гипотезу больших циклов региональной экономической интеграции на основе двух теоретических предпосылок. Первая — региональная интеграция является коллективным инструментом глобализации, а не замкнутым, эндогенно индуцируемым процессом, ориентированным исключительно на получение хозяйственных выгод и преодоление узости национальных рынков. Развитие интеграции складывается под воздействием двух импульсов: внутреннего и внешнего. Реагирование на внешние вызовы — имманентная часть интеграционного развития. Вторая предпосылка — экономическая интеграция развивается не поступательно и линейно, а циклически. Периоды высокой активности сменяются затишьем и застоем, что происходит под воздействием внутренних и внешних процессов, а также в результате их наложения. История экономической интеграции в ЕС позволяет выделить три больших цикла: первый (1951–1984), второй (1985–2019) и третий (с конца 2019 года). Каждому циклу соответствует своя повестка и программа действий. Когда программа реализована, нагрузка на интеграционные механизмы возрастает, что под воздействием неблагоприятных внешних сил может приводить к снижению интеграционной активности и застою с признаками дезинтеграции. Переход к новой повышательной волне возможен в рамках нового цикла, что требует перезагрузки проекта на основе новой идеологии, целей и ресурсов.

Ключевые слова:

Европейский союз; региональная экономическая интеграция; стадии интеграции; таможенный союз; общий рынок; валютный союз; большие циклы

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.10.2024

Дата принятия к публикации: 30.10.2024

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: olgabutorina@mail.ru

Тогда уже я пытался провести разграничение между процессами развития, обладающими известным направлением, и процессами колебательного конъюнктурного характера, не обнаруживающими какого-либо определённого направления.

Н. Д. Кондратьев, 1926

Региональная экономическая интеграция как феномен международных отношений начала развиваться во второй половине XX века и вскоре приобрела глобальный охват. Региональные экономические объединения ныне действуют на всех населённых континентах, демонстрируя большое разнообразие форм, а также задач и инструментов их достижения. Региональная интеграция включает в себя несколько измерений: экономическое, политическое, социальное, культурное, технологическое и др. Наиважнейшими из них являются два первых: экономическое и политическое.

Объектом данной статьи является экономическая интеграция, рассматриваемая на примере Европейского союза. Предметом исследования выступает динамика региональной экономической интеграции. Выбор предмета продиктован двумя основными мотивами. Первый заключается в том, что ход развития экономической интеграции, его законы, движущие силы, противоречия и исторический рисунок представляются сегодня лишь в самых общих чертах. Второе соображение: мир и мировая экономика XXI века существенно отличаются от того, какими они были во второй половине прошлого века. За минувшие десятилетия произошло множество политических и технологических трансформаций, которые, по логике вещей, не могут не влиять на природу региональной экономической интеграции. Было бы странно, чтобы она оставалась неизменной со времени «холодной войны», золотого стандарта, угля, телеграфа и пишущей машинки.

Между тем существующие по сей день инструменты анализа региональной экономической интеграции в основном базируются на классической теории таможенного

союза, которая возникла как часть теории международной торговли в 1950-х — 1960-х годах. Предложенный тогда взгляд на динамику интеграционного процесса предполагал движение от простых форм к сложным: от зоны свободной торговли к таможенному союзу, а далее — к валютному союзу и полной экономической интеграции. Сегодня эта схема всё меньше подходит для объяснения процессов, происходящих как в Европейском союзе, так и в региональных объединениях Азии, Африки, Северной и Южной Америки. Назрела потребность в новом понимании природы интеграции, которое согласовывалось бы с реалиями времени, когда подавляющая часть мирового ВВП производится в сфере услуг, финансовые рынки многократно превосходят по размерам реальную экономику, а цифровые технологии и климатическая повестка пронизывают всю ткань хозяйственной жизни людей.

Статья выдвигает гипотезу больших циклов, или длинных волн, региональной экономической интеграции. Гипотеза строится на двух теоретических предпосылках.

Первая предпосылка — региональная интеграция является коллективным инструментом глобализации, а не замкнутым, эндогенно индуцируемым процессом, ориентированным исключительно на получение хозяйственных выгод и преодоление узости национальных рынков. По мнению автора, развитие интеграции происходит под воздействием двух импульсов: внутреннего и внешнего. Причём реагирование на внешние вызовы осуществляется не в режиме *ad hoc*, а постоянно, даже когда это не очевидно, так как региональная интеграция по своей природе есть продукт и инструмент глобализации.

Вторая предпосылка — экономическая интеграция развивается не поступательно и линейно, а циклически. Периоды высокой активности сменяются затишьем и застоём, что происходит под воздействием внутренних и внешних процессов, а также в результате их взаимного наложения.

Автор статьи понимает экономическую интеграцию как процесс создания группой стран общего экономического пространства с целью достижения его большей эффективности и занятия более выгодной позиции в глобальной иерархии. Формулировка базируется на определении, выработанном в 2005 г. Кафедрой европейской интеграции МГИМО. А именно: «региональная интеграция представляет собой модель сознательного и активного участия группы стран в процессе глобальной стратификации мира». Интеграция позволяет максимально использовать преимущества глобализации и смягчать её негативное воздействие [Буторина 2011: 18].

Статья организована следующим образом. Сначала автор рассматривает имеющиеся теоретические положения о динамике экономической интеграции и даёт структурированный обзор научной литературы. Далее обосновывается актуальность выдвигаемой гипотезы и обозначаются её основные характеристики. В следующих трёх частях в хронологическом порядке исследуется динамика европейской экономической интеграции в рамках каждого из выделяемых автором циклов. Раскрывается логика интеграционного движения, анализируются ускорявшие и замедлявшие его факторы.

Динамика интеграции: теоретическая рамка

Ключевое представление о динамике региональной экономической интеграции связано с именем Беды Балашши — американского экономиста венгерского происхождения. В работах 1961 г. он выделил пять её степеней: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз (с гармонизацией экономической и валютной политики) и полная

экономическая интеграция. Последняя предполагала унификацию экономической, фискальной и других направлений политики, что потребует учреждения наднационального органа управления, решения которого будут обязательными для государств-членов [Balassa 1961a; 1961b]. Фактически речь шла о политическом союзе, о создании федерации или конфедерации.

С течением времени «степени» трансформировались в «стадии» и возникло представление об интеграции как о своего рода лестнице с восхождением от простых форм к сложным. По утверждению Ричарда Болдуина, Балашша никогда не говорил о стадиях, а только обсуждал альтернативные модели интеграции для современной ему Западной Европы. Следовательно, представление о лестнице с заранее определёнными стадиями — ошибка [Baldwin 2012: 2]. Вместе с тем концепт стадий прочно укоренился и в общественном сознании, и в научном анализе хотя бы потому, что ЕС в своём развитии последовательно двигался от таможенного союза к общему рынку, а затем к экономическому и валютному союзу. В пользу образа лестницы свидетельствует и то обстоятельство, что сам Балашша говорил о «более высокой форме экономической интеграции» [Balassa 1961b: 5].

Жак Пелкманс, один из ведущих теоретиков экономического аспекта интеграционных процессов, отметил, что идея стадий (он использует именно это слово) Балашши построена вокруг задач негативной интеграции и оставляет без внимания меры позитивной интеграции. Однако же стабильно функционирующий общий рынок требует не только полной отмены торговых ограничений, но и действенного рыночного регулирования, поскольку сегодня оно создаёт намного больше проблем, чем пошлины и квоты [Pelkmans 2024: 66]. Напомним, что негативной интеграцией называют устранение барьеров на пути движения факторов производства. Позитивной — меры, направленные на создание новых инструментов и механизмов сотрудничества. Данное различие ввёл в научный

оборот будущий лауреат Нобелевской премии голландский экономист Ян Тинберген [Tinbergen 1954: 121–122].

Идея стадий идеализирует природу интеграции, создавая впечатление, будто она должна и всегда способна развиваться от низших форм к высшим. Если такого продвижения нет, то интеграционный опыт признаётся неудовлетворительным. Тем не менее подавляющее большинство из 600 действующих и официально зарегистрированных в ВТО региональных торговых соглашений представляют собой зоны свободной торговли. К категории таможенных союзов относится не больше 30, а к категории общего рынка — менее десятка. И только Европейский союз смог создать полноценный валютный союз.

Таким образом, концепция Балаши в её исходной задумке, скорее всего, не предназначалась для анализа динамики экономической интеграции. Схема стадий в её распространённой версии даёт подкупающее чёткостью, но не везде работающее представление о таком движении.

Какие ещё концепции помогают осмыслить динамику экономической интеграции? В первую очередь, необходимо выделить концепцию спроса и предложения, начало которой было положено в трудах основателя неофункционализма Эрнста Хааса [Haas 1961: 375]. Тезис о том, что успех региональной интеграции предопределён наличием на неё спроса и предложения, получил широкое распространение после выхода в 1999 г. работ Вальтера Мэттли. Спрос на интеграцию, в его понимании, предъявляют те группы игроков, чьи интересы лежат в плоскости трансграничного взаимодействия, в первую очередь — крупный бизнес. Предложение зависит от готовности политических лидеров продолжать интеграционное движение, когда они убеждены, что этот курс поможет им удержаться у власти. Региональные объединения, которые удовлетворяют этому двойному условию, имеют наибольшие шансы на успех. Группировки, где нет ни спроса, ни предложения, не в состоянии достичь сколько-нибудь зна-

чительного уровня сближения. Уровень, в понимании Мэттли, определяется готовностью независимых государств передать управление ключевыми сферами национальной политики наднациональным органам [Mattly 1999a; 1999b: 42–55].

Здесь слышится отсылка к стадиям интеграции, поскольку передача полномочий на наднациональный уровень более характерна для таможенного союза, общего рынка и экономического союза, но не для зоны свободной торговли. Не вступая в дискуссию об источниках спроса и предложения, заметим только, что ни один из этих потоков не может быть и не должен подразумеваться как постоянный. Ведь потребности заинтересованных игроков и стремление властей удовлетворить их (в трактовке Мэттли) могут меняться с течением времени, в том числе в пределах экономических и политических циклов разной продолжительности.

В рамках второй группы работ, посвящённых экономической интеграции, отмечается, что группировки развивающихся стран имеют меньшую долю внутрирегиональной торговли в общем объёме их внешней торговли, чем группировки развитых стран. Если экономика стран-партнёров базируется на сельском хозяйстве и добыче природных ресурсов, то схожесть профилей экспортной специализации оставляет мало места для взаимных обменов. Такие страны больше заинтересованы в развитии отношений с внешними партнёрами из числа промышленно развитых государств, чем между собой [Шишков 2001: 61–74].

Связь между уровнем промышленного развития и потенциалом региональной интеграции начали активно исследовать в 1960-х годах. Тогда же заговорили о *внутриотраслевой специализации*, которая открывает широкие возможности для развития торговли. Но для этого страны должны иметь высокоразвитое производство готовых изделий, в первую очередь машин и оборудования. Тогда базирующиеся на кооперации внутриотраслевые обмены успешно развиваются и оказываются гораздо более устойчивы к колебаниям эконо-

мической конъюнктуры, чем межотраслевые обмены [Verdoorn 1960; Balassa 1966].

Данные положения легли в основу новой концепции, согласно которой успех интеграции зависит от её направленности: внутрь объединения или вовне. Когда объединяются страны с развитой экономикой, у них возникает широкое поле для взаимодействия, поскольку их хозяйства дополняют друг друга. Группировки развивающихся стран находятся в ином положении. При слабых и неразвитых внутренних рынках правительства стремятся развивать отношения не с такими же слабыми партнёрами по группировке, а с сильными из числа третьих стран. Страны-участницы конкурируют друг с другом на мировых рынках, и все вместе борются за приток иностранных инвестиций извне. Отсюда вытекает вывод: когда вектор интеграции направлен вовне, она имеет мало шансов на успех [Krapohl, Fink 2013; Krapohl 2017].

Если понимать региональную интеграцию как часть и коллективный инструмент процесса глобализации, из чего исходит автор данной статьи, то представленная логика требует корректировки. Об этом говорят факты. Европейское экономическое сообщество создавалось под давлением возникшей после Второй мировой войны биполярной системы, резкого возрастания экономической мощи США и Советского Союза и на фоне начавшегося демонтажа колониальной системы. Эти вызовы честно перечислял Жан Монне – ведущий идеолог и основатель Европейских сообществ [Monnet 1963]. С середины 2000-х годов ЕС всё более настойчиво декларирует геополитические цели¹, включая продвижение

своих ценностей в мире, а также обеспечение лидерства в климатической и цифровой трансформации². Европейская комиссия Урсулы фон дер Ляйен в течение первого срока её председательства именовала себя «геополитической»³. Правильнее утверждать, что группировки развитых стран имеют больший потенциал для углубления внутрирегионального сотрудничества, чем группировки развивающихся стран. При этом и те и другие ставят цель усилить свои международные позиции, минимизировать негативное влияние глобализации и максимально широко использовать её преимущества.

Третий кластер научных трудов сосредоточен на изучении динамики экономической интеграции при помощи количественных показателей, методика которых заметно шагнула вперёд. На этом направлении проделана и продолжается большая работа, позволяющая сравнивать уровни интеграции в различных регионах. Имеющиеся индикаторы можно объединить в три большие группы. Первая призвана оценивать масштаб и интенсивность взаимных обменов внутри объединения. Вторая даёт представление о степени однородности общего экономического пространства. Третья помогает отслеживать, как объединения выполняют задачи социально-экономического развития, официально поставленные в их программных документах [The Regional Integration Manual... 2011; Indicator-Based Monitoring... 2017]. Указанные методики позволяют произвести более калиброванную оценку уровней по сравнению с результатом использования одного маркера. Имеется

¹ О стремлении Евросоюза дать коллективный ответ на глобализацию и направлять её в русло своих ценностей и интересов см., например: European values in the globalised world. Contribution of the Commission to the October Meeting of Heads of State and Government. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 20.10.2005 COM(2005) 525 final

² Europe's Choice. Political Guidelines for the Next European Commission 2024–2029. Ursula von der Leyen Candidate for the European Commission President. https://commission.europa.eu/document/download/e6cd4328-673c-4e7a-8683-f63ffb2cf648_en?filename=Political%20Guidelines%202024-2029_EN.pdf

³ Ursula von der Leyen, Mission letter to Josep Borrell, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy/ Vice-President of the European Commission. 1 December 2019. https://commissioners.ec.europa.eu/system/files/2022-11/mission-letter-josep-borrell-2019_en.pdf

в виду масштаб передачи национального суверенитета на наднациональный уровень, который предложен в работах В. Мэттли и представителей политических теорий интеграции.

Исследование динамики экономической интеграции было бы неполным без обсуждения вопроса о её движущих силах. Согласно доминирующему в научной литературе мнению, экономическая интеграция всегда направлена на получение выгод. На этой основе строятся модели, которые позволяют определить, насколько та или иная страна заинтересована во вступлении в региональное объединение, а также какой чистый доход она будет получать благодаря членству. Данный подход имеет очевидные ограничения. Он не учитывает, что интеграция может реализовываться не только для получения выгод, но и для снижения рисков и угроз, равно как и укрепления позиций страны или объединения на глобальном уровне. Иными словами, созидательные задачи могут сочетаться с задачами защитного свойства [Буторина 2021; Буторина, Борко 2022].

Вопрос о выгодах и издержках экономической интеграции понимался основоположниками интеграционных исследований в рамках теорий таможенного союза и оптимальной валютной зоны. Якоб Винер описал эффекты создания новых и отклонения прежних торговых потоков после вступления страны в таможенный союз [Viner 2014]. В дальнейшем такие эффекты называли статическими в противовес динамическим, которые имеют длительное действие. Хотя Фриц Махлуп называл такое разделение «наименее полезным» для анализа [Machlup 1977: 99], исследования динамических эффектов получили новый импульс в конце 1980-х годов, когда в рамках теории международной торговли начали разрабатываться модели с несовершенной конкуренцией [Holmes, Tovas 2013: 40–41]. Модели, построенные на базе теорий экономического роста, выявили положительную связь между растущей на общем рынке конкуренцией, эффектом масштаба и

стимулами к структурным изменениям [Bongardt, Torres 2013]. К долгосрочным эффектам интеграции специалисты также относят выгоды от передачи знаний через внешнюю торговлю, что позитивно влияет на экономический рост [Dion 2004; Ушкалова, Головин 2011: 28].

В рамках теории оптимальной валютной зоны Роберт Манделл сформулировал условия, при которых вступление страны в валютный союз будет экономически оправданным. Он исходил из допущения, что издержки от потери самостоятельной денежно-кредитной политики должны компенсироваться выгодами от участия. Главное благо, которое приобретают страны–участницы валютного союза, заключается в стабильности их двусторонних обменных курсов. Ведь при фиксированных курсах правительствам легче поддерживать макроэкономическую стабильность (держат под контролем безработицу и инфляцию), чем при колеблющихся [Mundell 1961].

Наличие долгосрочных или постоянных положительных эффектов экономической интеграции позволяет предположить, что она сохраняет полезность для участвующих в объединении стран даже при отсутствии видимого прогресса, то есть без перехода к более высоким стадиям или уровням. Как следствие, состояние плато является нормальным. Это утверждение представляет собой первый теоретический аргумент в пользу остановки интеграции на достигнутом рубеже.

Второй аргумент вытекает из того, что переход к более высокой стадии или более сложной форме сопряжён с дополнительными усилиями и издержками. Например, при переходе к таможенному союзу государство теряет таможенный доход, а национальные производители могут лишиться части местных рынков. Создание институтов, которые бы согласовывали решения об общем тарифе и о единых правилах происхождения товаров, требует немалых финансовых затрат [Кондратьева 2020: 25]. Есть основания полагать, что начальные стадии интеграции дают больший эконо-

мический эффект (в части прироста благосостояния и активизации экономического роста), чем её более продвинутые формы [Ушкалова 2017]. Данная идея в целом согласуется с принципом предельной полезности. Высказывается мнение, что углубление интеграции может способствовать накоплению асимметрии внутри общего хозяйственного пространства. Как следствие, условия для экономического развития одних стран улучшаются, а для других — ухудшаются [Бучинская 2023].

Давно известно, что интеграция может запускать нежелательные процессы, включая описанные родоначальником пространственной экономики Франсуа Перру агломерационные эффекты [Perroux 1958]. Понимание неизбежных негативных последствий углубления интеграции ввиду создания Единого внутреннего рынка стало одной из центральных тем доклада, подготовленного в 1987 г. по заказу Европейской комиссии. Экспертной группой тогда руководил итальянский экономист Томмазо Падое-Скьоппа, в будущем — главный идеолог единой валюты⁴. Издержки высококоразвитой экономической интеграции в полной мере проявились во время долгового кризиса еврозоны (2010–2012).

Третий аргумент — развитие интеграционного взаимодействия может сопровождаться нарастанием межгосударственных противоречий. Конфликтный потенциал является центральным пунктом активно развивающейся теории постфункционализма. Она рассматривает региональную интеграцию не как процесс сотрудничества, а как конфликт между создаваемым ею функциональным давлением и эксклюзивной национальной идентичностью. Сторонники этой теории допускают возможность отката назад и дезинтеграции [Hooghe, Marks 2009; Hooghe, Marks 2019].

Кроме того, как показывает практика ЕС, интеграция сама способна создавать системные макроэкономические дисба-

лансы. В частности, в еврозоне за время её функционирования сформировались две отличные модели хозяйственного роста. В одних странах он всё больше опирается на экспорт, а в других — зависит от динамики долга (*export-led growth*, *debt-led growth*). Как следствие, пути экономического развития ядра и периферии еврозоны стали всё больше расходиться [Covi 2020]. Логично предположить, что такая ситуация более характерна для высоких стадий интеграции, нежели для начальных. В итоге центробежные силы могут нарастать по мере усложнения её форм.

Итак, представления о динамике экономической интеграции базируются на популярной версии схемы Балаши с пятью стадиями. Считается, что её продвижение к более высоким стадиям зависит от наличия спроса и предложения, а также от уровня индустриализации стран-участниц, что обуславливает направленность главного вектора — внутрь или вовне объединения. Количественные показатели помогают отследить динамику интеграции (что особенно полезно для оценки фактической интегрированности товарных и финансовых рынков), но не объясняют её подъёмов и спадов. Научная литература о выгодах и издержках экономической интеграции позволяет предположить, что их соотношение не является постоянным и может влиять на динамику интеграционного процесса, а именно: способствовать фазе плато при наличии долгосрочных положительных эффектов и создавать предпосылки для замедления интеграции (или её отката) при нарастании отрицательных эффектов и усилении противоречий между участвующими странами.

Гипотеза больших циклов интеграции

Данная статья призвана дополнить существующие теоретические построения о природе региональной экономической интеграции в двух аспектах.

⁴ Efficiency, stability and equity. A Strategy for the Evolution of the Economic System of the European Community. (Report of a study group appointed by the Commission of the European Communities, and presided by T. Padoa-Schioppa). April 1987.

В первом случае региональную интеграцию следует рассматривать как часть процесса глобализации. Общая траектория экономической интеграции складывается под воздействием двух видов сил: внутренних и внешних. Более того, внешние силы способны задавать повестку интеграционного процесса, влиять на выбор форм и инструментов экономической интеграции, возможно, не в меньшей, а на отдельных исторических этапах в большей степени, чем внутренние силы. Второй аспект касается нелинейности и цикличности развития экономической интеграции. На этом пути весьма ожидаемы остановки с признаками дезинтеграции. Чередование периодов роста и застоя может приводить к формированию больших циклов, или длинных волн интеграционного развития.

Рассмотрим эти два положения подробнее.

Первое касается значения глобализации. К существенному упущению научной литературы можно отнести восприятие региональной экономической интеграции как вещи в себе, а не части процесса глобализации. Главным мотивом участия страны в объединении считается получение чистой выгоды в первую очередь в виде прироста благосостояния. Таким образом, интеграция считается эффективной, если она позволяет преодолевать узкие рамки национальных рынков. В теоретических построениях внешние субъекты отсутствуют, будто группа стран парит в воздухе или целиком занимает единственный на планете материк.

Исключения отчасти составляют теория оптимальной валютной зоны и концепции нового регионализма. Возникшая в 1960-е годы теория оптимальной валютной зоны [Mundell 1961; McKinnon 1963; Kenen 1969; De Grauwe 2006] исходила из того, что, если фиксированные курсы невозможно установить в масштабах всего мира, то задача может иметь решение в рамках отдельного региона. Новый, или открытый

регионализм [Bergsten 1997, Baldwin 1997, Ethier 1998, Спартак 2017; Костюнина 2020] к традиционным целям интеграции добавляет задачу укрепления группой стран внешней конкурентоспособности и более эффективного (благодаря объединению) участия в системе регулирования международной торговли. В обоих случаях внешняя среда представляется как общий контекст, но не как фактор, влияющий на композицию интеграционных инструментов и на динамику интеграционного процесса. В политическом и экономическом анализе глобальные игроки принимаются в расчёт. При этом их действия рассматриваются как дополнительные к основному процессу интегрирования, а не как его важнейшие слагаемые.

Подобная инкапсуляция особенно характерна для нарратива, сформированного органами ЕС. Он традиционно представляет интеграцию как самостоятельный, обособленный и эндогенно индуцируемый процесс. В частности, по этой причине в официальной истории ЕС⁵ нет упоминания о Европейском платёжном союзе, учреждённом по прямому требованию США. Между тем за период своего действия (1950–1958) объединение освободило взаимную торговлю 17 стран-участниц от бартера, восстановило конвертируемость их национальных валют, а также демонтировало основную часть торговых барьеров. Тем самым либерализация торговли в Западной Европе — это далеко не целиком заслуга созданного много позже таможенного союза Европейского экономического сообщества (ЕЭС).

На практике многие стратегические решения Брюсселя принимались в ответ на внешнее давление и угрозы. Яркий тому пример — введение ЭКЮ, а позже — единой европейской валюты евро. Под этими решениями лежало стремление государств-членов снизить зависимость от экономической политики США и отвести угрозу долларизации внутрирегиональных трансгра-

⁵ European Union, History of the European Union 1945-59. URL: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/history-eu/1945-59_en (accessed: 22.09.2024).

ничных расчётов. Далее будет показано, каким образом крушение золотого стандарта повлияло на выбор инструментов интеграции. Базируясь на конкретных примерах из истории Европейского союза, Н.Ю. Кавешников справедливо замечает, что его развитие происходит не в вакууме, при этом «внешние факторы действуют как стимулы или устанавливают пределы возможного» [Kaveshnikov 2024: 12].

Второе положение затрагивает нелинейность интеграции. Имеющийся мировой опыт не позволяет утверждать, что заложенный в ней потенциал наделяет её способностью динамично развиваться на протяжении всей своей истории. Есть достаточно аргументов рассматривать интеграцию как нелинейный процесс. Об этом пишет А. А. Байков, предлагая применительно к ЕС говорить не о дилемме расширения или углубления интеграции⁶, а о «сочетании целенаправленного движения с цикличностью, присущей любой открытой социальной системе». Он также обнаруживает чередование циклов расширения и сжатия в эволюции восточноазиатского регионализма [Байков 2007; Байков 2012: 30–31]. Нелинейность процесса европейской экономической интеграции отмечается также в связи с разной интенсивностью торговых и инвестиционных связей внутри ЕС как единого целого, так и его субрегиональных элементов [Четверикова 2024].

Логично предположить, что каждая из движущих сил интеграционного процесса – внутренняя и внешняя – может в одни периоды благоприятствовать движению, а в другие затруднять его. При их волнообразном изменении возникнет эффект интерференции – взаимного увеличения или уменьшения результирующей амплитуды двух волн при их наложении друг на друга. Автор заимствует термин из

физики, где он используется в теории электромагнитных колебаний и как частный случай – в волновой теории света.

Гипотеза данной статьи сформулирована следующим образом. Региональная экономическая интеграция развивается циклически. Периоды высокой интеграционной активности чередуются с периодами затухания, когда накопившиеся внутренние противоречия и/или внешние шоки требуют перезагрузки проекта. В результате возможен как распад объединения, так и его масштабное переформатирование на основе новой идеологии с опорой на политическую волю и ресурсы заинтересованных групп. Интервалы между периодами интеграционной активности могут характеризоваться идейным вакуумом.

История Европейского союза позволяет выделить три больших цикла экономической интеграции. Первые два завершены. Каждый из них начинался с активной фазы роста, далее интеграционная активность достигала пика, после чего под воздействием внешних и внутренних сил обозначался переход к низкой динамике с признаками дезинтеграции. Третий большой цикл находится в стадии развёртывания и имеет существенные отличительные особенности.

Первый цикл (1951–1984)

Отсчёт истории ЕС принято вести от подписания в апреле 1951 г. в Париже Договора о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Его участниками стали шесть стран: Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Договор поставил под наднациональный контроль стратегические для того времени отрасли, от которых зависело производство вооружений и возрождение тяжёлой промышленности. В марте 1957 г. названные шесть стран подписали в Риме два новых

⁶ Следует уточнить, что расширение региональной интеграции может трактоваться двояко. В первом случае это процесс её распространения на новые сферы сотрудничества (например, транспортная и экологическая политика в ЕС, появившаяся после создания таможенного союза). Во втором случае речь идёт о географическом расширении, то есть о вступлении в объединение новых стран. Чтобы не избежать путаницы, автор подчёркивает факт географического расширения.

договора — о создании Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома) и Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Оба договора вступили в силу 1 января 1958 года.

Внутренними факторами объединения послужили стремление покончить с наследием двух мировых войн и создать условия для прочного мира в Европе; необходимость послевоенного восстановления экономики, повышения уровня жизни населения, возобновления многосторонней торговли и движения капиталов. Внешними факторами стали: формирование биполярной политической системы мира; резкое возрастание экономической мощи США; подъём освободительного движения в колониях; формирование группы социалистических стран Центральной и Восточной Европы.

Договор о ЕЭС провозгласил цель создать между государствами-членами таможенный союз путём полной отмены пошлин и квот во взаимной торговле товарами. Такой союз заработал летом 1968 года. Ещё раньше, с 1962 года, начала действовать Общая сельскохозяйственная политика ЕЭС, нетривиальным образом соединившая механизмы планового и рыночного хозяйства. Сообщество установило единые внутренние цены на ключевые сельскохозяйственные товары и оградило местных производителей от внешних конкурентов. Разница между внутренней и мировой ценой покрывалась из общего бюджета объединения, поглощая до $\frac{3}{4}$ его финансовых ресурсов.

Первые успехи по пути интеграции давали основания для самых смелых планов. Меморандум Комиссии ЕЭС от 31 мая 1958 г. ставил целью создание полномасштабного экономического союза. Для этого предлагалось заключить новый договор взамен Римского, по которому государ-

ства-члены передали бы Сообществу полномочия в области бюджетной, денежно-кредитной, валютной и инвестиционной политики. Меморандум Комиссии от 24 октября 1962 г. трактовал начатый Римским договором процесс интеграции как движение к политическому союзу, который охватит экономическую и социальную сферы. К концу десятилетия планировалось сформировать не только общий бюджет Сообщества, но и валютный союз с банковской системой федеративного типа⁷. В октябре 1970 г. в контексте резкой дестабилизации мировой валютной системы Комиссия приняла программу поэтапного движения к экономическому и валютному союзу, содержащуюся в представленном несколько ранее докладе Вернера⁸.

Экономическая интеграция продолжала находиться в стадии роста. Повышательная волна достигла пика 1 января 1973 года, когда к Сообществу присоединились ещё три страны: Великобритания, Ирландия и Дания. «Шестёрка» превратилась в «девятку». Совокупный ВВП объединения и общая численность его населения увеличились на треть.

Дальнейшее развитие интеграции было остановлено внешними событиями. В августе 1971 г. США прекратили обменивать доллары на золото, а в марте 1973 г. перешли к плавающему курсу доллара. На этом Бреттон-Вудская система, основанная на золотодолларовом стандарте, прекратила существование, положив конец эпохе фиксированных курсов. В октябре 1973 г. на фоне арабо-израильской войны разразился первый нефтяной кризис: страны ОПЕК подняли цены на нефть в четыре раза.

С этого времени действия руководящих органов ЕЭС переключились с созидательных задач интеграции на защитные. Если раньше меры негативной и позитивной интеграции были направлены на развитие

⁷ European Economic Community — Commission. Com 62 (300). Memorandum of the Commission on the action programme of the Community for the second stage. Brussels. 24 October 1962.

⁸ Report of the Council and the Commission on the Realisation by Stages of Economic and Monetary Union in the Community. "Werner Report" (definitive text). Supplement to the Bulletin 11-1970 of the European Communities. Luxembourg, 8 October 1970.

торговли и получение выгод, то теперь новые механизмы создавались исключительно с целью не допустить дезинтеграцию. Последнее положение требует некоторых дополнительных пояснений.

Переход к плавающим курсам представлял гораздо большую угрозу для ЕЭС, чем для других капиталистических стран. Перспектива снижения курсов слабых валют (итальянской лиры и французского франка) означала бы усиление ценовой конкурентоспособности экспортеров из этих стран. Значит, производители из Германии и Нидерландов потребовали бы, чтобы их правительства ввели пошлины, квоты и иные ограничительные меры в отношении партнёров. Ситуация с едиными аграрными ценами была ещё сложнее. Выражаясь современным языком, речь шла о конкурентных девальвациях, которые подрывали механизмы таможенного союза и общей аграрной политики.

Спасение нашли в решении твёрдо зафиксировать валютные курсы стран ЕЭС по отношению друг к другу. Подписанное в апреле 1972 г. Базельское соглашение запустило механизм многосторонней привязки курсов, больше известный как «змея в туннеле», или «валютная змея». Из-за несовершенства конструкции она давала только временную передышку. Спустя семь лет, в марте 1979 года, государства-члены ЕЭС учредили Европейскую валютную систему с собственной расчётной единицей ЭКЮ. Новая система продержалась в общей сложности 20 лет — до введения евро.

Из весьма авторитетной теории неофункционализма известен так называемый эффект перелива (*spillover*). Интеграция распространяется из одной сферы в другую, так как введённое общее регулирование в одних отраслях с течением времени требует аналогичного согласования или общего управления в других. Тем не менее, вопреки распространённым трактовкам, в случае «валютной змеи» перелив произошёл вовсе не потому, что интеграция поступательно распространялась на новые сферы. Причина заключалась в угрозе разрушения её главных достиже-

ний — таможенного союза и общей аграрной политики.

В 1978 г. случился второй нефтяной шок. Инфляция в странах ЕЭС пошла вверх, рост замедлился, безработица увеличивалась. На фоне экономических трудностей правительства стали вводить нетарифные ограничения на импорт из стран-партнёров и искать способы поддержки местных производителей. Интеграция оставалась на стадии или в форме таможенного союза, но его принципы нарушались. По оценкам Комиссии, в это время государства-члены применяли во взаимной торговле 56 разновидностей скрытых, нетарифных барьеров [Шишков 1986].

Все 1970-е годы прошли в ЕЭС под знаком евроскептицизма и «евросклероза», интеграция пребывала в состоянии застоя, авторитет и популярность Сообщества падали. С течением времени переживаемые трудности побудили руководство объединения пересмотреть сверхоптимистичный взгляд на интеграцию и приступить к разработке более реалистичных планов [Борко 2003: 117].

Признаки выхода из застоя наметились к концу десятилетия: в 1981 г. Греция стала десятым членом ЕЭС, а Испания и Португалия в это время уже вели переговоры о вступлении. На 1981–1982 годы пришлось первое за послевоенные десятилетия падение ВВП ряда стран Западной Европы.

В общей сложности первый цикл продоллся с 1951 по декабрь 1984 года, когда истекли полномочия седьмого состава Европейской комиссии. Его продолжительность составила 34 года, из которых 22 года пришлось на период высокой динамики и 12 лет — на период низкой динамики. Начавшись в условиях бурного восстановительного роста, европейская экономическая интеграция развивалась в основном за счёт либерализации торговли. К концу 1960-х годов в ЕЭС действовали общий аграрный рынок и таможенный союз. С 1973 г. поступательное движение прекратилось, интеграция перешла из режима роста в режим выживания. Причиной этого стали: распад Бреттон-Вудской системы,

нефтяные кризисы и общее ухудшение социально-экономического положения стран региона.

Второй цикл (1985–2019)

Новый подъём интеграции связан с именем Жака Делора, который с января 1985 г. возглавил Европейскую комиссию. Десятилетний период его руководства был отмечен двумя крупными проектами: созданием единого внутреннего рынка и переходом к валютному союзу.

Принятый в феврале 1986 г. Единый европейский акт содержал программу построения Единого внутреннего рынка (ЕВР) без границ с четырьмя свободами: передвижения товаров, услуг, капиталов и лиц. Программа удачно соединяла политические и макроэкономические задачи правительств с коммерческими интересами крупных европейских компаний. Последние всё больше проигрывали американским и японским конкурентам, которые гораздо раньше европейцев включились в технологическую гонку и теперь лидировали в ней. Программа ЕВР была в основном завершена к 1992 году.

Важным следствием Единого европейского акта стало распространение интеграционных действий на многие сферы, не предусмотренные схемой Балаши. Сообщество приобрело новые компетенции и приступило к реализации масштабных программ в сфере научно-технической, транспортной, экологической и культурной политики. Расширился объём действий органов ЕС в сфере конкурентной и региональной политики. Во второй половине 1990-х годов началось развитие энергетической политики ЕС. Применительно к этим отраслевым направлениям правомерно говорить о «переливе» интеграции.

В ходе второго цикла внутренними факторами интеграции послужили стремление найти системное решение социально-экономических и структурных проблем 1970-х годов и вернуться к высоким темпам экономического роста; намерение максимально использовать преимущества развернувшейся научно-технической революции,

которая тогда считалась драйвером эндогенного роста.

Одновременно в мире развернулись процессы, оказавшие прямое влияние на динамику европейской интеграции.

Первый из них — сильные и долговременные колебания американской валюты. С конца 1980 по середину 1985 г. номинальный эффективный курс доллара США, то есть измеренный к корзине валют, увеличился почти в полтора раза. Обратное движение заняло два с небольшим года, после чего к маю 1998 г. доллар подешевел ещё на 8%. Резкое снижение курса доллара усилило давление на механизмы Европейской валютной системы. Теперь было трудно определить, какие из европейских валют переоценены, а какие недооценены и, соответственно, кто должен оплачивать дорогостоящие валютные интервенции, что порождало глубокие противоречия между государствами-членами ЕЭС [James 2012: 206–208]. Частота и масштабы проводившихся корректировок курсов свидетельствовали, что Европейская валютная система не выдержит очередного кризиса. Таким образом, в повестку дня возвращался вопрос о жизнеспособности таможенно-го союза и общей аграрной политики.

Второй процесс — техническая модернизация и взрывной рост финансовых рынков. Объём операций на мировых валютных рынках увеличивался темпами, намного превышавшими возможности центральных банков накапливать золотовалютные резервы. В результате повышались затраты на валютные интервенции и снижалась их эффективность. Когда ЕЭС провёл намеченную программой ЕВР либерализацию движения капиталов, он оказался перед лицом «невозможной триады». Суть её состоит в том, что рыночные механизмы не позволяют правительствам одновременно соблюдать три условия: проводить независимую денежно-кредитную политику, обеспечивать свободное движение капиталов и поддерживать фиксированный курс. Можно выбрать любые два условия, но не три сразу. Сообщество оказалось перед выбором: бездействовать и ждать самопроиз-

вольного развала Европейской валютной системы (что едва не случилось во время её кризиса 1992–1993 годов) или осознанно переходить к общей валюте.

Третий процесс — начавшаяся в СССР перестройка, улучшение отношений между Москвой и Вашингтоном, размывание биполярной системы мира, за которыми последовали объединение Германии и распад Советского Союза. Потепление политического климата в Европе в результате советской политики разрядки снижало зависимость Западной Европы от США в военной сфере и тем самым улучшало условия для развития интеграции. При этом объединение Германии нарушало сложившийся внутри ЕЭС баланс сил. Опасаясь растущего экономического и политического влияния немецкого государства, другие страны ЕС стремились максимально связать Германию договорными обязательствами в рамках интеграционного объединения.

Делор и его единомышленники посчитали единственно верным решением форсировать транзит от общего рынка к валютному союзу. В феврале 1992 года, сразу после завершения основной части программы построения Единого внутреннего рынка, в Маастрихте был подписан Договор о Европейском союзе. Он заложил правовые основы Экономического и валютного союза и утвердил график перехода к единой валюте. Здесь мы видим пример наложения внутренних и внешних положительных импульсов интеграции. Две восходящие волны наложились друг на друга и в итоге привели к перегреву, как потом стало ясно, интеграционной динамики.

Экономический и валютный союз ЕС заработал с января 1999 года. Он должен был раз и навсегда решить проблему асинхронного движения обменных курсов государств-членов, обеспечить долгосрочную ценовую стабильность, устранить издержки на конвертирование, упростить трансграничные расчёты, повысить ёмкость и ликвидность финансовых рынков. Евро мыслился как венец Единого внутреннего

рынка ЕС и потому — как пролог к политическому союзу. Ожидалось, что, став второй по значимости международной валютой, евро составит серьёзную конкуренцию доллару и мир в результате продвинется в сторону биполярной международной валютной архитектуры.

В мае 2004 г. ЕС достиг пика восходящей волны, когда в его состав вошли сразу десять новых стран с общим населением 100 млн человек, а число участников объединения достигло 25. Еще раньше, в 1995 году, в ЕС вступили Австрия, Швеция, Финляндия, а в 1986 году — Испания и Португалия. Сочетание процессов углубления и территориального расширения интеграции увеличило нагрузку на её механизмы. Это стало особенно заметно после вступления в ЕС государств Центральной и Восточной Европы, которые пережили трансформационные шоки и заметно отставали от западных партнёров по уровню социально-экономического развития. Динамический потенциал интеграции постепенно истощался.

Перелом наступил в середине 2005 года, когда тщательно подготовленный конституционный договор, приближавший ЕС к политическому союзу, не получил поддержки на национальных референдумах во Франции и Нидерландах. Преодоление конституционного кризиса потребовало времени. Согласованный взамен конституции Лиссабонский договор был подписан в декабре 2007 г. и вступил в силу в декабре 2009 года. За это время дух европейского единства заметно ослаб, перспективы интеграции затуманились, а население в ряде стран стало откровенно выражать апатию и скепсис [Кавешников 2017]. Конституционный кризис имел чисто внутреннюю природу. Он проистекал из разрыва во взглядах на интеграцию у элит и крупного бизнеса, с одной стороны, и у рядовых граждан — с другой.

Новый удар по интеграции пришёл извне. Осенью 2008 г. на рынке ипотечно-кредитования США разразился масштабный кризис, который быстро распространился на Европу и другие части мира.

По итогам 2009 г. совокупный ВВП 28 стран ЕС упал на 4%, а инвестиции – на 12%⁹.

В марте 2010 года, когда социально-экономическая ситуация начала выправляться, Европейская комиссия обнародовала проект новой программы долгосрочного социально-экономического развития ЕС, озаглавленный «Европа 2020. Стратегия умного, устойчивого и инклюзивного роста»¹⁰. Она представляла собой третью версию невыполненной Лиссабонской стратегии 2000 года. Новая стратегия ставила целью удержать и укрепить конкурентные позиции ЕС в мире за счёт использования передовых технологий и вложений в человеческий капитал, что позволило бы сохранить европейскую социальную модель.

Долговой кризис еврозоны обрушил эти планы. На протяжении 2010–2012 годов Европейский центральный банк и другие руководящие органы Союза вели решительную борьбу за сохранение еврозоны и единой валюты. Интеграция, как и 30 лет назад, перешла в режим выживания. Нижняя точка понижательной волны имеет конкретную дату – 26 июля 2012 года, когда президент ЕЦБ Марио Драги произнёс ставшие историческими слова о том, что банк сделает «всё возможное для сохранения евро». С этого дня спреда по государственным облигациям Германии и наиболее слабых стран еврозоны (разница в процентных ставках) начали медленно снижаться.

Важно понимать, что кризис еврозоны был не продолжением мирового финансового кризиса, а специфической реакцией на него европейского валютного союза. Рецидив возник из-за недоработок в механизмах ЭВС. Единая валюта была введена слишком рано, когда еврозона и её участники не отвечали критериям оптимальности. Утверждённые Маастрихтским договором критерии касались номинальной

конвергенции и не предназначались для достижения реальной конвергенции, то есть сближения уровней развития государств-членов, синхронизации их деловых циклов и гармонизации экономической политики. При этом и они выполнялись национальными правительствами с большим трудом, под прессом риска не быть допущенными в еврозону. Вскоре после введения евро бюджетная дисциплина снова ослабла.

Середина и вторая половина 2010-х годов были посвящены доработке механизмов ЭВС и наращиванию его экономической опоры, поскольку разрыв между централизованной денежно-кредитной политикой ЕЦБ и децентрализованной макроэкономической политикой был признан одной из главных причин кризиса еврозоны. Эта необходимая, но рутинная работа включала в себя программы помощи пострадавшим странам, формирование фискального и банковского союзов, запуск «Европейского семестра», а также планы создания объединённого рынка капиталов. Драматизма периоду добавил миграционный кризис, когда в течение одного 2015 г. в страны ЕС прибыло свыше 1 млн беженцев и нелегальных мигрантов.

Второй большой цикл экономической интеграции продлился с начала 1985 по конец 2019 года. Его общая продолжительность составила 35 лет, из них 20 лет пришлось на активное развитие и 15 лет – на кризисы и медленное восстановление. По сравнению с первым циклом повышательная часть волны была более крутой, а понижательная – более долгой и драматичной. Период активного развития интеграции опирался на такие внутренние драйверы, как стремление вернуться к высоким темпам роста, поставить научно-технический прогресс на службу обществу и максимально использовать преимущества ёмкого общего рынка. К этому

⁹ European Economic Forecast. Spring 2010. European Economy. 2010. No 2. P. 15.

¹⁰ Europe 2020 A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Communication from the Commission. Brussels, 03.03.2010 COM(2010) 2020 final. <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF>

добавились внешние силы: резкие колебания доллара, лавинообразный рост мировых финансовых рынков, а также крушение биполярной системы. Пик пришёлся на май 2004 года, когда число государств-членов ЕС увеличилось до 25. Конституционный кризис 2005 г. ознаменовал начало понижательной фазы, в которой тесно переплелись неблагоприятные внешние и внутренние факторы.

Начало третьего цикла (2019–2024)

Третий большой цикл в истории европейской экономической интеграции начался в ноябре 2019 года, когда к исполнению обязанностей приступил новый состав Европейской комиссии под руководством У. фон дер Ляйен. Обоснованием хронологической границы служит произошедшая смена стратегических целей и приоритетов ЕС. После многих десятилетий, когда центральным в его деятельности был экономический блок, теперь официальными приоритетами объявлялись «Европейская зелёная сделка» (достижение климатической нейтральности к 2050 году), «экономика для нужд людей», цифровизация, «защита европейского образа жизни», укрепление позиций ЕС в мире, а также развитие демократии¹¹.

Раздел «экономика для нужд людей» был мало похож по содержанию на прежние программные документы Брюсселя. Теперь углубление Экономического и валютного союза числилось одной из пяти задач наряду с поддержкой малого бизнеса, развитием социальной модели ЕС, обеспечением равенства с упором на гендерный баланс и достижением справедливого налогообложения. Европейский инвестиционный банк предлагалось частично трансформировать в Европейский климатический банк, а ЕЦБ не упоминался вовсе.

В январе 2020 г. произошло первое в истории уменьшение численного состава ЕС. После выхода Великобритании его

общее население сократилось на 13%, а совокупный ВВП – на 15%. В то же время драма Брекзита, как пишет Ал. А. Громыко, содействовала консолидации объединения, а риск его распада под действием эффекта домино фактически отсутствовал [Громыко 2020]. По мнению учёных, Брекзит стал ответом на многие экзистенциальные проблемы ЕС – от последствий мирового экономического и миграционного кризисов до специфической реакции населения на рост конкуренции со стороны китайского импорта [Арбатова 2020; Sampson 2017]. При этом отмечается, что давно отработанные Евросоюзом варианты дифференцированной интеграции оставляют мало надежд на воплощение идеи Европы наций или движения к федерации [Стрежнева 2022].

Начало 2020 г. ознаменовалось в мире пандемией COVID-19. Не нарушая принципов Единого внутреннего рынка, государства-члены ЕС временно восстановили пограничный контроль и развернули программы государственной поддержки бизнеса. На уровне объединения возникли новые финансовые инструменты, в том числе Фонд будущего поколения, которые по своему потенциалу значительно превысили предыдущие аналоги. В многолетней финансовой программе ЕС на 2021–2027 годы были усилены инновационные приоритеты и сокращена доля затрат на аграрную политику. Как итог, ЕС совершил шаг в сторону бюджетной федерализации [Пищик, Алексеев 2021]. Неблагоприятное внешнее воздействие удалось смягчить благодаря созданию новых инструментов, то есть мерами позитивной интеграции.

Имелись и крупные провалы. Если в течение 2005–2015 годов система бюджетных правил Европейского союза прошла через несколько этапов реформирования, то в период пандемии их действие было приостановлено. Стало очевидно, что поддержание финансовой устойчивости

¹¹ European Commission, Directorate-General for Communication, Leyen, U., *A Union that strives for more – My agenda for Europe – Political guidelines for the next European Commission 2019–2024*, Publications Office, 2019. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2775/018127> (accessed: 10.09.2023).

как один из ключевых принципов функционирования Экономического и валютного союза ЕС не достигает своей цели [Холопов 2024].

В 2021 г. в условиях продолжавшейся пандемии органы ЕС не стали подводить официальных итогов реализации программы «Европа 2020. Стратегия умного, устойчивого и инклюзивного роста». Комментарии о том, какие из семи флагманских инициатив удалось выполнить, не последовало. С тех пор без публичных объяснений официальный Брюссель отказался от принятия долгосрочных программ социально-экономического развития. На фоне новой «зелёной» повестки окончательно остались в прошлом среднесрочные «Общие направления экономической политики» (*Broad Economic Policy Guidelines*), хотя, согласно Договору о функционировании ЕС, Совет должен разрабатывать общие направления экономической политики государств-членов (ст. 5, п. 1). Складывалось впечатление, что руководство объединения решило отмежеваться от классической концепции роста, сделав выбор в пользу концепции построста с характерным для неё упором на экологические, структурные и социальные параметры развития [Цибулина 2024].

Экономическая интеграция ЕС вступила в период радикальных перемен. Она разворачивается не в сторону большей унификации экономической, фискальной и других направлений политики государств-членов, то есть фактической федерализации, о чём писал Б. Балашша и о чём мечтали архитекторы ЕЭС в 1960-е годы, а в сторо-

ну реагирования на внешние вызовы. На это имеются объективные причины. Доля ЕС-27 в мировой экономике устойчиво снижается: за 2010–2023 годы она сократилась с 21,8 до 17,5%. За тот же период доля Соединённых Штатов возросла с 22,5 до 26,0%, а Китая – с 9,2 до 17,0%. По итогам 2021 г. КНР впервые в истории обошла ЕС по объёму ВВП по текущему курсу – 17,8 и 17,3 трлн долл., соответственно¹².

Меняющиеся геополитические реалии и усиливающаяся глобальная конкуренция официально объявлялись причинами разработки оглашённой в марте 2020 г. промышленной стратегии ЕС¹³. С серьёзными ограничениями экзогенного свойства столкнулся ЕЦБ в ходе разработки проекта цифрового евро, поскольку подавляющая часть розничных платежей внутри еврозоны осуществляется через крупные неевропейские системы. Развитию рынка цифровых услуг в Евросоюзе препятствует тот факт, что ни одна из пяти крупнейших в мире IT-компаний (*Google, Apple, Meta*¹⁴, *Amazon* и *Microsoft*) не является европейской.

Потребность адекватно вписаться в новую глобальную парадигму – красная нить представленного в сентябре 2024 г. доклада Драги «О будущем конкурентоспособности ЕС»¹⁵. Этот вызов в документе называется экзистенциальным. Ответ на него связан с решением трёх крупных задач: 1) сократить отставание от США и КНР в инновационной сфере, особенно в передовых технологиях; 2) подвести под климатические цели ЕС внятный, последовательный план; 3) повысить степень экономической безопасности, связанной прежде

¹² Источник данных: UNCTADStat: Gross domestic product total and per capita, annual. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPTotal> (accessed: 12.09.2024). По итогам 2023 г. ввиду торможения экономики Китая его ВВП сократился до 17,8 трлн долл. в текущих ценах, тогда как совокупный ВВП Евросоюза составил 18,4 трлн долл.

¹³ European Commission. A New Industrial Strategy for Europe. Communication from the Commission. Brussels. 10.03.2020. COM(2020) 102 final.

¹⁴ Компания *Meta Platforms* внесена в список экстремистских организаций на территории Российской Федерации в соответствии с решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 и апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.06.2022.

¹⁵ The Future of European Competitiveness // European Commission. https://commission.europa.eu/topics/strengthening-european-competitiveness/eu-competitiveness-looking-ahead_en#paragraph_47059 (accessed: 02.10.2024).

всего с поставками критически важного сырья, полупроводников и цифровых технологий. Предлагаемая к разработке внешнеэкономическая политика ЕС, по всей видимости, будет отталкиваться от принятой летом 2023 г. «Европейской стратегии экономической безопасности»¹⁶.

Особого внимания заслуживает не высказанная прямо, но отчётливая мысль доклада Драги, что «зелёная» повестка не снимает проблему экономического роста. Фактически комиссия фон дер Ляйен не просто провозгласила «Европейскую зелёную сделку», но поставила её на место фундаментальных задач экономической интеграции, таких как экономический рост, повышение благосостояния, координация экономической политики государств-членов, конвергенция, социальное и региональное сплочение. Последние пять лет все они находились в тени. Окажется ли данная смена курса окончательной или будет отыграна назад, станет ясно до конца 2025 года, когда новый состав Европейской комиссии приступит или не приступит к реализации обозначенных в докладе Драги задач.

Как видно, третий цикл начался с решительного пересмотра приоритетов интеграции, где экономическому измерению (в его традиционном понимании) отводится второстепенная роль. Выход Великобритании из ЕС, неуклонное сокращение доли объединения в мировом ВВП, обострение проблемы конкурентоспособности — всё это делает маловероятным новый энергичный подъём экономической интеграции. По крайней мере до тех пор, пока не будут определены её новые стратегические цели.

* * *

Первые два цикла европейской экономической интеграции имели почти одинаковую продолжительность — около 35 лет. Периоды активной динамики составляли примерно $\frac{2}{3}$ общей продолжительности

обоих циклов, тогда как их последняя треть приходилась на периоды кризисов и зстоя. После прохождения пика, или точки перелома, задачи интеграции переключались с конструктивных (созидательных) на защитные, включая необходимость поддерживать жизнеспособность созданных к этому времени её механизмов.

В ходе первого цикла были созданы Общая сельскохозяйственная политика и таможенный союз. Переход от высокой динамики к низкой произошёл под действием экзогенных факторов — распада Бреттон-Вудской системы и нефтяных кризисов. В ходе второго цикла возникли Единый внутренний рынок и Экономический и валютный союз с единой валютой. Переход к политическому союзу не состоялся, что послужило началом периода понижающей динамики, которую многократно усилили мировой финансовый кризис, а затем кризис еврозоны.

Третий цикл начался с пандемии COVID-19, Брексита и общего переформатирования интеграционного досье. Выдвижение новых приоритетов — «зелёной повестки» и цифровизации — произошло за счёт смещения на второй план традиционных задач экономической интеграции. Вероятность движения ЕС к полному экономическому союзу, о котором писал Балашша, представляется в обозримом будущем пренебрежимо малой. Если понижение экономической тематики в Брюсселе продолжится, то для экономической интеграции наступит длительная фаза плато. Она будет означать, что внутренняя повестка, соответствующая стадиям Балашши, исчерпана, а вместе с ней — потенциал интеграции наращивать общее для государств-членов благо. При таком сценарии усилия органов ЕС будут направляться на усовершенствование отдельных уже существующих механизмов, например достраивание архитектуры ЭВС, модерни-

¹⁶ European Commission Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council on the "European Economic Security Strategy". Brussels. 20.06.2003. JOIN (2023) 20 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52023JC0020> (accessed: 13.09.2024).

зация таможенного союза, а также развитие рынка цифровых услуг.

В рамках третьего цикла Европейский союз всё более переключается на реагирование на внешние вызовы. Следует ожидать, что это будет характерно и для экономического измерения интеграции. Отличие современного геополитического положения ЕС от его положения в двух предыдущих больших циклах состоит в том, что теперь к технологическому отставанию от США добавляется конкуренция с Китаем, экономическая модель которого весьма далека от европейской.

Что даёт предложенный взгляд на экономическую интеграцию через призму больших циклов? Чем он может быть полезен для понимания природы интеграции первой четверти XXI века?

Во-первых, он расширяет исследовательскую оптику, добавляя к ней фактор глобализации. *Во-вторых*, появляется возможность рассмотреть интеграционный процесс как результат действия внешних и внутренних сил. Следовательно, избавиться от критических оценок направленность интеграции вовне, а также признать наличие у неё не только созидательных, но и защитных задач. *В-третьих*, более закономерными представляются колебания интеграционной динамики и более естественными возможные остановки. Наконец, предложенный подход открывает дискуссию, в каком направлении может развиваться экономическая интеграция, когда классическая схема Балашки, прослужив науке добрых 60 лет, постепенно утрачивает объяснительную силу.

Список литературы

- Арбатова Н.К. Станет ли Европейский Союз мировым центром силы? (Тенденции, возможности, риски) // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 51–65. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-51-65
- Байков А.А. «Интеграционные маршруты» Западно-Центральной Европы и Восточной Азии // Международные процессы. 2007. Т. 5. №3(15). С. 4–17.
- Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.
- Борко Ю.А. От европейской идеи — к единой Европе. М.: Деловая литература, 2003. 463 с.
- Буторина О.В. Региональная интеграция: основные понятия // Европейская интеграция: Учебник / Под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011. С. 12–30.
- Буторина О.В. Цели региональной интеграции: современное понимание // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. №10. С. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-5-14
- Буторина О.В., Борко Ю.А. Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции // Современная Европа. 2022. № 1(108). С. 5–20. DOI: 10.31857/S0201708322010016
- Бучинская О.Н. Проблема неравенства и управления в Евросоюзе // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 62. С. 171–189. DOI: 10.17223/19988648/62/12
- Громыко Ал.А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 5. С. 6–19. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>
- Кавешников Н.Ю. Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. №5. С. 14–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-14-24
- Кондратьева Н.Б. Европейская модель интеграции рынков. Становление и перспектива. М.: РАН, 2020. 384 с.
- Костонина Г.М. Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. №2. С. 303–317. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317
- Пищик В.Я., Алексеев П.В. Трансформации в монетарной и финансовой политике Евросоюза под влиянием COVID-19 // Мир новой экономики. 2021. Т. 15. № 4. С. 48–57. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-4-48-57>
- Спартак А.Н. Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. №4. С. 13–37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

- Стрежнева М.В.* Дифференцированная региональная (дез)интеграция после Брексита // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. №3. С. 39–60. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-39-60>
- Ушколова Д.И., Головин М.Ю.* Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. М.: Институт экономики РАН, 2011. 44 с.
- Ушколова Д.И.* Экономические эффекты региональной интеграции. Мифы и реальность. // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 4. С. 120–137.
- Холопов А.В.* Бюджетная политика развитых стран: игра по правилам? // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 2. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-5-15
- Цибулина А.Н.* Новые приоритеты роста в экономической политике Европейского союза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. Т. 40. № 2. С. 175–190. doi.org/10.21638/spbu05.2024.202
- Четверикова А.С.* Тенденции развития Евросоюза: некоторые аспекты экономической интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. №1. Р. 95–104. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-95-104>
- Шишков Ю.В.* Европейское Сообщество на переломном рубеже // Мировая экономика и международные отношения. 1986. № 6. С. 40–53.
- Шишков Ю.В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: НП III Тысячелетие, 2001. 480 с.
- Balassa B.* The Theory of Economic Integration. Homewood (Illinois): Richard D. Irwin, Inc, 1961. 304 p.
- Balassa B.* Towards a Theory of Economic Integration // Kyklos. 1961. Vol. 14. No. 1. P. 1–14.
- Balassa B.* Tariff Reduction and Trade in Manufactures among the Industrial Countries // American Economic Review. 1966. Vol. 56. No. 3. P. 466–473.
- Baldwin R.E.* The causes of regionalism // The World Economy. 1997. Vol. 20. No. 7. P. 865–888. DOI: 10.1111/1467-970100107
- Baldwin R.* Sequencing Asian Regionalism: Theory and Lessons from Europe // Journal of Economic Integration. 2012. Vol. 27. No. 1. P. 1–32.
- Bergsten F.C.* Open Regionalism // The World Economy. 1997. Vol. 20. No. 5. P. 545–565. DOI: 10.1111/1467-9701.00088
- Bongardt A., Torres F.* Economic Governance and Sustainability // Mapping European Integration / ed. by A. Verdun, A. Tobias. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. P. 146–167.
- Covi G.* Trade Imbalances within the Euro Area: Two Regions, Two Demand Regimes // Empirica. 2020. Vol. 48. No. 1. P. 181–221. doi.org/10.1007/s10663-020-09477-3
- De Grauwe P.* What have we Learnt about Monetary Integration since the Maastricht Treaty? // Journal of Common Market Studies. 2006. Vol. 44. No. 4. P. 711–730. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2006.00659.x>
- Dion D.-P.* Regional integration and economic development: An empirical approach // GESY Discussion Paper. 2004. No. 21. 30 p. doi:10.5282/ubm/epub.13527
- Ethier W.J.* Regionalism in a Multilateral World // Journal of Political Economy. 1998. Vol. 106. No. 6. P. 1214–1245. <http://dx.doi.org/10.1086/250045>
- Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration. Fourth World Report on Regional Integration / ed. by Ph. De Lombaerde, E. J. Saucedo Acosta. Cham: Springer, 2017. 360 p. DOI: 10.1007/978-3-319-50860-3
- Haas E.B.* International integration: the European and the universal process // International Organization. 1961. Vol. 15. No. 3. P. 366–392. <https://doi.org/10.1017/S0020818300002198>
- Holmes P., Tobias A.* Trade Policy // Mapping European Integration / ed. by A. Verdun, A. Tobias. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. P. 38–56.
- Hooghe L., Marks G.* Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // British Journal of Political Science. 2009. Vol. 39. No. 1. P. 1–23. <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>
- Hooghe L., Marks G.* Grand theories of European Integration in the Twenty-first Century // Journal of European Public Policy. 2019. Vol. 26. No. 8. P. 1113–1133. <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1569711>
- James H.* Making the European Monetary Union. The Role of the Committee of Central Bank Governors and the Origins of the European Central Bank. Cambridge, London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. 567 p.
- Kaveshnikov N.Y.* The Role of Transformative Projects in European Union Integration Dynamics // Sovremennaa Evropa. 2024. No. 4(125). P. 5–16. DOI: 10.31857/S0201708324040016
- Kenen P.* The theory of Optimum Currency Areas: an Eclectic View // Monetary Problems of the International Economy / ed. by R. Mundell, A. K. Swoboda. Chicago: University of Chicago Press, 1969. P. 41–60.

- Krapohl S., Fink S. Different Paths of Regional Integration: Trade Networks and Regional Institution-Building in Europe, Southeast Asia and Southern Africa // *Journal of Common Market Studies*. 2013. Vol. 51. No. 3. P. 472–488. <https://doi.org/10.1111/jcms.12012>
- Krapohl S. Integration Theory and the New Regionalism // *Regional Integration in the Global South. External Influence on Economic Cooperation in ASEAN, MERCOSUR and SADC* / ed. by S. Krapohl. Amsterdam: Palgrave Macmillan, 2017. P. 1–29. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-38895-3>
- Machlup F. A History of Thought on Economic Integration. London; Basingstoke: The Macmillan Press, 1977. 323 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-03171-9>
- McKinnon R. Optimum Currency Areas // *American Economic Review*. 1963. Vol. 53. No. 4. P. 717–725.
- Mattli W. Explaining Regional Integration Outcomes // *Journal of European Public Policy*. 1999a. Vol. 6. No. 1. P. 1–27. <https://doi.org/10.1080/135017699343775>
- Mattli W. The Logic of Regional Integration. Europe and Beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1999b. 205 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511756238>
- Monnet J. A Ferment of Change // *Journal of Common Market Studies*. 1963. Vol. 1. No. 3. P. 203–211. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1963.tb01060.x>
- Mundell R. A Theory of Optimum Currency Areas // *The American Economic Review*. 1961. Vol. 51. No. 4. P. 657–665.
- Pelkmans J. Common markets // *Handbook of Regional Cooperation and Integration* / ed. by Ph. De Lombaerde. Cheltenham (UK) ; Northampton (Massachusetts): Edward Elgar Publishing House, 2024. P. 63–107.
- Perroux F. Les formes de la concurrence dans le Marché Commun // *Revue d'Economie Politique*. 1958. Vol. 68. No. 1. P. 340–378.
- Sampson T. Brexit: The Economics of International Disintegration // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31. No. 4. P. 163–184. DOI: 10.1257/jep.31.4.163
- The Regional Integration Manual. Quantitative and Qualitative Methods / ed. by Ph. De Lombaerde, R.G. Flores, P. L. Iaparde, M. Schulz M. London; New York: Routledge, 2011. 384 p.
- Tinbergen J. International Economic Integration. Amsterdam: Elsevier. 1954. 191 p.
- Verdoorn P.J. The Intra Block Trade of Benelux // *Economic Consequences of the Size of Nations* / ed. by E.A.G. Robinson. London: Palgrave Macmillan, 1960. P. 291–329.
- Viner J. The Customs Union Issue. New York: Oxford University Press, 2014. 248 p.

THE EUROPEAN UNION AND THE LONG CYCLES OF ECONOMIC INTEGRATION

OLGA BUTORINA

Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia

Abstract

The dynamics of regional economic integration remain under-discussed in academic circles. The European Union's trajectory—from customs union to common market to monetary union—exemplifies Bela Balassa's well-known stages. The launch of the Economic and Monetary Union 25 years ago with the single European currency marked a significant advance. Yet the 2005 constitutional crisis revealed the limitations of pursuing Balassa's full economic union, or a total economic integration that presupposes the unification of monetary, fiscal, social and countercyclical policies. Consequently, traditional stage-based models of integration are increasingly inadequate for explaining 21st-century dynamics. Scholars need new ideas and approaches that would help them to grasp the nature of regional economic integration in the first half of the 21st century. This article proposes a hypothesis of long cycles in regional economic integration. This framework rests on two key assumptions. First, regional integration is a collective instrument of globalization, not an insulated, endogenously induced process aimed at getting welfare gains

and expanding national markets. Its pace depends on the interplay of internal and external driving forces, whose interrelation and juxtaposition may accelerate or slow down progress. Second, economic integration unfolds cyclically, characterized by long waves of growth and stagnation, rather than a steady, linear advancement. I identify three such cycles in the European context: the first (1951–1984), the second (1985–2019) and the third (2019–present). Each cycle exhibits distinct goals, agendas and programs. With goals almost achieved and programs close to implementation, the additional institutional and operational burden puts more pressure on integration dynamics. If coupled with adverse external impact, it may suppress integration activity and induce stagnation with certain elements of disintegration. Another upward trend may gain momentum with the initiation of a new cycle, driven by a comprehensive upgrade of the integration project based on novel ideology, revised goals and fresh resources.

Keywords:

European Union; regional economic integration; stages of integration; customs union; common market; monetary union; long cycles

References

- Arbatova N.K. (2020). Stanet li Evropeyskiy Soyuz mirovym tsentrom sily? (Tendentsii, vozmozhnosti, riski) [Will the European Union Become a Global Power Center? (Trends, opportunities, risks)]. *World Economy and International Relations*. Vol. 64. No. 6. P. 51–65. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-51-65
- Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. Homewood (Illinois): Richard D. Irwin, Inc. 304 p.
- Balassa B. (1961). Towards a Theory of Economic Integration. *Kyklos*. Vol. 14. No. 1. P. 1–14.
- Balassa B. (1966). Tariff Reduction and Trade in Manufactures among the Industrial Countries. *American Economic Review*. Vol. 56. No. 3. P. 466–473.
- Baldwin R.E. (1997). The causes of regionalism. *The World Economy*. Vol. 20. No. 7. P. 865–888. DOI: 10.1111/1467-970100107
- Baldwin R. (2012). Sequencing Asian Regionalism: Theory and Lessons from Europe. *Journal of Economic Integration*. Vol. 27. No. 1. P. 1–32.
- Baykov A.A. (2007). “Integratsionnye marshruty” Zapadno-Tsentral'noy Evropy i Vostochnoy Azii [“Integration routes” of West-Central Europe and East Asia]. *Mezhdunarodnye Protsessy*. Vol. 5. No. 3(15). P. 4–17.
- Baykov A.A. (2012). *Sravnitel'naya integratsiya. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoy Evrope i Tikhookeanskoy Azii* [Comparative integration. Experience and Patterns of Integration in the United Europe and Asia Pacific]. Moscow: Aspect Press. 256 p.
- Bergsten F.C. (1997). Open Regionalism. *The World Economy*. Vol. 20. No. 5. P. 545–565. DOI: 10.1111/1467-9701.00088
- Bongardt A., Torres F. (2013). Economic Governance and Sustainability. In: A. Verdun, A. Tobias (eds.). *Mapping European Integration*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 146–167.
- Borko Yu.A. (2003). *Ot evropeyskoy idei – k edinoy Evrope* [From the European Idea to the United Europe]. Moscow: Delovaya Literatura. 463 p.
- Buchinskaya O.N. (2023). Problema neravenstva i upravleniya v Evrosoyuze [Problems of Inequality and Governance in the European Union]. *Tomsk State University Journal of Economics*. No. 62. P. 171–189. DOI: 10.17223/19988648/62/12
- Butorina O.V. (2021). Regional'naya integratsiya: osnovnye ponyatiya [Regional integration: basic concepts]. In: O. V. Butorina (ed.) *Evropeyskaya integratsiya: uchebnik* [European integration: textbook]. Moscow: Delovaya literatura. P. 12–30.
- Butorina O.V. (2021). Tseli regional'noy integratsii: sovremennoe ponimanie [Goals of Regional Integration: A Modern Understanding]. *World Economy and International Relations*. Vol. 65. No. 10. P. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-5-14
- Butorina O.V., Borko Yu.A. (2022). Vygody regional'noy integratsii: peresmotr kontseptsii [Benefits of Regional Integration: Redefining the Concept]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 92. No. 2. P. 105–112. doi: 10.1134/S1019331622080020
- Chetverikova A.S. (2024). Tendentsii razvitiya Evrosoyuza: nekotorye aspekty ekonomicheskoy integratsii [European Union Development Trends: Some Aspects of Economic Integration]. *World Economy and International Relations*. Vol. 68. No. 1. P. 95–104. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-95-104>
- Covi G. (2020). Trade Imbalances within the Euro Area: Two Regions, Two Demand Regimes. *Empirica*. Vol. 48. No. 1. P. 181–221. doi.org/10.1007/s10663-020-09477-3

- De Grauwe P. (2006). What have we Learnt about Monetary Integration since the Maastricht Treaty? *Journal of Common Market Studies*. Vol. 44. No. 4. P. 711–730. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2006.00659.x>
- De Lombaerde Ph., Flores R.G., Iaparde P.L., Schulz M. (eds.) (2011). *The Regional Integration Manual. Quantitative and Qualitative Methods*. London; New York: Routledge. 384 p.
- De Lombaerde Ph., Saucedo Acosta E.J. (eds.) (2017). *Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration. Fourth World Report on Regional Integration*. Cham: Springer. 360 p. DOI 10.1007/978-3-319-50860-3
- Dion D.-P. (2004). Regional integration and economic development: An empirical approach. *GESY Discussion Paper*. No. 21. 30 p. doi:10.5282/ubm/epub.13527
- Ethier W.J. (1998). Regionalism in a Multilateral World. *Journal of Political Economy*. Vol. 106. No. 6. P. 1214–1245. <http://dx.doi.org/10.1086/250045>
- Gromyko A.I.A. (2020). Pandemiya i krizis sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy [The Pandemic and the Crisis in the System of International Relations]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 13. No. 5. P. 6–19. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>
- Haas E.B. (1961). International integration: the European and the universal process. *International Organization*. Vol. 15. No. 3. P. 366–392. <https://doi.org/10.1017/S0020818300002198>
- Holmes P., Tovas A. (2013). Trade Policy. In: A. Verdun, A. Tobias (eds.) *Mapping European Integration*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 38–56.
- Hooghe L. Marks G. (2009). Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus. *British Journal of Political Science*. Vol. 39. No. 1. P. 1–23. <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>
- Hooghe L., Marks G. (2019). Grand theories of European Integration in the Twenty-first Century. *Journal of European Public Policy*. Vol. 26. No. 8. P. 1113–1133. <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1569711>
- James H. (2012). *Making the European Monetary Union. The Role of the Committee of Central Bank Governors and the Origins of the European Central Bank*. Cambridge, London: The Belknap Press of Harvard University Press. 567 p.
- Kaveshnikov N. Yu. (2017). Institutsional'no-politicheskoe razvitie ES: krizis i varianty transformatsii [Institutional and political development of the EU: Crisis and transformation options]. *World Economy and International Relations*. Vol. 61. No. 5. P. 14–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-14-24
- Kaveshnikov N. Yu. (2024). The Role of Transformative Projects in European Union Integration Dynamics. *Sovremennaa Evropa*. No. 4. P. 5–16. DOI: 10.31857/S0201708324040016
- Kenen P. (1969). The theory of Optimum Currency Areas: an Eclectic View. In: R. Mundell, A.K. Swoboda A (eds). *Monetary Problems of the International Economy*. Chicago: University of Chicago Press. P. 41–60.
- Kholopov A.V. (2024). Byudzhethnaya politika razvitykh stran: igra po pravilam? [Fiscal Policy of Advanced Economies: Playing by the Rules?]. *World Economy and International Relations*. Vol. 68. No. 2. P. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-5-15
- Kondratieva N.B. (2010). *Europeyskaya model' integratsii rynkov. Stanovlenie i perspektiva* [The European Model of Market Integration. Formation and Perspective]. Moscow: RAN. 384 p.
- Kostyunina G.M. (2020). Regionalizm v sovremennoy mirovoy ekonomike: evolyutsiya i osnovnye tendentsii [Regionalism in the Modern World Economy: Evolution and Main Trends]. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 20. No. 2. P. 303–317. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317
- Krapohl S. (2017). Integration Theory and the New Regionalism. In: S. Krapohl (ed.) *Regional Integration in the Global South. External Influence on Economic Cooperation in ASEAN, MERCOSUR and SADC*. Amsterdam: Palgrave Macmillan. P. 1–29. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-38895-3>
- Krapohl S., Fink S. (2013). Different Paths of Regional Integration: Trade Networks and Regional Institution-Building in Europe, Southeast Asia and Southern Africa. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 51. No. 3. P. 472–488. <https://doi.org/10.1111/jcms.12012>
- Machlup F. (1977). *A History of Thought on Economic Integration*. London; Basingstoke: The Macmillan Press. 323 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-03171-9>
- Mattli W. (1999a). Explaining Regional Integration Outcomes. *Journal of European Public Policy*. Vol. 6. No. 1. P. 1–27. <https://doi.org/10.1080/135017699343775>
- Mattli W. (1999b). *The Logic of Regional Integration. Europe and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press. 205 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511756238>
- McKinnon R. (1963). Optimum Currency Areas. *American Economic Review*. Vol. 53. No. 4. P. 717–725.
- Monnet J. (1963). A Ferment of Change. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 1. No. 3. P. 203–211. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1963.tb01060.x>

- Mundell R. (1961). A Theory of Optimum Currency Areas. *The American Economic Review*. Vol. 51. No. 4. P. 657–665.
- Pelkmans J. (2024). Common markets. In: Ph. De Lombaerde (ed.) *Handbook of Regional Cooperation and Integration*. Cheltenham (UK); Northampton (Massachusetts): Edward Elgar Publishing House. P. 63–107.
- Perroux F. (1958). Les formes de la concurrence dans le Marché Commun. *Revue d'Economie Politique*. Vol. 68. No. 1. P. 340–378.
- Pishchik V.Ya., Alekseev P. V. (2021). Transformatsii v monetarnoy i finansovoy politike Evrosoyuza pod vliyaniem COVID 19 [Transformations in the Monetary and Financial Policy of the European Union under the Influence of COVID 19]. *The World of New Economy*. Vol. 15. No. 4. P. 48–57. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-4-48-57>
- Sampson T. (2017). Brexit: The Economics of International Disintegration. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 31. No. 4. P. 163–184. DOI: 10.1257/jep.31.4.163
- Shishkov Yu.V. (1986). Evropeyskoe Soobshchestvo na perelomnom rubezhe [The European Community at a Turning Point]. *World Economy and International Relations*. No. 6. P. 40–53. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-5-15
- Shishkov Yu.V. (2001). *Integratsionnye protsessy na poroge XXI veka. Pochemu ne integriruyutsya strany SNG* [Integration Processes on the Threshold of the 21st Century. Why the CIS Countries do not Integrate]. Moscow: NP III Tsyacheletie. 480 p.
- Spartak A.N. (2017). Metamorfozy protsessa regionalizatsii: ot regional'nykh torgovykh soglasheniy k megaregional'nykh proektam [Metamorphosis of Regionalization: from Regional Trade Agreements to Megaregional Projects]. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. Vol. 10. No. 4. P. 13–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37>
- Strezhneva M.V. (2022). Differentirovannaya regional'naya (dez) integratsiya posle Breksita [Differentiated Regional (Dis)Integration Post Brexit]. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 15. No. 3. P. 39–60. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-39-60>
- Tinbergen J. (1954). *International Economic Integration*. Amsterdam: Elsevier. 191 p.
- Tsibulina A.N. (2024). Novye priority rosta v ekonomicheskoy politike Evropeyskogo soyuza [New Growth Priorities of European Union Economic Policy]. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. Vol. 40. No. 2. P. 175–190. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.202>
- Ushkalova D.I. (2017). Ekonomicheskie efekty regional'noy integratsii. Mify i real'nost' [Economic Effects of Regional Integration. Myths and Reality]. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. No. 4. P. 120–137.
- Ushkalova D.I., Golovnin M.Yu. (2011). *Teoreticheskie podkhody k issledovaniyu mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii* [Theoretical Approaches to the Study of International Economic Integration]. Moscow: Institut ekonomiki RAN. 44 p.
- Verdoorn P.J. (1960). The Intra Block Trade of Benelux. In: E.A.G. Robinson (ed.) *Economic Consequences of the Size of Nations*. London: Palgrave Macmillan. P. 291–329.
- Viner J. (2014). *The Customs Union Issue*. New York: Oxford University Press. 248 p.

ТЕОРИЯ ДИВЕРГЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОТНОШЕНИЙ ЗАПАДА С РОССИЕЙ

КОНСТАНТИН ХУДОЛЕЙ

ЮРИЙ КОЛОТАЕВ

ГРИГОРИЙ ЯРЫГИН

ЕВГЕНИЙ КОЛОСКОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

Повышенная неопределённость и конфликтность на международной арене стимулируют центробежные тенденции внутри политических элит различных стран. Эти процессы, объединённые термином «межэлитная дивергенция», приводят, в частности, к образованию разделительных линий по вопросам внешней политики. Деградация связей между элитами проявляется в трёх стадиях дивергенции: сегментации, фрагментации и поляризации. Сегментация предполагает разделение элиты на группы с сохранением контактов между ними. Фрагментация указывает на более глубокий разрыв, при котором между элитами исчезают постоянные связи и кооперация становится ограниченной или ситуативной. Поляризация характеризуется полным разрывом коммуникации и формированием взаимоисключающих позиций. Раскрытие каждой из стадий дивергенции возможно при опоре на три ключевые переменные: согласованность, лидерство и интегрированность. Подобная классификация помогает частично избежать упрощения в оценке состояния элит. В статье применяется разработанная классификация к анализу дивергенции элит в Европейском союзе и США, а также рассматриваются разногласия внутри этих элит по отношению к России. В 2014–2022 годах они привели к сегментации и фрагментации элит Евросоюза по вопросу санкций, но не к их ослаблению. В США признаки поляризации были частично спровоцированы разделительными линиями по вопросу отношений с Россией и отразились в большей степени на внутривнутриполитическом процессе. Несмотря на внешнюю противоречивость, преемственность общего курса американской политики сохранилась. Приводимые примеры показывают, что теория дивергенции позволяет зафиксировать глубину дискурсивных расхождений, при этом противоречия не предопределяют неизбежность политической дисфункции. Учёт стадий дивергенции даёт возможность выйти за пределы простой дихотомии «конфликт–кооперация» в рамках анализа межэлитного взаимодействия.

Ключевые слова:

дивергенция; элиты; разделительные линии; сегментация; фрагментация; поляризация; внешняя политика; Россия

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-01280, <https://rscf.ru/project/24-28-01280/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2025

Дата принятия к публикации: 14.06.2025

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: yury.kolotaev@mail.ru

Значительная степень неопределённости и повышенной конфликтности в международных отношениях обусловлена такими факторами, как усиление многоуровневых кризисов [Энтин, Энтина, Бабкина 2024; Громыко 2020; Lebedeva 2022], трансформация международных организаций [Dijkstra, Debre 2022] и ухудшение качества взаимодействия между ключевыми глобальными игроками [Мизин 2020; Романова 2024]. На этом фоне внутри политических элит различных стран усиливаются центробежные процессы, иначе обозначаемые как *межэлитная дивергенция*. Они выступают важным обстоятельством в формировании государственной политики на международной арене.

Нередко этот процесс дивергенции представляется как бинарное явление, не имеющее развёрнутой градации. Межэлитный баланс выражен в рамках простой дихотомии «сотрудничество—конфликт» с незначительными вариациями распределения [Cheek, Hamrin 2023; Engelstad 2009]. Подобная позиция подходит для упрощённых моделей, объясняющих базовые механизмы политической динамики. Но в случае внешнеполитических процессов принципиальным является более точное определение состояния элиты с точки зрения её внутренней сплочённости. В данном исследовании межэлитный баланс рассматривается как разновидность разобщённости — от сегментации до поляризации позиций. Подобный подход позволяет более точно определить уязвимости в процессах построения кооперационной и консенсусной модели поведения среди элит.

Дивергенция приводит к формированию разделительных линий, которые могут ослаблять позиции одних и усиливать статус других политических групп. Исследование динамики межэлитного взаимодействия по вопросам внешней политики даёт возможность глубже понять источники международной напряжённости и причины роста нестабильности в межгосударственных отношениях, а также избежать упрощённого понимания межэлитного баланса.

С точки зрения применяемых теоретических концепций авторы настоящей статьи прибегают к синтезу неоэлитистских и демоэлитистских подходов. В частности, присутствует демоэлитистский фокус на политических избираемых элитах и лидерах, взаимодействующих с остальной частью населения через демократические институты и инструменты (демократия как метод управления) [Körösi 2018; Сухонос 2022]. Легитимация решений подразумевает гражданскую вовлечённость, которая имеет для системы скорее процессуальный характер. Вместе с тем акцент на внешнеполитической проблематике ставит во главу угла разграничение позиций во власти и реальном влиянии, что особенно актуально для многокомпонентных структур влияния, например наднационального регулирования. По этой причине в данной работе присутствуют неоэлитистские тезисы об особом положении одних политических групп по отношению к другим. В широкой перспективе подобное положение ситуативно и не является постоянным, что способствует сближению неоэлитистских положений с демоэлитизмом. Комбинация подходов обусловлена стремлением отразить динамизм, определяющий межэлитный процесс принятия решений в сфере внешней политики.

В статье применяется кейс-стади, который позволяет выявить и проанализировать примеры формирования и углубления разделительных линий внутри политических элит. В качестве примеров рассматривается политика Евросоюза и США в отношении России в период с 2014 по 2022 год. Применение кейс-метода также даёт возможность рассмотреть специфику данных процессов в национальных и наднациональных политических системах. Изучение отдельных случаев способствует выявлению типологий взаимодействия между элитами, а также условиями формирования консенсуса — устойчивого или неустойчивого.

Дополнительно в работе применяется агентное моделирование [Дегтерёв 2016] для имитации поведения отдельных сег-

ментов политических элит в условиях конфликтной или консенсусной динамики. Данный метод позволяет наглядно представить взаимодействие различных групп внутри элиты в рамках общей политической структуры, выявляет закономерности их поведения и определяет условия, при которых разделительные линии могут привести к конфликту или сохранить пространство для компромисса. Моделирование разделительных линий обеспечивает более точную оценку рисков внутриэлитных конфликтов для внешней политики и подкрепляет прогноз возможных сценариев развития в зависимости от изменений политического курса. Комбинация этих двух методов содействует не только анализу конкретных примеров, но и теоретическому обобщению результатов с применением моделей, отражающих ключевые закономерности межэлитного взаимодействия.

Статья включает в себя четыре раздела. В первой части рассматриваются общие характеристики теории элит, а также вводятся ключевые переменные дальнейшего анализа. Во втором разделе они дополняются особенностями межэлитного взаимодействия по вопросам внешней политики. Третий раздел описывает концептуальные основы предложенной авторами классификации межэлитной дивергенции. В четвёртом разделе отражены результаты кейс-стади на основе двух примеров: Евросоюза и США. В заключении представлены общие выводы о значимости дифференцированного подхода к межэлитному взаимодействию.

Теоретические подходы к изучению политических элит

Изучение политических элит остаётся одним из центральных и исторически укоренившихся вопросов политических исследований. В широком смысле речь идёт о социальной группе, обладающей властными компетенциями в рамках политической системы, подразумевающими влияние (прямое и косвенное) на процесс принятия политических решений. Ключевые должности в правительстве, военных, экономи-

ческих или других ключевых секторах общественной жизни предоставляют элите доступ к власти, непубличной информации и возможностям формировать политику, затрагивающую как национальное, так и международное пространство.

С точки зрения классических теорий элит образование доминирующих социальных групп сопряжено как с чётким разграничением между правящими и управляемыми [Моска 2012], так и с «циркуляцией», в ходе которой новые элиты сменяют старые, поддерживая непрерывность системы [Парето 2011]. Эти принципы скрепляются сформулированным Робертом Михельсом «железным законом олигархии» [Michels 1999], согласно которому все общественные структуры неизбежно становятся олигархическими, поскольку власть сосредоточивается в руках нескольких лидеров.

Современные подходы к исследованию элит охватывают всё более широкие представления о её структуре, как правило, через призму взаимосвязей и сетей влияния [Keller 2018]. В частности, категория политической элиты включает в себя не только избираемых или находящихся у власти лидеров, но и другие влиятельные группы [Амуров 2020; Friedman, Reeves 2020], такие как бюрократия, политически значимые интеллектуалы и аффилированные с политическими течениями фигуры. Между собой все они не только сотрудничают, но и могут вступать в конфликт из-за конкурирующих интересов. В этой связи внимание акцентируется на изменчивости поведения элит в различных контекстах, зависящих от внешних и внутренних переменных. Исследователи также изучают «рекрутирование» новых членов [Matsumoto, Okazaki 2023; Gaman-Golutvina, Soloveva 2021] в зависимости от общей динамики элитных групп.

Сторонники конструктивизма отвергают идею статического анализа политической власти [Najimdeen 2016; Alexandrova 2021]. Подобный подход к текущему состоянию политических элит указывает на то, что влияние доминирующих политических групп осуществляется не только благодаря

реальной власти, но и через распространение норм, идеологий и социальных значений, которые определяют, в частности, внешнеполитические решения. Эти наблюдения особенно релевантны в отношении той части элиты, которая находится в оппозиции [Clayton 2021]. Сохраняя нормативное влияние, она продолжает оказывать воздействие на политический курс посредством мобилизации населения или через аффилированные политические структуры.

В классических и современных теориях подчёркиваются разные механизмы поддержания доминирования элит, позволяющие при помощи иерархичной структуры сохранять власть. Тем не менее структура политической элиты подразумевает внутреннее деление. Оно проявляется по сферам влияния, статусу и властному положению [Амуров 2020; Головин, Головина 2023]. Особенно остро встаёт вопрос в последнем случае. В рамках элитологии данный феномен обозначен через категории лидерства. Занимаемое элитой особое *положение* в обществе может контрастировать с реальной *способностью* «мобилизовать человеческие ресурсы для достижения конкретных целей» [Fukai, Fukui 1992: 25], которая и подразумевает лидерство. Именно оно проводит внутренние рубежи, отделяющие элиту, способную влиять на политические решения, от элитных групп, находящихся в привилегированном положении, к примеру, из-за вхождения в правительственные иерархии, но не имеющих доминирующего политического веса.

При определении границ элиты важное место занимают не только внешние, например доступ к власти, но и внутренние параметры. Первые позволяют разграничить привилегированные и непривилегированные группы граждан [Higley 2021], а вторые демонстрируют множественность самой элиты [Kertzer, Renshon 2022]. Когда речь

идёт о структуре влияния на политические процессы, множественные элиты¹ формируют единое пространство принятия решения. В этом пространстве категория лидерства становится ключевой при условии, что кооперация между элитами совпадает с параметрами консенсуса [Higley, Burton 1989], что, в свою очередь, обеспечивает эффективность процесса принятия решений. Между тем меж- и внутриэлитное взаимодействие неизбежно ведёт не только к консенсусным решениям, но и серьёзным конфликтам. Комплексная среда принятия решений вызывает несовпадение интересов, что становится предпосылкой как для снижения согласия, так и усиления *дивергенции*, сопоставимой с аналогичной динамикой в социальном пространстве.

Социальная дивергенция означает растущее разделение групп внутри общества и отдаление между ними [Domingues 2022]. В широком смысле такое явление возникает из-за неравного доступа к социально-политическим ресурсам, формирующим стратификацию общества. Отдаление социальных групп проявляется в различных формах, таких как расслоение, неравные возможности и политическая исключённость, что в конечном счёте приводит к разделительным линиям в обществе. Дивергенция существует и внутри элит, что связано с расхождением идейных приоритетов, интересов и целей отдельных групп в её составе [Myrick 2021; Green et al. 2020]. Её конфликтный потенциал может привести к подрыву политической стабильности.

Такая динамика между элитами усиливает борьбу за контроль над ресурсами и влиянием, что делает её фрагментированной. Средством преодоления дивергенции является воссоздание пространства «консенсуса ценностей» и «структурной интегрированности» элит [Higley, Burton 2006]. Их же отсутствие порождает диспропорции

¹ Подразумевается, что «элита» (в широком смысле) многокомпонентна и включает негомогенные подгруппы. Особенно когда речь идёт про наднациональные элиты (Евросоюз). В этом случае нельзя говорить про единственную группу элит, так как существует явный контраст между национальными лидерами и евробюрократией.

в системе управления, результатом которых становится политическая стагнация или межэлитная борьба, втягивающая и остальное общество.

Таким образом, при оценке взаимодействия элит ключевыми категориями выступают соотношения кооперации и дивергенции, различия между способностью к управлению и занимаемым положением, а также комбинация внутренних связей и общности установок. Сложившаяся конфигурация этих параметров задаёт общую динамику для межэлитного взаимодействия и определяет дальнейший характер принятия решений.

Особенности межэлитного взаимодействия в вопросах внешней политики

Консенсус, дивергенция и множественность элит приобретают особое значение при рассмотрении внешнеполитической деятельности. При этом консенсус, кооперация и конфликт, как правило, интерпретируются как состояния, тогда как конвергенция и дивергенция — как процессы, обуславливающие переход между этими состояниями. В этой плоскости данные категории способны влиять на *интерпретацию международных событий*, а также играть центральную роль в *разработке и реализации внешней политики* государства.

Используемые политическими группами нарративы являются ключевым средством влияния и индикатором в анализе интерпретативных способностей элиты, в частности контекстуализации мировых процессов или определении повестки дня [Saunders 2022; Dellmuth, Tallberg 2023]. В конкурирующих политических системах элиты, влияя на групповое восприятие, «направляют» общественное мнение в вопросах внешней политики [Lupton, Webb 2022]. Формирование внешнеполитического выбора на основе артикулируемого элитой видения мирового порядка, национальной идентичности и международных угроз [Kertzer, Zeitzoff, 2017] делает дискурсивное пространство важным источником данных о динамике её политических позиций и их трансляции на общество.

Вместе с тем способность определять стратегические цели, проводить переговоры с международными партнёрами и управлять внешнеполитическими институтами формирует основу практического, а не дискурсивного влияния на внешнюю политику. Оно напрямую связано со структурой внутренних отношений между элитами [Saunders 2022], что подчёркивает важность пересечения приоритетов их сегментов, равно как и публичный отклик на их интересы [Cunningham, Moore 1997]. Об этом свидетельствует и изучение механизмов формирования консенсуса внутри элиты [Arbatli, Rosenberg 2021], констатирующее зависимость подобных процедур от политического устройства.

Проводимая во внешней политике интерпретация событий и реализация действий сопряжены с особой конфигурацией вовлечённости граждан в международные процессы. Во внешнеполитическом планировании элита занимает определяющее место, в то время как общественность включается в процесс постфактум «между моментом согласования позиций элитой и воплощением решений на практике» [Sanders 1980: 124]. Иначе говоря, общественная легитимация происходит в ответ на уже сформированное унифицированное решение.

Эта связь работает эффективно при наличии высокой степени кооперации и единства элит. В публичном дискурсе о внешней политике наблюдается зависимость между типом политической элиты (партийные лидеры, чиновники, эксперты) и степенью доверия общественности [Lupton, Webb 2022]. Подобная тенденция определяет разную роль во внешнеполитическом планировании для составных элементов элиты, зависящую от национального контекста.

В случае же дивергенции проникновение несогласованных решений в публичную сферу подрывает его легитимность и вызывает общественное противодействие. В частности, речь может идти о публичных или сетевых манифестациях против подобных мер. Несмотря на то что элиты сами

склонны извлекать выгоду из социальной разобщённости [Alder, Wang 2022], внутренние конфликты приводят к нестабильности или стагнации политического процесса, что частично наблюдается на примере США, рассматриваемом в заключительном разделе работы.

Структура взаимодействия элит дополнительно усложняется в случае пересечения национальной системы с наднациональным влиянием или межгосударственным процессом принятия решений [Henriksen, Seabrooke 2021]. Глобальная координация элит в рамках транснациональных организаций, экономических форумов и дипломатических встреч образует многоуровневую систему консенсуса и конкуренции, что наблюдается в политической системе ЕС.

Разнообразие внешнеполитических интересов, подобных тем, что сосуществуют в рамках Общей внешней политики и политики безопасности ЕС [Hill 2008; Lamoso-González 2024], изначально повышает риски дивергенции. В этих условиях координация внутренних интересов дополнена необходимостью согласовывать межгосударственные приоритеты. По этой причине в Брюсселе особенно заметна борьба за консенсус в условиях, когда политические элиты государств-членов конкурируют друг с другом и с институтами Евросоюза [Jackson, Jolly 2021]. Несмотря на риторику сплочённости, национальные интересы часто провоцируют дивергенцию и конкуренцию, что приводит к фрагментарности процесса выработки политики.

Таким образом, понимание внутриэлитной динамики имеет решающее значение для анализа её роли в формировании политических процессов, а также изучения поведения страны в международных отношениях. В отдельных случаях несогласованная интерпретация актуальных проблем или динамики отношений с партнёрами рождает раздробленный подход к внешней политике, который колеблется между конфликтом и сотрудничеством [Loizides, 2009]. Подобные тенденции заметны и в пространстве Евросоюза, особенно между государствами с разными ценностными

ориентирами. Дивергенция внутри элит нередко отражает и более глубокие разделения по вопросам национальной идентичности и стратегии.

Всё вышеперечисленное подтверждает, что элита, являясь неоднородной и многослойной социальной структурой, имеет центральное положение в установлении внешней политики. В результате дивергенции позиций во внешней политике формируется неустойчивая среда, что в отдельных случаях создаёт предпосылки для противоречивого или непоследовательного поведения государства. При этом межэлитный раскол представляется динамичным и многовекторным. В этой связи принципиальным вопросом выступает системное отражение основных векторов формирования межэлитных разделительных линий в случае их дивергенции.

Структура и компоненты сегментации, фрагментации и поляризации политических элит

В условиях глобальной нестабильности для элитологии важно изучать не только проблему сохранения и поддержания межэлитного консенсуса, но и обратную сторону этого взаимодействия. Понимание природы и структуры разногласий является оптимальным способом для выстраивания образа элиты и выявления принципов её поведения во внешней политике. В этой связи требуется расширение проблемного поля и введение в оборот понятия «разделительные линии», отличного от категории «дивергенция». Если последняя касается лишь динамики размежевания в рамках элиты, то разделительные линии фиксируют (тематические) области дискурса, в которых закрепляется такое разграничение [Khudoley, Kolotaev 2024]. Кроме того, этот термин позволяет определить глубину разрыва в конкретной области, которая может не переноситься на другие темы.

Политические сообщества нередко сталкиваются с линиями раскола, при этом разделение среди элит характеризуется неоднородностью. В социально-гуманитарных науках сформировался набор поня-

тий, которые описывают различные аспекты этого явления. Наиболее значимыми среди них являются «*сегментация*», применяемая в экономике для анализа рынков [French 2017; Shavitt et al. 2016], «*фрагментация*», заимствованная из изучения цифровых систем [Dahlberg 2007; Schäfer, Metag 2021], и «*поляризация*», получившая популярность благодаря росту популизма в странах Запада [Borg 2024; Merkley 2022; Rogowski, Sutherland 2016]. Эти термины могут использоваться как по отдельности, так и в связке, но в полной степени их системное осмысление пока не проведено. Между тем градация различных уровней дивергенции важна для понимания раздельных линий: она позволяет выделить критерии, необходимые для теоретического и эмпирического анализа взаимодействий между элитами.

В этой связи приоритетным вопросом становится систематизация указанных понятий. Все формы социального размежевания характеризуются прогрессирующей степенью *снижения контактов* между политическими группами и увеличивающимся уровнем их *идейно-идеологической разобщённости* [Merkley 2022; Rogowski, Sutherland 2016]. Сменяемость стадий в рамках этих двух тенденций можно структурировать через обращение к трём основным переменным, введённым в первом разделе работы:

1) *лидерство*: элита как привилегированная группа по положению или обладанию реальной «способностью влияния» на политический процесс [Fukai, Fukui 1992]. Более конкретно оно выражается в соотношении дискурсивной и фактической власти, то есть возможности в первом случае только вербально выражать позицию или возможности реализовывать намерения с последующей интерпретацией для народных масс во втором случае;

2) *согласованность*: сочетание в рамках взаимодействия элит кооперации и кон-

сенса или кооперация без консенсуса [Green et al. 2020]. Речь идёт о наличии единой интерпретации последствий и предпосылок какой-либо политики. Возможен консенсус без кооперации при отсутствии лидерства;

3) *интегрированность*: наличие или отсутствие ценностной близости и структурной сплочённости [Оськина 2020]. Она отражает не процедурный, а идеологический аспект межэлитного взаимодействия, а именно: наличие единых представлений о должном и желаемом в политике.

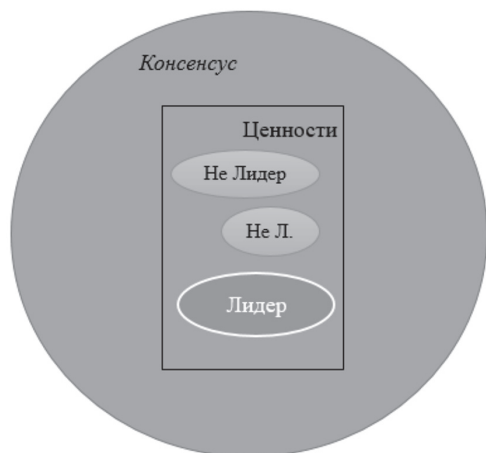
Результирующая из этих трёх переменных дивергенция варьируется от фактического отсутствия размежевания до его предельной степени, выраженной в трёх базовых сценариях закрепления раздельных линий: сегментации, фрагментации и поляризации.

Первая представляет собой наименее опасную для консенсуса стадию, в ходе которой происходит разделение на группы с сохранением контактов между ними. Самой естественной формой сегментации является разделение по вопросам лидерства [Alvesson 2019]. Имеется в виду наличие или отсутствие фактического влияния, составляющего первичную основу для выстраивания отношений между властвующими и оппозиционными элитами. В той или иной форме сегментация — это естественное свойство любой политической системы с множественными (суб)элитами². Она обычно связана с идеологическими различиями, отражая границы в вопросах ценностей [Maynard, Mildenerger 2018; Merkley 2022]. Это разделение ещё не означает полного разрыва общения, но создаёт предпосылки для формирования замкнутых информационных пространств и усложнения коммуникации.

С точки зрения согласованности сегментация сильно отличается от других видов дивергенции. Принципиальный консенсус по рассматриваемому вопросу сопрово-

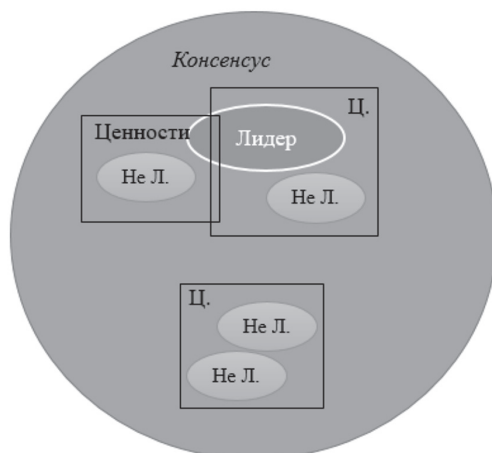
² Часть элиты, которая обладает меньшим влиянием. Включает в себя людей, занимающих высокие неполитические должности, но не принимающих непосредственного участия в принятии решений.

Рисунок 1
Слабая сегментация

Источник: составлено авторами.

Рисунок 2
Сильная сегментация

Источник: составлено авторами.

ждается кооперативной деятельностью. Когда речь идёт о различиях в интегрированности и лидерстве, мы имеем дело со слабой (рис. 1) и сильной (рис. 2) сегментацией, в то время как сохранение консенсуса отделяет сегментацию от более глубоких разделительных линий.

Моделирование сегментации позволяет определить, как в рамках подобной формы дивергенции закрепляются разделительные линии. Их основным предметом выступают ценностные и лидерские аспекты. Но из-за сохранения общего консенсуса нет оснований полагать, что отдельно взятая проблематика в рамках внешнеполитического планирования или другой сферы общественно-политической жизни ведёт к разрыву связей между элитами. Иначе говоря, основным индикатором сегментации остаётся сохраняющаяся возможность конструктивного и регулярного общения между группами.

Следующей стадией дивергенции является фрагментация, когда межгрупповые связи ослабевают или полностью исчезают. Она отражает отход от диалога и формирует обособленные группы, каждая из которых укрепляет свои собственные интересы, цели и границы [Колосов, Зотова 2022].

При этом возможны временные формы сотрудничества, но постоянные связи уже нарушены.

В подобной ситуации отдельно взятый вопрос политической повестки провоцирует более острую конфронтацию, выражающуюся уже на уровне связи между лидирующими и оппозиционными элитами [Arriola et al. 2021]. Фрагментация нередко возникает именно из-за подрыва лидерства или его оспаривания. Вопрос статуса становится основой для дальнейшего разрыва консенсуса, который подкрепляется дезинтеграцией структурных и ценностных связей. В условиях фрагментации политические элиты могут сохранять формы сотрудничества, однако пространство совместного консенсуса существенно сужается, что ограничивает спектр тем для возможной кооперации (рис. 3 и 4).

Фрагментация снижает межэлитную солидарность, при этом фактор согласованности играет решающую роль, в то время как интегрированность элит определяет границы между слабой (см. рис. 3) и сильной (см. рис. 4) фрагментацией. Разделительные линии в такой ситуации фиксируются прежде всего на границах возможности установить общие зоны консенсуса.

Рисунок 3
Слабая фрагментация

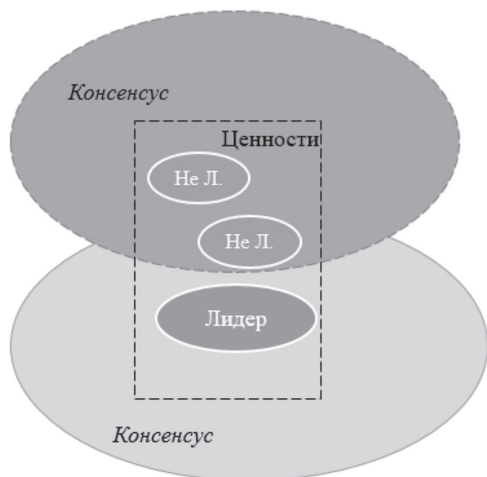
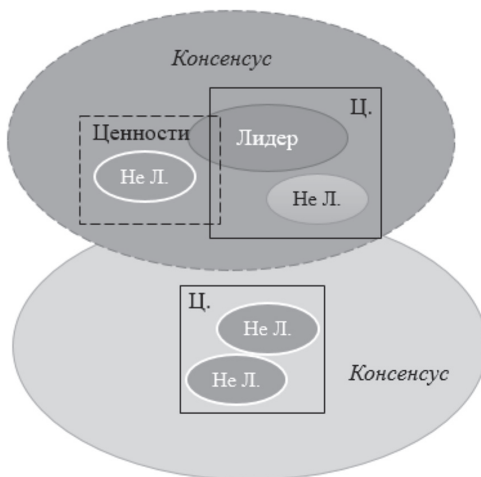

Рисунок 4
Сильная фрагментация

Примечание. Появление пунктира фиксирует размывание ценностного аспекта в кооперации, обнаруживается брешь в согласованности действий, статус лидера размывается, а появление альтернативного консенсуса означает, что пространство межэлитного диалога сокращается.

Источник: составлено авторами.

Они могут дополняться и усилением внутренних ценностных и лидерских разногласий в условиях общего снижения договороспособности элит. Таким образом, сведение межгрупповых коммуникаций до уровня минимальной необходимости и риторическое обособление групп становятся индикаторами фрагментации. Тем не менее в отличие от поляризации элиты в процессе фрагментации способны сохранять пересекающиеся интересы, что позволяет поддерживать спорадическую кооперацию и координацию без устойчивых связей и широкого консенсуса.

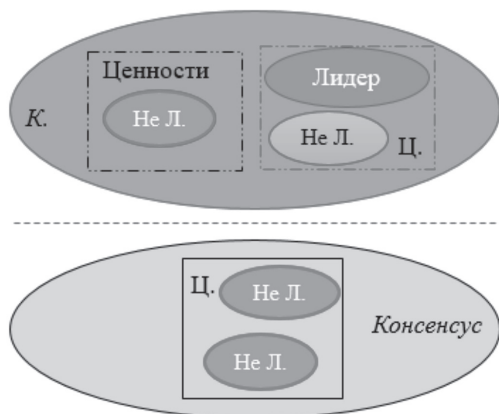
Поляризация же представляет собой наиболее конфликтную стадию межэлитного взаимодействия. Она закрепляет разрыв в обществе и ведёт к формированию противоположных позиций, которые зачастую становятся источником прямых конфликтов между элитами [Лебедев, Гордякова 2021]. В этот момент происходит окончательный разрыв коммуникации и создание альтернативных нарративов, которые углубляют существующие раско-

лы. Поляризация может быть обусловлена как идеологическими расхождениями, так и эмоциональными факторами, такими как межличностная конфронтация.

Её наиболее характерной чертой становится эрозия каждой из переменных: лидерства, согласованности и интегрированности. Если в условиях сильной фрагментации формальный диалог функционирует, а остаточные признаки лидерства «по положению» ещё сохраняются, то в случае поляризации каналы коммуникации прерываются: элиты действуют дискретно, а не просто автономно по отношению друг к другу. Дистанция между ними достигает предела, что проявляется в фактическом прекращении переговоров, координированных инициатив и согласованных решений.

Элиты оспаривают лидерские позиции друг друга: наблюдается разрыв не только консенсуса, но и кооперации, а также исчезает/размывается структурная или ценностная связь (рис. 5). В условиях поляризации любой из факторов может стать

Рисунок 5
Поляризация

Примечание. Любой из параметров дивергенции может стать решающим для установления поляризации, например, из-за лидерства, отсутствия согласованности, подрыва интегрированности или всей совокупности факторов.

Источник: составлено авторами.

решающим при формировании разделительных линий и перекинуться на смежные пространства. Важной чертой поляризации становится увеличение шаблонности и догматичности суждений и заявлений [Almagro 2023]. Принадлежность части элиты к одному из конфликтующих лагерей становится поводом для фиксации статуса идейного оппонента. Такая тенденция блокирует возможность хотя бы фрагментарной кооперации по вопросу, вызвавшему прямой разрыв связей.

В своих крайних формах она ведёт к стагнации политического процесса, нарушению процедур принятия решений, а также социальному недовольству [Arbatli, Rosenberg 2021]. Поляризация по отдельному вопросу внешней и внутренней политики может стать поводом для деградации межэлитных связей в более широком плане, что при активном использовании дискурсивной власти лидирующих и оппозиционных элит увеличивает вероятность угрозы масштабного общественного конфликта. Нередко это явление сопровождается деградацией культуры политической

коммуникации [Almagro 2023], подхватываемой широкой общественностью.

Разобщение, создание альтернативных нарративов и прямой конфликт на основе противоположных убеждений выступают центральными индикаторами поляризации, что делает саму фазу системно нестабильной. Шаткость состояния и риск эскалации ведут либо к политическому коллапсу (в негативном сценарии), либо к воссозданию системного равновесия (в положительном сценарии), сопровождаемого переходом к менее политически опасным стадиям разобщённости.

Таким образом, сегментация, фрагментация и поляризация описывают разные уровни деградации межэлитных связей. Правильное соотношение отдельных примеров с характеристиками каждой из стадий дивергенции снижает степень некорректной интерпретации состояния межэлитной динамики. В частности, поляризация, в отличие от фрагментации, указывает на критическое состояние элиты, когда восстановление консенсуса становится труднодостижимым. Сегментация свидетельствует о незначительных расхождениях, не способных нанести на момент их фиксации серьёзный ущерб политическому процессу, если он не деградирует до фрагментации.

Существенным для понимания предложенной классификации стадий дивергенции остаётся вопрос перехода между ними. На практике каждая из стадий не является статическим состоянием, а лишь фиксирует набор признаков и индикаторов, о которых речь шла выше. По этой причине движение между ними может проходить как по линейному (восходящая и нисходящая дивергенция), так и по нелинейному принципу (скачки от сегментации к поляризации и обратно). Линейное движение отражает поступательное ухудшение или улучшение межэлитных взаимоотношений в силу планомерного расхождения интересов и нарративов в стабильных и преемственных политических системах. Нелинейная траектория может быть свойственна неустойчивым, новообразованным или деградирующим

политическим системам, сигнализируя низкую плотность внутренних межэлитных связей и слабую приверженность принципам соблюдения договорённостей.

При анализе дивергенции необходимо учитывать репрезентативность элит, факторы (экономические, культурные или политические), вызывающие раскол, а также целый набор переменных, индивидуализирующих каждую из элит (географические, идеологические, демографические и другие) [Woods 1998]. Но важно отметить и некоторые ограничения предложенной классификации.

Во-первых, ситуативный межэлитный баланс рассматривается на конкретный момент времени, тогда как система из трёх стадий служит в качестве реперных точек для наблюдения изменений. Обозначенные идеализированные модели межэлитного баланса могут сильно варьироваться в зависимости от внутренних переменных: установление сильной и слабой разновидностей сегментации и фрагментации лишь частично снимает этот вопрос. В отличие от репрезентации межэлитных связей в рамках простой дихотомии «раскол—единство», в предложенной классификации уточняется, что в зависимости от контекста дивергенция способна по-разному влиять на коммуникацию элит и их способность принимать решения.

Во-вторых, фиксация разделительных линий в рамках предложенной классификации возможна лишь по наиболее очевидным рубежам на основе простой системы ключевых переменных: лидерства, интегрированности и согласованности. Вместе с тем возможны более сложные ситуации, когда элиты находятся в состоянии *существования форм дивергенции*, связанных с разными разделительными линиями, поскольку затронуты разные темы и интересы. Это обстоятельство затрудняет выстраивание принципов перехода от одной стадии дивергенции к другой.

Важен также вопрос о влиянии и активизации общественного мнения, стимулирующего или сдерживающего межэлитную дивергенцию. Данный фактор с точки зре-

ния предложенной модели относится к экзогенным («внеэлитным») переменным. Их конкретизация, равно как и развитие инструментария наблюдения перехода от одной стадии дивергенции к другой, формирует дальнейшую исследовательскую повестку.

В-третьих, моделирование всех форм дивергенции носит лишь схематичный характер: выделяются ключевые плоскости для формирования разделительных линий. Вместе с тем эта условность может быть устранена при интерпретации абстрактных состояний посредством конкретных ситуаций.

С учётом названных ограничений классификация состояний межэлитной дивергенции позволяет тем не менее снизить зависимость от ложной или идеализированной трактовки любого разногласия, зафиксированного в дискурсе. Эта возможность особенно ценна при анализе деятельности зарубежных элит, поскольку она расширяет возможности для интерпретации и потенциального реагирования на действия контрагентов.

Формирование разделительных линий во внешней политике: Россия как источник дивергенции в ЕС и США

Отношения с Россией остаются одним из наиболее характерных катализаторов, запускающих процессы дивергенции среди элит в странах Запада. В связи с антигегемонистским (многополярным) [Смакотина, Волков 2024; Гребнев 2023] внешнеполитическим курсом Москвы её статус в качестве контрагента рассматривается как проблемная тема для западного сообщества. Это явление находит прямое отражение в рамках межэлитного взаимодействия и попытках выработки внешнеполитического консенсуса.

Для анализа дивергенции западных элит в контексте отношений с Россией рассмотрим, как в ретроспективе Российская Федерация становилась фокусным сюжетом подобной дивергенции. Такой подход даёт некоторое понимание её актуального статуса в политике Запада, но не претендует на

исчерпывающее объяснение каждой из ситуаций. Основная цель — проиллюстрировать эвристические возможности классификации дивергенции для оценки степени расхождения действий и дискурса элит. Наличие разногласий не означает отсутствие совместных действий, например санкций, и минимального консенсуса. По этой причине сам факт дивергенции не является обязательным атрибутом политической дисфункциональности. Но понимание такого раскола открывает возможность для её потенциальной инструментализации во внешнеполитическом планировании.

Пример 1. Разногласия среди государств Европейского союза по вопросу санкций против России в 2014–2022 годах

Вхождение Крыма в состав Российской Федерации и последующий кризис на юго-востоке Украины стали отправной точкой для появления не только антироссийского санкционного режима, введённого ЕС, но и для разногласий между его государствами-членами [Portela et al. 2021; Stolle 2024]. Характер санкций против России с самого начала выявил наличие раздельных линий, возникших на основе различий во внешнеполитических приоритетах, экономических интересах и восприятии угроз [Khudoley, Kolotaev 2024]. В этой связи интерпретация санкционных действий оказалась неоднородной, несмотря на общность цели — сдерживание Москвы. В результате проявились сегментация и фрагментация среди элит ЕС по отдельным сюжетам российской повестки.

В период с 2014 по 2020 г. сохранялся общий консенсус по поводу санкций как инструмента сдерживания, но существовали заметные различия в отношении их содержания и продолжительности, характеризующие первичную сегментацию. Частным примером стала разделительная линия между жёстким подходом восточных членов Евросоюза (Польша, Эстония, Литва, Латвия) и преимущественно прагматичным подходом Германии и Франции. Польша и страны Балтии, рассматривая Россию как непосредственную угрозу своей националь-

ной безопасности, активно поддерживали более жёсткие санкционные меры, неоднократно инициируя дискуссии об их сохранении и расширении до момента пересмотра Москвой своего курса [Portela et al. 2021; Kascian et al. 2024]. В то же время страны, исторически претендующие на лидирующие позиции в ЕС (Германия, Франция и частично Италия), до начала 2022 г. придерживались более прагматичного подхода [Чихачев 2022; Pertiwi 2024; Sjursen, Rosén 2017]. Берлин сохранял поддержку экономических проектов, таких как «Северный поток-2», который позволял поставлять газ в обход Украины. Этот проект вызвал напряжённость среди государств ЕС из-за его восприятия как угрозы энергетической безопасности Союза. Германия и Италия, имевшие значительные экономические связи с Россией, сдержанно шли на ужесточение санкций, опасаясь негативного воздействия на свою экономику. Выступая за продление санкций, они стремились сохранить возможность их пересмотра и смягчения в случае начала диалога с российской стороной.

Поддержание такого статус-кво во многом было обусловлено *лидерскими* параметрами межэлитного взаимодействия, при котором сторонники сдержанного подхода имели возможность сохранять *согласованность* сообщества при наличии сегментации по вопросам *интегрированности* позиций. Таким образом, в период 2014–2020 годов внутри ЕС формируется осознание общих внешнеполитических задач, однако подходы к их реализации остаются различными.

По мере увеличения давления и появления новых экономических вызовов — в частности, роста цен на энергоносители, инфляции, а также последствий пандемии COVID-19 [Спартак, Французов 2022] — подходы к санкционной политике против России в 2020–2021 годах на короткий промежуток времени стали расходиться в большей степени, иллюстрируя намечавшуюся по отдельным вопросам фрагментацию. Она отразилась в выборе различных стратегий взаимодействия с Российской Феде-

рацией: Берлин и Париж³ пытались наладить дипломатический диалог⁴, а Польша, страны Балтии и Северной Европы отстаивали продление санкций или их ужесточение [Kascian et al. 2024].

В этот же период в странах, где российский рынок важен для экспорта (Италия), представители бизнеса активно выступали за смягчение санкций, ссылаясь на экономические потери [Makaryushev, Terry 2020]. Экономические интересы стали основой для формирования новых коалиций внутри Европейского союза, и национальные правительства оказались под давлением представителей бизнеса, требующих пересмотра санкционной политики. Отдельные государства склонялись к частичным уступкам России для поддержки своих экономик, что привело к сужению консенсуса на наднациональном уровне и углублению разногласий.

Фрагментация в преддверии 2022 г. демонстрировала потенциальное уменьшение возможностей для устойчивого сотрудничества внутри ЕС. Подобная ситуация не означает, что исчезли общие позиции и консенсус относительно необходимости санкций. Но диалоговое пространство стало сокращаться, а компромиссы — всё чаще пересматриваться из-за экономических обстоятельств и позиции политических элит на уровне отдельных стран. Важным фактором, предотвратившим углубление фрагментации по санкционной политике ЕС, стали события 2022 года. Эскалация украинского кризиса позволила произвести реконсолидацию элит Евросоюза [Hooghe et al. 2024], что в то же время открыло новые темы для межэлитной дивергенции.

Пример 2. Политика США в отношении России: расхождения между элитами

В США после окончания «холодной войны» велась длительная дискуссия о ста-

тусе отношений с Россией [Неймарк 2020; Shakleina, Rogers 2018]. Часть элиты настаивала на необходимости сдерживания Москвы и ограничения её влияния в международных делах, а другая часть выступала за более конструктивный диалог и сотрудничество по вопросам, представляющим общий интерес, например борьба с терроризмом и контроль над вооружениями.

После вхождения Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. и в особенности президентских выборов в США 2016 г. разногласия среди элит по поводу внешнеполитического курса в отношении России усилились. Элиты раскололись на два противоборствующих лагеря, что частично стало прямым следствием восприятия взаимодействия с Москвой, а также обвинений в её адрес по поводу вмешательства во внутреннюю политику Соединённых Штатов [Ziegler 2018; Schultz 2017]. Консервативная часть элиты была обвинена в спекуляциях на тему восстановления диалога с Россией и смягчения санкций. Либерально-демократический блок акцентировал внимание на необходимости жёсткого сдерживания Москвы, рассматривая её как угрозу национальной и международной безопасности. Под его влиянием в 2017 г. Конгресс США обновил санкционный режим против Российской Федерации за предполагаемые кибератаки во время выборов 2016 года, «утвердив свою роль в формировании внешней политики вопреки позиции президента Дональда Трампа» [Böller, Herr 2020: 17]. Эта ситуация подчеркнула расхождение внутри американского истеблишмента, где Конгресс успешно секьюритизировал российско-американские отношения, несмотря на попытки Д. Трампа во время своего первого президентского срока «маргинализировать» этот вопрос. Раскол между исполнительной и законодательной

³ Berlin and Paris propose reset for EU relations with Moscow // Financial Times. 2021. URL: <https://www.ft.com/content/03528026-8fa1-4910-ab26-41cd26404439> (accessed: 19.01.2025).

⁴ Deni J.R. France Wants a Western Reset with Russia. What Should That Look Like? // Policy Commons. 2020. URL: <https://policycommons.net/artifacts/1341647/france-wants-a-western-reset-with-russia/1953769/> (accessed: 15.01.2025); Larison D. Germany's new chancellor is (rightly) taking a chance on Russia reset 2022 // Responsible Statecraft. URL: <https://responsiblestatecraft.org/letter-sent-to-biden/> (accessed: 15.01.2025).

ветвями власти продемонстрировал поляризацию американской элиты по вопросам политики в отношении Москвы.

Подходы к Российской Федерации при президентах Д. Трампе (2017–2021) и Дж. Байдене (2021–2025) также демонстрировали значительную внутриэлитную поляризацию [Bolstad, Ridderbold 2023; Borg 2024; Singh 2024]. Дональд Трамп декларировал перспективы «реструктурирования» отношений с Россией, что встретило системное сопротивление внутри политической системы. Администрация Дж. Байдена заняла более конфронтационную позицию, направленную на прямое сдерживание Москвы, что контрастировало с заявлениями его предшественника⁵. Такое расхождение подчеркнуло укоренившиеся разногласия внутри американской элиты по вопросу отношений с Россией.

В отличие от ЕС, политический конфликт в США не просто зафиксировал разделительную линию по вопросам внешней политики, но и углубил её до положения, граничащего с поляризацией. В частности, дивергенция элит привела к резкому ухудшению социального и межэлитного диалога. Для части американского общества идея диалога и вовсе была дискредитирована, что вызвало маргинализацию отдельных социальных групп. Дивергенция при обсуждении действий в отношении России происходила не только по линии партийного деления, но отразилась и на балансе между внутрипартийными фракциями, что особенно затронуло республиканцев при определении партийного лидерства. Но даже при снижении уровня интегрированности партии принцип фрагментированного консенсуса сохранил партийное единство. Иными словами, элементы поляризации элит в 2015–2016 годах в Соединённых Штатах по российскому вопросу отрази-

лись не столько на внешнеполитической стратегии страны, сколько на её внутриполитической динамике. Эмоциональные и идеологические разногласия между политическими группами способствовали закреплению противоположных позиций и разделительных линий. При этом атрибуты поляризации затронули все основные области, включая пространство лидерства, согласованности и интегрированности. Вопрос лидерства напрямую проявился в противоречиях между группами, стремящимися реализовать свою власть и влияние на процесс принятия решений. В ходе выборов 2016 г. в США лидерство, в частности с точки зрения дальнейших отношений с Россией, стало фактическим предметом разногласий, что привело к расколу в обществе и повышенному алармизму. Интегрированность также была нарушена из-за распада ценностной близости между наиболее консервативными и либеральными элитами. Ценностная интерпретация возможности налаживания отношений с Москвой была сопряжена с разделительной линией между прагматизмом и нормативностью.

Таким образом, разрыв в ценностных ориентирах и кризис лидерства в США привели к частичной поляризации, которая даже при сохранении основных преемственных атрибутов внешнеполитического курса по отношению к Российской Федерации создала образ стагнации политического процесса. Несмотря на то что за весь период дивергенции политическая линия к России принципиально не изменилась, российский вопрос укрепил межэлитные противоречия. Показательно, что сегментированность Республиканской и Демократической партий выступила основой не для фрагментированного дискурса, а для глубокой разделительной линии, где фак-

⁵ Trump says he's pleased by Putin's praise: 'I like that he said that' // NBC News, 15.09.2023. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/donald-trump/trump-pleased-putins-praise-ukraine-russia-meet-the-press-rcna105298> (accessed: 14.07.2025); Specter of Putin casts a shadow over the Trump-Biden debate // CNBC, 28.06.2024. URL: <https://www.cnbc.com/2024/06/28/specter-of-putin-casts-a-shadow-over-the-trump-biden-debate.html> (accessed: 14.07.2025); Huasheng Z. Trump's 'Grand Bargain' With Russia Still a Mystery // Valdai, 17.03.2025. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/trump-s-grand-bargain-with-russia-still-a-mystery/> (accessed: 14.07.2025).

тор российского вмешательства сформировал противоречия во внешнеполитической риторике элит, а также способствовал поляризации внутреннего политического ландшафта. Разделение на консервативные и либеральные лагеря привело к ухудшению социального и межэлитного диалога и затруднениям в принятии решений по другим ключевым вопросам. В результате эмоциональные и идеологические разногласия закрепили противоположные позиции, обострив противоречия, что продолжает влиять на политическую культуру США.

* * *

Примеры санкционной политики ЕС и динамика элитных разногласий в США, касающихся отношений с Россией, демонстрируют, как межэлитные различия стимулируют формирование разделительных линий и напрямую влияют на характер политического процесса. Санкционный вектор, позиционирование в рамках внутренней политики и экономические связи становятся полем для конкуренции между элитными группами как внутри отдельных стран, так и на уровне наднациональных объединений, таких как Европейский союз. Эти процессы отражаются на характере внешнеполитических решений, принимаемых государствами, и укореняют межэлитные разногласия в ущерб консенсусу. Социально-политическим результатом становится дивергенция, осложняющая процесс принятия решений.

Рассмотрение межэлитной дивергенции через три стадии — сегментацию, фрагментацию и поляризацию — позволяет определить её особенности с учётом специфики взаимодействия элитных групп. Сегментация, отмечаемая на ранних этапах санкционного режима ЕС против России, сопровождается относительно низким уровнем разногласий: основные цели элит остаются согласованными, хотя выявляются расхождения по тактическим вопросам. Фрагментация, наблюдаемая на позднем этапе санкционной политики Брюсселя, становится проявлением более глубоких различий и приводит к серьёзному сокращению про-

странства сотрудничества. Поляризация, частично выраженная в политической системе США, выступает как крайняя форма дивергенции, где противоборствующие элитные группы, разделённые идеологией, фактически утрачивают способность к кооперации, что приводит к разрыву коммуникации и единства ценностей.

Тем не менее наличие даже серьёзных противоречий (разделительных линий) во внешней политике не является гарантией её провала или пересмотра. Сохранение санкций и преемственность политики по отношению к России даже при смене политического руководства сигнализировали о том, что политический процесс не сводится к простому соотношению конфликта с кооперацией. Он иллюстрирует градацию колеблющихся состояний, каждое из которых обладает своей конфигурацией признаков и не ведёт неизбежно к пересмотру долгосрочных трендов.

Классификация межэлитного взаимодействия на основе переменных согласованности, лидерства и интегрированности формирует аналитический инструмент для выявления потенциала сотрудничества или конфликта. Низкий уровень согласованности и интегрированности указывает на фрагментацию и обострение противоречий, тогда как оспаривание лидерства при низкой интегрированности зачастую служит предвестником поляризации. Системное использование этих переменных детализирует природу элитных линий раскола и даёт основание для моделирования направленности и устойчивости межэлитных связей.

Таким образом, сегментация, фрагментация и поляризация являются значимыми категориями анализа внешнеполитических предпочтений элит, позволяющими глубже понять, каким образом разногласия могут влиять на международные отношения. Обоснование факторов, способствующих межэлитной дивергенции, также открывает перспективы для последующего изучения механизмов воздействия на политические элиты как со стороны внутренних, так и внешних субъектов.

Список литературы

- Амуров М.А. Типология современных политических элит // Управленческое консультирование. 2020. №5 (137). С. 19–28. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-5-19-28>
- Гаман-Голутвина О.В., Соловьёва Д.Д. Новая политическая элита Франции против старой системы рекрутирования // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 60–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.05>
- Головин В.Г., Головина Е.Е. Элиты в современном социальном пространстве // Вопросы элитологии. 2023. Т. 4. №3. С. 13–45. doi: 10.46539/elit.v4i3.157
- Гребнев Р.Д. Стратегические направления внешней политики России в многополярном мире: геополитический подход // Социально-гуманитарные знания. 2023. №3. С. 124–128.
- Громыко А.А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. №5. С. 6–19. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>
- Дегтерёв Д.А. Распространение культурных норм и ценностей: агентное моделирование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. №1. С. 141–152.
- Колосов В.А., Зотова М.В. Фрагментация политического пространства и динамизм современной системы границ // Политическая наука. 2022. №4. С. 67–89. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.03>
- Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Феномен групповой поляризации в политологии и политической психологии США и Европы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. №4 (24). С. 123–150.
- Мизин В.И. Новые контуры стратегической стабильности в глобальной многополярной конкуренции // Международные процессы. 2020. Т. 18. №2. С. 141–168. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.2.61.8>
- Москва Г. История политических доктрин. М.: Мысль, 2012. 326 с.
- Неймарк М.А. В поисках ускользающей реальности: Отношение политической элиты США к России // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2020. №4 (363). С. 66–77.
- Оськина О.И. Трансформационные переменные политической культуры современной политической элиты // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. №3. С. 52–73. doi: 10.46539/elit.v1i3.26
- Парето В. Трансформация демократии. М.: Территория будущего, 2011. 208 с.
- Смакотина Н.Л., Волков А.В. Трансформация мирового порядка в условиях международной нестабильности: открытый мир и синергия цивилизаций // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2024. №1. С. 3–22. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-47-1-03-22
- Спартак А.Н., Французов В.В. Влияние антироссийских санкций на европейскую экономику // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. №12. С. 7–17. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-12-7-17>
- Сухонос А.П. Политические элиты в условиях роста новой волны мирового кризиса // Вопросы элитологии. 2022. Т. 3. №2. С. 51–63. doi: 10.46539/elit.v3i2.104
- Чихачёв А.Ю. Российско-французские отношения при президенте Эммануэле Макроне: достижения и противоречия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. №1. С. 86–104. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.106>
- Энтин М., Энтина Е., Бабкина С. Продовольственные и энергетические кризисы 2020-х годов как инструмент антироссийской политики стран Запада // Международные процессы. 2024. Т. 22. №1. С. 1–24. DOI 10.46272/IT.2024.22.1.76.2
- Alder S., Wang Y. Divide and Rule: How Political Elites Polarize Society // SSRN. 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=3769435> (accessed: 14.01.2025).
- Alexandrova S. Transformations in the Social Impact: Politics, Media, Social Networks // Postmodernism Problems. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 58–75. <https://doi.org/10.46324/PMP2101058>
- Almagro M. Political polarization: Radicalism and immune beliefs // Philosophy & Social Criticism. 2023. Vol. 49. No. 3. P. 309–331. <https://doi.org/10.1177/01914537211066859>
- Alvesson M. Leadership: Convergence and divergence in leadership relations // Journal of Management Inquiry. 2019. Vol. 28. No. 3. P. 319–334. <https://doi.org/10.1177/1056492617717339>
- Arbatli E., Rosenberg D. United we stand, divided we rule: how political polarization erodes democracy // Democratization. 2021. Vol. 28. No. 2. P. 285–307. DOI: 10.1080/13510347.2020.1818068
- Arriola L.R., Devaro J., Meng A. Democratic subversion: Elite cooptation and opposition fragmentation // American Political Science Review. 2021. Vol. 115. No. 4. P. 1358–1372. DOI:10.1017/S0003055421000629

- Böller F., Herr L.D. From Washington without love: congressional foreign policy making and US-Russian relations under president Trump // *Contemporary Politics*. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 17–37. DOI: 10.1080/13569775.2019.1617655
- Bolstad G., Riddervold M. Polarization, Trump, and Transatlantic Relations // *The Perils of Populism: The End of the American Century?* / ed. by A. Akande. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023. P. 195–219. DOI:10.1007/978-3-031-36343-6_8
- Borg S. “A Battle for the Soul of This Nation”: How Domestic Polarization Affects US Foreign Policy in Post-Trump America // *International Journal*. 2024. Vol. 79. No. 1. P. 22–39. <https://doi.org/10.1177/00207020241232986>
- Cheek T., Hamrin C.L. Introduction: collaboration and conflict in the search for a new order // *China's Establishment Intellectuals* / ed. by T. Cheek, C. L. Hamrin. London; New York: Routledge, 2023. P. 3–20.
- Clayton K., Davis N.T., Nyhan B., Porter E., Ryan T.J., Wood T.J. Elite rhetoric can undermine democratic norms // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. Vol. 118. No. 23. <https://doi.org/10.1073/pnas.2024125118>
- Cunningham J., Moore M.K. Elite and mass foreign policy opinions: Who is leading this parade? // *Social Science Quarterly*. 1997. Vol. 78. No. 3. P. 641–656.
- Dahlberg L. Rethinking the fragmentation of the cyberpublic: from consensus to contestation // *New Media & Society*. 2007. Vol. 9. No. 5. P. 827–847. DOI: 10.1177/1461444807081228
- Dellmuth L., Tallberg J. Legitimacy politics: Elite communication and public opinion in global governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 260 p. <https://doi.org/10.1017/9781009222020>
- Dijkstra H., Debre M.J. The death of major international organizations: When institutional stickiness is not enough // *Global Studies Quarterly*. 2022. Vol. 2. No. 4. P. 1–13. DOI:10.1093/isagsq/ksac048
- Domingues J.M. Power and rule, civilisations and the modern political dimension: parallelism, convergence and divergence in social evolution // *International Review of Sociology*. 2022. Vol. 32. No. 1. P. 174–199. <https://doi.org/10.1080/03906701.2022.2028404>
- Engelstad F. Democratic elitism—conflict and consensus // *Comparative Sociology*. 2009. Vol. 8. No. 3. P. 383–401. DOI:10.1163/156913309X447585
- French J. The importance of segmentation in social marketing strategy // *Segmentation in Social Marketing: Process, Methods and Application* / ed. by T. Dietrich, S. Rundle-Thiele, K. Kubacki. Cham: Springer, 2017. P. 25–40. DOI:10.1007/978-981-10-1835-0_3
- Friedman S., Reeves A. From aristocratic to ordinary: Shifting modes of elite distinction // *American Sociological Review*. 2020. Vol. 85. No. 2. P. 323–350. <https://doi.org/10.1177/0003122420912941>
- Fukui S.N., Fukui H. Elite recruitment and political leadership // *PS: Political Science & Politics*. 1992. Vol. 25. No. 1. P. 25–36.
- Green J., Edgerton J., Naftel D., Shoub K., Cranmer S.J. Elusive consensus: Polarization in elite communication on the COVID-19 pandemic // *Science Advances*. 2020. Vol. 6. No. 28. DOI: 10.1126/sciadv.abc2717
- Henriksen L.F., Seabrooke L. Elites in transnational policy networks // *Global Networks*. 2021. Vol. 21. No. 2. P. 217–237. <https://doi.org/10.1111/glob.12301>
- Higley J. Elites, non-elites, and political realism: Diminishing futures for western societies. Lanham: Rowman & Littlefield, 2021. 176 p.
- Higley J., Burton M.G. Elite foundations of liberal democracy. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006. 229 p.
- Higley J., Burton M.G. The elite variable in democratic transitions and breakdowns // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. No. 1. P. 17–32. <https://doi.org/10.12759/hsr.37.2012.1.245-268>
- Hill C. Elites in European foreign policy-making: Consensus and competition // *Review of Sociology*. 2008. Vol. 14. No. 1. P. 93–102. DOI:10.1556/RevSoc.14.2008.5
- Hooghe L. et al. The Russian threat and the consolidation of the West: How populism and EU-skepticism shape party support for Ukraine // *European Union Politics*. 2024. Vol. 25. No. 3. P. 459–482. <https://doi.org/10.1177/14651165241237136>
- Jackson D., Jolly S. A new divide? Assessing the transnational-nationalist dimension among political parties and the public across the EU // *European Union Politics*. 2021. Vol. 22. No. 2. P. 316–339. <https://doi.org/10.1177/1465116520988915>
- Kascian K., Denisenko V., Matonyté I. Baltic States' EU membership: discursive search for (and failure to obtain) farewell from Russia // *Journal of Contemporary European Studies*. 2024. P. 1–16. DOI: 10.1080/14782804.2024.2349250
- Keller F.B. Analyses of elite networks // *The Palgrave Handbook of Political Elites* / ed. by H. Best, J. Higley. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 135–152. DOI: 10.1057/978-1-137-51904-7_11
- Kertzer J.D., Renshon J. Experiments and surveys on political elites // *Annual Review of Political Science*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 529–550. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051120-013649>

- Kertzer J.D., Zeitzoff T. A bottom-up theory of public opinion about foreign policy // *American Journal of Political Science*. 2017. Vol. 61. No. 3. P. 543–558. <https://doi.org/10.7910/DVN/QSXDUN>
- Khudoley K.K., Kolotaev Y.Y. Dividing Lines in the EU's Common Foreign Policy: Russia as a polarising factor // *Baltic Region*. 2024. Vol. 16. No. 3. P. 87–107. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-5
- Körösiényi A. Political elites and democracy // *The Palgrave Handbook of Political Elites* / ed. by H. Best, J. Higley. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 41–52.
- Lamoso-González P. Revisiting liberal intergovernmentalism in CFSP: preference formation and the EEAS // *Contemporary Politics*. 2024. Vol. 31. No. 3. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/13569775.2024.2387433>
- Lebedeva M. Introduction. Transformation of the Political Organization of the World // *Turning Points of World Transformation: New Trends, Challenges and Actors* / ed. by M. Lebedeva, V. Morozov. Singapore: Springer Nature, 2022. P. 3–14. DOI: 10.1007/978-981-19-1758-5_1
- Loizides N.G. Elite framing and conflict transformation in Turkey // *Parliamentary Affairs*. 2009. Vol. 62. No. 2. P. 278–297. DOI: 10.1093/pa/gsn038
- Lupton D.L., Webb C. Wither elites? The role of elite credibility and knowledge in public perceptions of foreign policy // *International Studies Quarterly*. 2022. Vol. 66. No. 3. DOI: 10.1093/isq/sqac057
- Makarychev A., Terry G.S. An Estranged 'marriage of convenience': Salvini, Putin, and the intricacies of Italian-Russian relations // *Contemporary Italian Politics*. 2020. Vol. 12. No. 1. P. 23–42. DOI: 10.1080/23248823.2019.1706926
- Matsumoto T., Okazaki T. Elite mobility and continuity during a regime change // *The British Journal of Sociology*. 2023. Vol. 74. No. 2. P. 205–221. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.13000>
- Maynard J.L., Mildenerberger M. Convergence and divergence in the study of ideology: A critical review // *British Journal of Political Science*. 2018. Vol. 48. No. 2. P. 563–589. DOI: 10.1017/S0007123415000654
- Merkley E. Polarization eh? Ideological divergence and partisan sorting in the Canadian mass public // *Public Opinion Quarterly*. 2022. Vol. 86. No. 4. P. 932–943. <https://doi.org/10.31219/osf.io/cnzer>
- Michels R. Political parties: A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy. London; NY: Routledge, 1999. 266 p.
- Myrick R. Do external threats unite or divide? Security crises, rivalries, and polarization in American foreign policy // *International Organization*. 2021. Vol. 75. No. 4. P. 921–958. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818321000175>
- Najimdeen B. The Reconstruction of European Political and Public Sphere through a Constructivist Paradigm // *Journal of European Studies (JES)*. 2016. Vol. 32. No. 2. P. 1–17.
- Pertiwi L.A. The EU's Approach to Sanctions on Russia: A Critical Analysis of the Existing Literature // *Central European Journal of International & Security Studies*. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 61–86. DOI: <https://doi.org/10.51870/NOEX4475>
- Portela C., Pospieszna P., Skrzypczyńska J., Walentek D. Consensus against all odds: explaining the persistence of EU sanctions on Russia // *Journal of European Integration*. 2021. Vol. 43. No. 6. P. 683–699. <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1803854>
- Rogowski J.C., Sutherland J.L. How ideology fuels affective polarization // *Political Behavior*. 2016. Vol. 38. P. 485–508. <https://doi.org/10.1007/s11109-015-9323-7>
- Romanova T.A. In Different Languages 2.0 // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22. No. 1. P. 72–92. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-1-72-92
- Sanders J. Shaping the Cold War Consensus: The Soviet Threat, Interelite Conflict, and Mass Politics in the Korean War Era // *Berkeley Journal of Sociology*. 1980. Vol. 24. P. 67–136.
- Saunders E.N. Elites in the making and breaking of foreign policy // *Annual Review of Political Science*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 219–240. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041719-103330>
- Schäffer M.S., Metag J. Audiences of science communication between pluralisation, fragmentation and polarisation // *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology* / ed. by M. Bucchi, B. Trench. London; New York: Routledge, 2021. P. 291–304. <https://doi.org/10.4324/9781003039242>
- Schultz K.A. Perils of polarization for US foreign policy // *The Washington Quarterly*. 2017. Vol. 40. No. 4. P. 7–28. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2017.1406705>
- Shakleina T., Rogers R. Historical Trajectory of the US-Russia Relationship. Perception and Misperception // *Fletcher Security Review*. 2018. Vol. 5.
- Shavitt S., Jiang D., Cho H. Stratification and segmentation: Social class in consumer behavior // *Journal of Consumer Psychology*. 2016. Vol. 26. No. 4. P. 583–593. <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2016.08.005>
- Singh R.S. The Biden and Trump Doctrines in Comparative Perspective // *Presidential Leadership and Foreign Policy: Comparing the Trump and Biden Doctrines* / ed. by S. A. Renshon, P. Suedfeld. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 17–39. https://doi.org/10.1007/978-3-031-52799-9_2

- Sjursen H., Rosén G.* Arguing sanctions. On the EU's response to the crisis in Ukraine // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2017. Vol. 55. No. 1. P. 20–36. DOI: 10.1111/jcms.12443
- Stolle D.* Aiding Ukraine in the Russian war: unity or new dividing line among Europeans? // *European Political Science*. 2024. Vol. 23. P. 218–233. <https://doi.org/10.1057/s41304-023-00444-7>
- Woods M.* Rethinking elites: networks, space, and local politics // *Environment and Planning A*. 1998. Vol. 30. No. 12. P. 2101–2119. <https://doi.org/10.1068/a302101>
- Ziegler C.E.* International dimensions of electoral processes: Russia, the USA, and the 2016 elections // *International Politics*. 2018. Vol. 55. No. 5. P. 557–574. DOI: 10.1057/s41311-017-0113-1

THE THEORY OF POLITICAL ELITE DIVERGENCE

SHAPING DIVIDING LINES IN THE WEST'S FOREIGN POLICIES TOWARDS RUSSIA*

KONSTANTIN KHUDDOLEY

YURY KOLOTAEV

GRIGORY YARYGIN

EVGENII KOLOSKOV

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 199034, Russia

Abstract

Heightened uncertainty and conflictual environment fuel disintegration within political elites around the globe. These processes of "inter-elite divergence" give rise to dividing lines in foreign policy. Divergence unfolds through three stages: segmentation, fragmentation, and polarization. Segmentation refers to the division of elites into distinct clusters, with communication channels still intact. Fragmentation indicates a deeper rift, with sustained interaction diminishing and cooperation becoming increasingly limited. Polarization is marked by a complete breakdown of dialogue and the emergence of mutually exclusive positions. To assess each stage systematically, the article proposes an analytical framework based on three key variables: coherence, leadership, and integrity. This classification helps to avoid simplifications when estimating the state of elites. Applying this framework, the paper seeks to analyze patterns of elite divergence in the European Union and the United States, focusing particularly on disagreements over policy toward Russia. Between 2014 and 2022, EU elites experienced segmentation and fragmentation as regards sanctions policy – yet these divisions did not result in policy reversal. Signs of polarization in the U.S., partially triggered by dividing lines regarding relations with Russia, were more pronounced in domestic politics. Despite external contradictions, the overall US policy maintained its continuity. These cases demonstrate that the theory of divergence not only allows for capturing the "depth" of discursive differences, but also highlights that contradictions do not predetermine the inevitability of political dysfunction. By incorporating the concept of divergence stages, the analysis moves beyond the conventional dichotomy of "conflict – cooperation" when it comes to inter-elite interaction.

Keywords:

divergence; elites; dividing lines; segmentation; fragmentation; polarization; foreign policy; Russia

References

- Alder S., Wang Y. (2022). *Divide and rule: How political elites polarize society*. SSRN. <https://ssrn.com/abstract=3769435> (accessed: 14.01.2025).
- Alexandrova S. (2021). Transformations in the Social Impact: Politics, Media, Social Networks. *Postmodernism Problems*. Vol. 11. No. 1. P. 58–75. <https://doi.org/10.46324/PMP2101058>
- Almagro, M. (2023). Political polarization: Radicalism and immune beliefs. *Philosophy & Social Criticism*. Vol. 49. No. 3. P. 309–331. <https://doi.org/10.1177/01914537211066859>
- Alvesson, M. (2019). Leadership: Convergence and divergence in leadership relations. *Journal of Management Inquiry*. Vol. 28. No. 3. P. 319–334. <https://doi.org/10.1177/1056492617717339>
- Amurov M.A. (2020). Tipologiya sovremennykh politicheskikh elit [Typology of contemporary political elites]. *Upravlencheskoe konsultirovanie*. No. 5(137). P. 19–28. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-5-19-28>
- Arbatli E., Rosenberg D. (2021). United we stand, divided we rule: how political polarization erodes democracy. *Democratization*. Vol. 28. No. 2. P. 285–307. DOI:10.1080/13510347.2020.1818068
- Arriola L.R., Devaro J., Meng A. (2021). Democratic subversion: Elite cooptation and opposition fragmentation. *American Political Science Review*. Vol. 115. No. 4. P. 1358–1372. DOI: 10.1017/S0003055421000629
- Böller F., Herr L.D. (2020). From Washington without love: congressional foreign policy making and US-Russian relations under president Trump. *Contemporary Politics*. Vol. 26. No. 1. P. 17–37. DOI: 10.1080/13569775.2019.1617655
- Bolstad G., Riddervold M. (2023). Polarization, Trump, and Transatlantic Relations. In: A. Akande (ed.) *The Perils of Populism: The End of the American Century?* Cham: Springer Nature Switzerland. P. 195–219. DOI: 10.1007/978-3-031-36343-6_8
- Borg S. (2024). “A Battle for the Soul of This Nation”: How Domestic Polarization Affects US Foreign Policy in Post-Trump America. *International Journal*. Vol. 79. No. 1. P. 22–39. <https://doi.org/10.1177/00207020241232986>
- Cheek T., Hamrin C.L. (2023). Introduction: collaboration and conflict in the search for a new order. In: T. Cheek, C.L. Hamrin (eds) *China's Establishment Intellectuals*. London; New York: Routledge. P. 3–20.
- Chikhachev A.Y. (2022). Rossiysko-frantsuzskie otnosheniya pri prezidente Emmanuele Makrone: dostizheniya i protivorechiya [Russian-French relations under President Emmanuel Macron: Achievements and contradictions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 15. No. 1. P. 86–104. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.106>
- Clayton K., Davis N.T., Nyhan B., Porter E., Ryan T.J., Wood T.J. (2021). Elite rhetoric can undermine democratic norms. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 118. No. 23. <https://doi.org/10.1073/pnas.2024125118>
- Cunningham J., Moore M.K. (1997). Elite and mass foreign policy opinions: Who is leading this parade? *Social Science Quarterly*. Vol. 78. No. 3. P. 641–656.
- Dahlberg L. (2007). Rethinking the fragmentation of the cyberpublic: from consensus to contestation. *New Media & Society*. Vol. 9. No. 5. P. 827–847. DOI: 10.1177/1461444807081228
- Degterev D.A. (2016). Raspredeleniye kul'turnykh norm i tsennostey: agentnoye modelirovaniye [The spread of cultural norms and values: Agent-based modeling]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 1. P. 141–152.
- Dellmuth L., Tallberg J. (2023). *Legitimacy politics: Elite communication and public opinion in global governance*. Cambridge: Cambridge University Press. 260 p. <https://doi.org/10.1017/9781009222020>
- Dijkstra H., Debre M.J. (2022). The death of major international organizations: When institutional stickiness is not enough. *Global Studies Quarterly*. Vol. 2. No. 4. P. 1–13. DOI:10.1093/isagsq/ksac048
- Domingues J.M. (2022). Power and rule, civilisations and the modern political dimension: parallelism, convergence and divergence in social evolution. *International Review of Sociology*. Vol. 32. No. 1. P. 174–199. <https://doi.org/10.1080/03906701.2022.2028404>
- Engelstad F. (2009). Democratic elitism—conflict and consensus. *Comparative Sociology*. Vol. 8. No. 3. P. 383–401. DOI:10.1163/156913309X447585
- Entin M., Entina E., Babkina S. (2024). Prodovol'stvennyye i energeticheskie krizisy 2020-kh godov kak instrument antirossiyskoy politiki stran Zapada [The food and energy crises of the 2020s as a tool of anti-Russian policies of Western countries]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 22. No. 1. P. 1–24. DOI: 10.46272/IT.2024.22.1.76.2
- French J. (2017). The importance of segmentation in social marketing strategy. In: T. Dietrich, S. Rundle-Thiele, K. Kubacki (eds) *Segmentation in Social Marketing: Process, Methods and Application*. Cham: Springer. P. 25–40. DOI: 10.1007/978-981-10-1835-0_3

- Friedman S., Reeves A. (2020). From aristocratic to ordinary: Shifting modes of elite distinction. *American Sociological Review*. Vol. 85. No. 2. P. 323–350. <https://doi.org/10.1177/0003122420912941>
- Fukai S.N., Fukui H. (1992). Elite recruitment and political leadership. PS: Political Science & Politics. Vol. 25. No. 1. P. 25–36.
- Gaman-Goluvina O.V., Soloveva D.D. (2021). Novaya politicheskaya elita Frantsii protiv staroy sistemy rekrutirovaniya [France's New Political Elite Against the Old Recruitment System]. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 60–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.05>
- Golovin V.G., Golovina E.E. (2023). Elity v sovremennom sotsial'nom prostranstve [Elites in the modern social space]. *Voprosy elitologii*. Vol. 4. No. 3. P. 13–45. doi: 10.46539/elit.v4i3.157
- Grebnev R.D. (2023). Strategicheskiye napravleniya vneshney politiki Rossii v mnogopolyarnom mire: geopoliticheskiy podkhod [Strategic directions of Russia's foreign policy in a multipolar world: A geopolitical approach]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. No. 3. P. 124–128.
- Green J., Edgerton J., Naftel D., Shoub K., Cranmer S.J. (2020). Elusive consensus: Polarization in elite communication on the COVID-19 pandemic. *Science Advances*. Vol. 6. No. 28. DOI: 10.1126/sciadv.abc2717
- Gromyko A.A. (2020). Pandemiya i krizis sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy [The pandemic and the crisis of the international relations system]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 13. No. 5. P. 6–19. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>
- Henriksen L.F., Seabrooke L. (2021). Elites in transnational policy networks. *Global Networks*. Vol. 21. No. 2. P. 217–237. <https://doi.org/10.1111/glob.12301>
- Higley J., Burton M.G. (1989). The elite variable in democratic transitions and breakdowns. *American Sociological Review*. Vol. 54. No. 1. P. 17–32. <https://doi.org/10.12759/hsr.37.2012.1.245-268>
- Higley J., Burton M.G. (2006). *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield. 229 p.
- Higley J. (2021). *Elites, non-elites, and political realism: Diminishing futures for western societies*. Lanham: Rowman & Littlefield. 176 p.
- Hill C. (2008). Elites in European foreign policy-making: Consensus and competition. *Review of Sociology*. Vol. 14. No. 1. P. 93–102. DOI:10.1556/RevSoc.14.2008.5
- Hooghe L. et al. (2024). The Russian threat and the consolidation of the West: How populism and EU-skepticism shape party support for Ukraine. *European Union Politics*. Vol. 25. No. 3. P. 459–482. <https://doi.org/10.1177/14651165241237136>
- Jackson D., Jolly S. (2021). A new divide? Assessing the transnational-nationalist dimension among political parties and the public across the EU. *European Union Politics*. Vol. 22. No. 2. P. 316–339. <https://doi.org/10.1177/1465116520988915>
- Kascian K., Denisenko V., Matonytė I. (2024). Baltic States' EU membership: discursive search for (and failure to obtain) farewell from Russia. *Journal of Contemporary European Studies*. P. 1–16. DOI: 10.1080/14782804.2024.2349250
- Keller F.B. (2018). Analyses of elite networks. In: H. Best, J. Higley (eds) *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 135–152. DOI: 10.1057/978-1-137-51904-7_11
- Kertzer J.D., Renshon J. (2022). Experiments and surveys on political elites. *Annual Review of Political Science*. Vol. 25. No. 1. P. 529–550. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051120-013649>
- Kertzer J.D., Zeitzoff T. (2017). A bottom-up theory of public opinion about foreign policy. *American Journal of Political Science*. Vol. 61. No. 3. P. 543–558. <https://doi.org/10.7910/DVN/QSXDUN>
- Khudoley K.K., Kolotaev Y.Y. (2024). Dividing Lines in the EU's Common Foreign Policy: Russia as a polarising factor. *Baltic Region*. Vol. 16. No. 3. P. 87–107. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-5
- Kolosov V.A., Zotova M.V. (2022). Fragmentatsiya politicheskogo prostranstva i dinamizm sovremennoy sistemy granits [Fragmentation of political space and the dynamics of the modern system of borders]. *Politicheskaya nauka*. No. 4. P. 67–89. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.03>
- Körösenyi A. (2018). Political elites and democracy. In: H. Best, J. Higley (eds) *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 41–52.
- Lamoso-González P. (2024). Revisiting liberal intergovernmentalism in CFSP: preference formation and the EEAS. *Contemporary Politics*. Vol. 31. No. 3. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/13569775.2024.2387433>
- Lebedev A.N., Gordyakova O.V. (2021). Fenomen gruppovoy polarizatsii v politologii i politicheskoy psikhologii SShA i Evropy [The phenomenon of group polarization in the political science and political psychology of the USA and Europe]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. Vol. 6. No. 4 (24). P. 123–150.
- Lebedeva M. (2022). Introduction. Transformation of the Political Organization of the World. In: M. Lebedeva, V. Morozov (eds) *Turning Points of World Transformation: New Trends, Challenges and Actors*. Singapore: Springer Nature. P. 3–14. DOI:10.1007/978-981-19-1758-5_1

- Loizides N.G. (2009). Elite framing and conflict transformation in Turkey. *Parliamentary Affairs*. Vol. 62. No. 2. P. 278–297. DOI:10.1093/pa/gsn038
- Lupton D.L., Webb C. (2022). Wither elites? The role of elite credibility and knowledge in public perceptions of foreign policy. *International Studies Quarterly*. Vol. 66. No. 3. DOI: 10.1093/isq/sqac057
- Makarychev A., Terry G.S. (2020). An Estranged 'marriage of convenience': Salvini, Putin, and the intricacies of Italian-Russian relations. *Contemporary Italian Politics*. Vol. 12. No. 1. P. 23–42. DOI: 10.1080/23248823.2019.1706926
- Matsumoto T., Okazaki T. (2023). Elite mobility and continuity during a regime change. *The British Journal of Sociology*. Vol. 74. No. 2. P. 205–221. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.13000>
- Maynard J.L., Mildenberger M. (2018). Convergence and divergence in the study of ideology: A critical review. *British Journal of Political Science*. Vol. 48. No. 2. P. 563–589. DOI: 10.1017/S0007123415000654
- Merkley E. (2022). Polarization eh? Ideological divergence and partisan sorting in the Canadian mass public. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 86. No. 4. P. 932–943. <https://doi.org/10.31219/osf.io/cnzer>
- Michels R. (1999). *Political parties: A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy*. London; NY: Routledge. 266 p.
- Mizin V.I. (2020). Novye kontury strategicheskoy stabil'nosti v global'noy mnogopolyarnoy konkurentsii [New contours of strategic stability in global multipolar competition]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 18. No. 2. P. 141–168. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.2.61.8>
- Mosca G. (2012). *Istoriya politicheskikh doktrin* [History of Political Doctrines]. Moscow: Mysl. 326 p.
- Myrick R. (2021). Do external threats unite or divide? Security crises, rivalries, and polarization in American foreign policy. *International Organization*. Vol. 75. No. 4. P. 921–958. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818321000175>
- Najimdeen B. (2016). The Reconstruction of European Political and Public Sphere through a Constructivist Paradigm. *Journal of European Studies (JES)*. Vol. 32. No. 2. P. 1–17.
- Neimark M.A. (2020). V poisakh uskol'zayushchey real'nosti: Otnosheniye politicheskoy elity SSHa k Rossii [In search of elusive reality: The attitude of the US political elite towards Russia]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel'-Observer*. No. 4(363). P. 66–77.
- Oskina O.I. (2020). Transformatsionnye peremennye politicheskoy kultury sovremennoy politicheskoy elity [Transformational variables of the political culture of the modern political elite]. *Voprosy elitologii*. Vol. 1. No. 3. P. 52–73. DOI: 10.46539/elit.v1i3.26
- Pareto V. (2011). *Transformatsiya demokratii* [Transformation of Democracy]. Moscow: Territory of the Future. 208 p.
- Pertwi L.A. (2024). The EU's Approach to Sanctions on Russia: A Critical Analysis of the Existing Literature. *Central European Journal of International & Security Studies*. Vol. 18. No. 3. P. 61–86. DOI: <https://doi.org/10.51870/NOEX4475>
- Portela C., Pospieszna P., Skrzypczyńska J., Walentek D. (2021). Consensus against all odds: explaining the persistence of EU sanctions on Russia. *Journal of European Integration*. Vol. 43. No. 6. P. 683–699. <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1803854>
- Rogowski J.C., Sutherland J.L. (2016). How ideology fuels affective polarization. *Political Behavior*. Vol. 38. P. 485–508. <https://doi.org/10.1007/s11109-015-9323-7>
- Romanova T.A. (2024). In Different Languages 2.0. *Russia in Global Affairs*. Vol. 22. No. 1. P. 72–92. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-1-72-92
- Sanders J. (1980). Shaping the Cold War Consensus: The Soviet Threat, Interelite Conflict, and Mass Politics in the Korean War Era. *Berkeley Journal of Sociology*. Vol. 24. P. 67–136.
- Saunders E.N. (2022). Elites in the making and breaking of foreign policy. *Annual Review of Political Science*. Vol. 25. No. 1. P. 219–240. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041719-103330>
- Schäfer M.S., Metag J. (2021). Audiences of science communication between pluralisation, fragmentation and polarization. In: M. Bucchi, B. Trench (eds) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. London; New York: Routledge. P. 291–304. <https://doi.org/10.4324/9781003039242>
- Schultz K. A. (2017). Perils of polarization for US foreign policy. *The Washington Quarterly*. Vol. 40. No. 4. P. 7–28. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2017.1406705>
- Shakleina T., Rogers R. (2018). Historical Trajectory of the US-Russia Relationship. Perception and Misperception. *Fletcher Security Review*. Vol. 5.
- Shavitt S., Jiang D., Cho H. (2016). Stratification and segmentation: Social class in consumer behavior. *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 26. No. 4. P. 583–593. <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2016.08.005>

- Singh R.S. (2024). The Biden and Trump Doctrines in Comparative Perspective. In: S. A. Renshon, P. Suedfeld (eds) *Presidential Leadership and Foreign Policy: Comparing the Trump and Biden Doctrines*. Cham: Springer Nature Switzerland. P. 17–39. https://doi.org/10.1007/978-3-031-52799-9_2
- Sjursen H., Rosén G. (2017). Arguing sanctions. On the EU's response to the crisis in Ukraine. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 55. No. 1. P. 20–36. DOI: 10.1111/jcms.12443
- Smakotina N.L., Volkov A.V. (2024). Transformatsiya mirovogo poryadka v usloviyakh mezhdunarodnoy nestabil'nosti: otkrytyy mir i sinergiya tsivilizatsiy [Transformation of the world order under conditions of international instability: Open world and synergy of civilizations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika*. No. 1. P. 3–22. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-47-1-03-22
- Spartak A.N., Frenchuzov V.V. (2022). Vliyanie antirossiyskikh sanktsiy na yevropeyskuyu ekonomiku [The impact of anti-Russian sanctions on the European economy]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. No. 12. P. 7–17. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-12-7-17>
- Stolle D. (2024). Aiding Ukraine in the Russian war: unity or new dividing line among Europeans? *European Political Science*. Vol. 23. P. 218–233. <https://doi.org/10.1057/s41304-023-00444-7>
- Suhonosov, A.P. (2022). Politicheskie elity v usloviyakh rosta novoy volny mirovogo krizisa [Political elites in the context of the growth of a new wave of the global crisis]. *Issues in Elitology*. Vol. 3. No. 2. P. 51–63. DOI: 10.46539/elit.v3i2.104.
- Woods M. (1998). Rethinking elites: networks, space, and local politics. *Environment and Planning A*. Vol. 30. No. 12. P. 2101–2119. <https://doi.org/10.1068/a302101>
- Ziegler C.E. (2018). International dimensions of electoral processes: Russia, the USA, and the 2016 elections. *International Politics*. Vol. 55. No. 5. P. 557–574. DOI:10.1057/s41311-017-0113-1

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОБРАЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД ДЛЯ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ СПОРОВ

РУСЛАН МУХАМЕТОВ

Уральский федеральный университет имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Резюме

Изучение международно-правовых способов урегулирования межгосударственных споров имеет существенное значение для обеспечения мира и безопасности на международном уровне. Некоторые страны для решения своих разногласий с другими государствами обращаются в Международный суд ООН. В этой связи возникает вопрос: какими характеристиками обладают страны, подающие иск в международно-судебную инстанцию? Автор обратился к данным Международного суда ООН, проектов «Корреляты войны» и *Polity 4*. В работе при помощи бинарной логистической регрессии проверяются две рабочие гипотезы, основанные на теории рационального выбора и подходе, который рассматривает альянс как механизм по сдерживанию союзников. В результате проведенного исследования удалось установить, что более слабые в военном отношении государства чаще обращаются к международно-правовым способам разрешения межгосударственных споров. Подтвердилась гипотеза и о том, что такие формы разрешения споров особенно характерны для стран, не входящих в военно-политические альянсы, поскольку государства—члены одного и того же блока стремятся решать возникающие разногласия в рамках соответствующей межправительственной организации. Обнаружено положительное влияние диад с преобладанием континентальной системы права на практику обращения в международные судебные инстанции. Автор выявил отсутствие статистической значимости влияния демократических режимов на обращение в Международный суд для урегулирования споров, что связано с практикой применения услуг третьих сторон или посредничества для мирного разрешения своих противоречий.

Ключевые слова:

международные конфликты; межгосударственные споры; урегулирование конфликтов; Международный суд; альянсы; теория демократического мира

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.10.2024

Дата принятия к публикации: 07.02.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: muhametov.ru@mail.ru

Введение

Можно выделить три основных подхода к урегулированию межгосударственных споров: силовой, международно-правовой и политико-дипломатический. В первом случае стороны пытаются разрешить разногласия путём применения организованного насилия. Его наиболее экстремальным вариантом является военный конфликт. Второй подход предполагает обращение к инстанциям, которые обладают в соответствии с международным правом инструментами урегулирования споров в судебном порядке. В рамках третьего подхода стороны проводят прямые дипломатические переговоры, выявляя интересы и пути решения в поисках консенсуса [Allee, Nuth 2006b].

Существуют разные классификации мирного разрешения международных споров. Б.Д. Кривокапич [2020] выделяет *политические* (прямые дипломатические переговоры или через представителей третьих государств и международных организаций) и *правовые* (международный суд или международный арбитраж) средства. Джейкоб Беркович и Джудит Фреттер разграничивают *дипломатические* (прямые переговоры или посредничество третьей стороны), *юридические* (арбитраж и судебное разбирательство) и *политические* (международные и региональные межправительственные организации) методы урегулирования конфликтов [Bercovitch, Fretter 2003]. А.Х. Абашидзе и А. М. Солнцев [2012] обозначают *согласительные* (переговоры, посредничество, добрые услуги) и *международно-правовые* (международный арбитраж и международный суд) средства разрешения споров, а также обращение в международные или региональные организации.

Между тем процесс юридического разрешения споров как способ мирного урегу-

лирования межгосударственных противоречий в значительной степени остаётся на периферии науки о международных отношениях. Проблема использования юридических процедур для урегулирования межгосударственных разногласий едва ли занимает центральное место в изучении международных отношений. Определение условий, при которых территориальные споры могут быть разрешены мирным путём, является главной задачей как политиков, так и политологов-международников, а также экспертов по международному праву.

Международный суд (МС) ООН является одной из таких инстанций. Первым судебным органом для урегулирования межгосударственных споров во всемирном масштабе была Постоянная палата международного правосудия (*the Permanent Court of International Justice*), созданная в соответствии со Статутом Лиги Наций в 1922 году¹. На смену ей пришёл Международный Суд, учреждённый в 1946 г. в качестве главного органа ООН². Его основная роль заключается в мирном разрешении межгосударственных споров, а основная функция — выносить соответствующие решения. Только государства могут быть сторонами в делах, рассматриваемых Судом, при этом ни на одно государство не может быть предъявлен иск в этом Суде, если оно на таковой не согласится³.

В настоящей работе предпринимается попытка ответить на следующие вопросы: почему одни страны чаще, чем другие, подают заявление в Международный суд? Какие страновые характеристики влияют на подачу международного иска? Важно отметить, что судебное урегулирование международных споров является одним из различных средств, перечисленных в статье 33 Устава ООН⁴.

¹ Версальский мирный договор от 28 июня 1919 г. URL: <https://www.ungeneva.org/ru/about/league-of-nations/covenant> (дата обращения: 01.10.2024).

² Международный Суд ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ici/info.shtml> (дата обращения: 01.10.2024).

³ Международный Суд. Перламент. URL: <https://www.un.org/ru/ici/rules.shtml> (дата обращения: 01.10.2024).

⁴ Устав ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 01.10.2024).

Данная статья не является первым исследованием, посвященным способам мирного разрешения межгосударственных противоречий. Ранее учёные обнаружили, что лидеры национальных государств, пытающиеся разрешить территориальный спор, с большей вероятностью прибегали к международно-правовому решению, когда они сталкивались 1) с сильной внутривнутриполитической оппозицией; 2) с высокой степенью ответственности ввиду наличия демократических институтов в стране; 3) с фактором присутствия этнических сограждан на спорной территории [Allee, Huth 2006a]. Доминирующей точкой зрения в научной литературе является тезис о влиянии типа политического режима на разрешение споров. Вероятность правового разрешения межгосударственных споров увеличивается, когда в государствах—участниках спора существуют демократические политические институты [Dixon 1994; Mitchell, Hensel 2007; Raymond 1994; Simmons 1999]. Другими словами, внутривнутриполитические императивы зачастую оказывают значительное влияние на поведение правительств в межгосударственных спорах.

В настоящей статье мы проверяем две гипотезы, относящиеся к причинам обращения к судебному урегулированию межгосударственных споров. Первое объяснение опирается на реалистский теоретический подход и делает упор на соотношение военной мощи (более слабые в военном отношении государства чаще обращаются к международно-правовым способам урегулирования межгосударственных споров), второе — на роль военно-политических альянсов (к международно-правовым способам разрешения межгосударственных споров чаще прибегают государства, которые не являются членами одного военно-политического блока).

Стоит отметить, что данная работа по своему исследовательскому дизайну представляет собой количественное исследование. По мнению российских экспертов, в отечественной политической науке, особенно в международных исследованиях, применение статистических методов

анализа данных является скорее исключением, чем широко распространенной практикой [Тимофеев 2010: 125]. Это обусловлено тем, что формализация мировых политических процессов и субъективный характер принятия внешнеполитических решений являются главными причинами неадекватности прогнозов, которые делаются с помощью количественных методов [Дегтерёв 2015: 48]. Отечественные специалисты делают вывод, что главными для политологов-международников остаются сравнительно-исторический и нормативный (документальный) методы [Фененко 2018: 79].

Дальнейшая структура статьи построена следующим образом. В первом разделе освещаются теоретические основы. Во второй части описываются методы исследования (регрессионный анализ) и источники данных (например, «Polity IV» и «Корреляторы войны»). Далее представлены результаты эмпирического анализа. В заключении подводятся основные итоги данного исследования, связанные с подтверждением рабочих гипотез.

Теоретические рамки исследования и рабочие гипотезы

В данном разделе изложены два теоретических подхода, которые объясняют обращение к международно-правовому способу урегулирования межгосударственных споров.

Первый подход представлен *рациональной моделью объяснения войны (Rational agent model, RAM)*, в основе которой лежит теория ожидаемой полезности. В рамках последней предполагается, что лица, принимающие решения, рациональны и выберут результат с наибольшей ожидаемой полезностью. Лица просчитывают ожидаемую полезность каждой ситуации и каждый раз делают оптимальный выбор с целью максимизации своего общего благосостояния, принимая на себя потенциальные выгоды и риски различных вариантов выбора. Такой рациональный агент проводит собственный анализ затрат и выгод, сравнивает варианты действий и упорядо-

чивает их в соответствии со своими предпочтениями.

Теория ожидаемой полезности включает в себя ряд элементов: 1) отдельные лица, принимающие решения, ранжируют альтернативы с точки зрения своих предпочтений; 2) порядок предпочтений является транзитивным, то есть индивид предпочитает вариант А вместо В, а вариант В вместо С, что приводит к выводу, что индивид предпочитает А вместо С; 3) люди знают свои предпочтения и умеют рассчитывать полезность; 4) индивиды рассматривают альтернативные средства достижения желаемых целей; 5) лица, принимающие решения, рациональны и выбирают вариант с наибольшей ожидаемой полезностью [Bueno De Mesquita 1993].

Исследователи, изучающие истоки международных конфликтов, считают, что рационалистские объяснения являются наиболее распространёнными: военный конфликт происходит тогда, когда ожидаемые выгоды от него перевешивают ожидаемые издержки [Fearon 1995]. Лидер с большей вероятностью инициирует конфликт, если он решит, что стратегия осуществления. Военный конфликт может иметь положительную (чистую) полезность, предоставляя победителю выгоды, превышающие потери: к издержкам, как правило, относят как прямые расходы на ведение военных действий⁵, так и косвенные военные расходы⁶ [Goldstein 2004]. В качестве внешнеполитических выгод инициирования военного конфликта называют приращение территории государства [Goertz, Diehl 2002; Vasquez, Valeriano 2009], сохранение своего положения гегемона [Аллисон 2019], а также повышение своего международно-политического статуса [Renshon 2017].

Необходимо отметить, что применение военной силы странами бывает обусловле-

но и внутренними обстоятельствами, с которыми сталкиваются их лидеры. Инициирование военных действий может быть вызвано целью отвлечения внимания общественности от социально-экономических проблем, сохранения или усиления политической поддержки, продления мандата главы государства в условиях политической нестабильности (политического выживания лидера). Речь идёт об эффекте «сплочения вокруг флага», что в научной литературе называют теорией отвлекающей войны (*diversionary theory of war*) [Казун 2017; Мухаметов 2022; Levy 1988]. Кроме того, согласно Льюису Козеру, конфликт также может положительно влиять на существующий социальный порядок, внося свой вклад в устойчивость ингруппы и укрепление отношений между её членами (целостность группы), вызывая солидарность и заставляя людей забыть о своих внутренних разногласиях [Козер 2000].

Война происходит в случае, когда ожидаемые выгоды выше предполагаемых издержек: военная мощь гипотетического инициатора конфликта выше, а шансы победить больше. Военная сила как средство достижения национальных интересов используется в тех случаях, когда нет риска получить ответный удар или он минимален [Мухаметов 2010]. Следовательно, страны, чей уровень военной мощи ниже, с наименьшей вероятностью инициируют военный конфликт для разрешения межгосударственных противоречий при прочих равных условиях, поскольку увеличивается риск поражения. Отсюда вероятность обращения к политико-дипломатическим способам разрешения спора выше.

Таким образом, можно ожидать (*Гипотеза 1*), что более слабые в военном отношении государства чаще обращаются к международно-правовым способам урегулирования межгосударственных споров. Дру-

⁵ Затраты на вооружение, обучение военных, содержание военных баз и объектов, медицинское обеспечение военнослужащих, а также компенсации для военнослужащих и их семей в случае болезни или гибели.

⁶ Разрушение инфраструктуры, вызванное боевыми действиями, а также инфляция и рост государственного долга.

гими словами, подают иск в Международный суд те страны, военная мощь которых меньше (или равна) силы противоположной стороны.

Второй теоретический подход опирается на концепцию, согласно которой *альянсы рассматриваются как механизм по сдерживанию союзников*. В нашей статье под военно-политическом блоком понимается организация, в основе которой находится официальное соглашение между независимыми государствами о сотрудничестве в случае военного конфликта. Альянсы создаются в письменной форме, где указываются обязательства государств-членов и условия, на которых эти обязательства выполняются [Leeds 2015]. Российские исследователи понимают под альянсами соглашения между странами, которые описывают как параметры их военно-политического взаимодействия в случае военного конфликта, так и практики сотрудничества на основе таких договоренностей [Истомин 2017: 94]. Можно согласиться с отечественными специалистами-международниками, которые подчёркивают, что альянсы характеризуются как инструменты «двойного сдерживания» — закрепления ограничений на внешнеполитический волюнтаризм как третьих стран, так и самих участников объединения [Истомин, Байков 2020: 11]. В научной литературе существует точка зрения, согласно которой альянсы используются в качестве механизмов ограничения союзников путём улучшения информационных потоков и в качестве площадки по урегулированию споров [Benson 2012]. Военно-политические союзы служат для регулирования отношений между государствами внутри объединения [Weitsman 2013]. Исследователи выделяют три типа альянсов — оборонительный пакт, пакт о нейтралитете или ненападении, Антанта [Gibler 2008].

Альянсы помогают уменьшить военные конфликты между государствами-членами путём предоставления информации о национальном военном потенциале. Напомним, что существует две проблемы информационного характера, которые могут привести

к вооружённому конфликту между государствами. Первая — это недостаток информации о национальном военном потенциале и относительной мощи, вторая — о военных намерениях и решимости понести издержки от ведения боевых действий. Считается, что альянсы предоставляют информацию о национальном военном потенциале институциональным участникам, поскольку они, как правило, представляют собой нечто большее, чем просто устные договорённости или письменные соглашения. Подобные союзы зачастую предусматривают совместное планирование обороны в рамках официальных институциональных структур национальных военных лидеров [Bearce et al. 2006.].

Военные альянсы ассоциируются с длительными периодами мира между союзниками, так как они сигнализируют о приверженности сторон миру. Под их эгидой создаются институты, которые снижают транзакционные издержки, связанные с передачей частной информации. Обещания о ненападении, мирное урегулирование споров и институционализация военных отношений между союзниками в совокупности увеличивают продолжительность мира в рамках союзнической диады — пары союзнических государств. Военно-политические блоки предполагают: 1) положения, требующие от государств-членов воздерживаться от агрессивных действий, направленных против других участников; 2) обязательство разрешать разногласия между сторонами с помощью механизмов мирного урегулирования споров; 3) институционализацию военных отношений между союзниками; 4) установление постоянно работающих органов взаимодействия [Long et al. 2007].

Таким образом, мы можем сформулировать вторую *рабочую гипотезу*: если государства-члены одного и того же военного союза решают свои разногласия внутри альянса, то к международно-правовым способам разрешения межгосударственных споров чаще прибегают государства, которые не являются членами военно-политических блоков.

Переменные, источники данных и методы исследования

Зависимая переменная («Обращение») носит дихотомический характер: государство—инициатор обращения в Международный суд получает значение «1», а государство—ответчик — «0». Источником информации по спорным делам государств стали данные Международного суда ООН⁷. Из 157 дел мы исключили случаи, в которых одна из сторон представлена двумя и более государствами. Кроме того, юридические споры с 2017 г. также не учитывались, поскольку отсутствовали данные по военной мощи: проект «Корреляторы войны» предоставляет данные по 2016 год. В итоговую выборку попали 86 межгосударственных споров.

Независимые переменные представлены следующими предикторами:

1) переменная «Военная мощь» операционализована через Сводный индекс национального потенциала (*The Composite Index of National Capability*) от проекта «Корреляторы войны». Данный индекс — это один из способов оценки ресурсов, которыми располагает страна для поддержки войны. Для его расчёта используются шесть индикаторов силы: общая численность населения, городское население, численность военнослужащих, военные расходы, потребление энергии, а также производство чугуна и стали. Этот показатель требует деления каждого индикатора для отдельной страны на соответствующее глобальное число, чтобы найти соотношение сил. Государство, чей индекс в диаде меньше, получает значение «1», а противоположная сторона — «0»;

2) переменная «Альянс» измеряется следующим образом: если оба государства в паре являются членом одного и того же военнополитического блока, то переменная получает значение «0»; если нет, то «1».

Набор данных о национальном материальном потенциале содержит годовые значения общей численности населения, городского населения, производства чугуна и стали, потребления энергии, военного персонала и военных расходов всех государств-членов за 1816–2016 годы. Широко используемый Сводный индекс национального потенциала (CINC) основан на этих шести переменных и включён в набор данных. Версия 6.0 набора данных охватывает период 1816–2016 годов и содержит набор значений по шести показателям, а также сводный индекс национальных возможностей⁸.

По мнению Майкла Бекли, данный индекс имеет ряд недостатков, так как в нём не учитываются затраты на производство, благосостояние и безопасность, а показатели благосостояния и военного потенциала бедных густонаселённых стран зачастую завышаются. Дело в том, что принимаются в расчёт ресурсы стран без учёта социальных расходов. Страна с большим населением может производить огромные объёмы продукции и содержать большую армию, но также может и нести огромное бремя социального обеспечения и безопасности, которое истощает её богатства и ослабляет вооружённые силы [Beckley 2018].

Данные по альянсам опираются на проект «Корреляты войны»⁹ и работу Д. Гиблера, в которой собраны и подробно описаны все официальные межгосударственные союзы, подписанные после Вестфальского мира 1648 года [Gibler 2008].

Для более высокой достоверности результатов исследования были введены две контрольные переменные. Первая из них операционализована через тип политического режима двумя способами:

1) если политический режим государства-истца является демократическим, то

⁷ Contentious cases organized by State. URL: <https://www.icj-cij.org/cases-by-country> (accessed: 23.09.2024).

⁸ National Material Capabilities (v6.0). Correlates of War Project. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/> (accessed: 23.09.2024).

⁹ Formal Alliances (v4.1). Correlates of War Project. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/formal-alliances/> (accessed: 23.09.2024).

Таблица 1
Описательная статистика

Переменные	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Обращение	0,500	0,5	0,501	0	1
Военная мощь	0,506	0,5	0,513	0	1
Альянсы	0,233	0	0,424	0	1
Режим	0,662	1	0,036	0	1
Режим 2	0,558	1	0,498	0	1
Нац. прав. сист.	0,651	1	0,478	0	1

Источник: составлено автором.

переменная получает значение «1», при остальных вариантах – «0» (переменная «Режим»);

2) если оба государства являются демократическими, то переменная получает значение «1»; если нет, то «0» (переменная «Режим 2»).

Источником данных по политическим режимам стран является проект *Polity IV*, годовые показатели которого были рассчитаны для каждой из 167 стран за период 1946–2013 годы¹⁰. Данные с 2013 по 2016 год – информация *Polity V*. Существует достаточное количество альтернативных рейтингов, например рейтинг политических прав и гражданских свобод от *Freedom House* с 1973 года¹¹, *Democracy Index* от *Economist Intelligence Unit* с 2006 года, от проекта *V-Dem* с 2000 года. Между тем они не могут быть применены для настоящего исследования в силу более ограниченного временного охвата. Необходимо подчеркнуть, что рейтинги демократичности государств мира подвергаются критике за субъективность и потенциальную предвзятость. Эти индексы могут не учитывать культурно-исторические особенности разных стран, методология и выбор показателей могут отражать определённую идеологическую позицию составителей [Landman 2005].

Другим контрольным предиктором выступает переменная «Национальная правовая система». Государства континентальной системы права (*civil law countries*) с большей охотой признают юрисдикцию Международного суда, чем государства с англосаксонской или исламской системой права (*common law countries*). Это обстоятельство связано со схожестью правил и процедур, которые применяются в Международном суде и в системах континентального права [Mitchell, Powell 2009; Powell, Mitchell 2007]. Переменная «Национальная правовая система» измеряется в настоящей работе следующим образом: предиктор получает значение «1», если диада представлена странами континентальной системы права; остальным случаям присваивается значение «0». Информация по национальным правовым системам государств взята из Справочника ЦРУ (*CIA World Factbook*), где представлена актуальная информация в систематизированном виде¹².

Как отмечают российские эксперты, следствием анализа широкого круга баз данных может быть ряд проблем (теоретико-концептуального и методического характеров, охвата, объективности данных) [Мельвиль и др. 2023: 155].

Основные показатели описательной статистики представлены в табл. 1.

¹⁰ Polity IV Individual Country Regime Trends, 1946–2013. URL: <https://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (accessed: 23.09.2024).

¹¹ В мае 2024 г. российские власти объявили *Freedom House* «нежелательной организацией».

¹² CIA World Factbook 2022-2023. New York: Skyhorse Publishing, 2022. 6009 p.

Таблица 2
Результаты регрессионного анализа

Переменные	Коэффициент	Ст. ошибка	t статистика	P-значение
Военная мощь	1,244	0,315	3,950	0,000***
Альянсы	0,028	0,418	0,067	0,06*
Режим	0,123	0,458	0,268	0,788
Режим 2	0,044	0,343	0,128	0,897
Нац. прав. сист.	0,072	0,340	0,213	0,04**
Константа	0,693	0,368	1,880	0,06*

Кол-во наблюдений – 172

R-квадрат – 0,23; скорректированный R-квадрат – 0,21

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$

Источник: составлено автором.

Методом анализа данных является бинарная логистическая регрессия. Это вид регрессионного анализа, когда зависимая переменная является дихотомической (да или нет), а независимые предикторы могут быть интервальными, категориальными, порядковыми, дискретными или бинарными [Chatterjee, Simonoff 2013]. Анализ данных был выполнен в прикладной программе по обработке данных Gretl.

Результаты эмпирического анализа

Мы эмпирически проверили теорию ожидаемой полезности и концепцию, рассматривающую альянс как механизм по сдерживанию союзников, на предмет обращения к международно-правовым способам разрешения межгосударственных противоречий. Важно отметить, что применение метода инфляционных факторов (*Variance Inflation Factor, VIF*)¹³ показало отсутствие указаний на мультиколлинеарность. Главные показатели представлены в табл. 2.

Поскольку в бинарной логистической регрессии зависимая переменная является двоичной, интерпретация результатов регрессионного анализа позволяет определить, в какую из двух групп дихотомической зависимой переменной государства

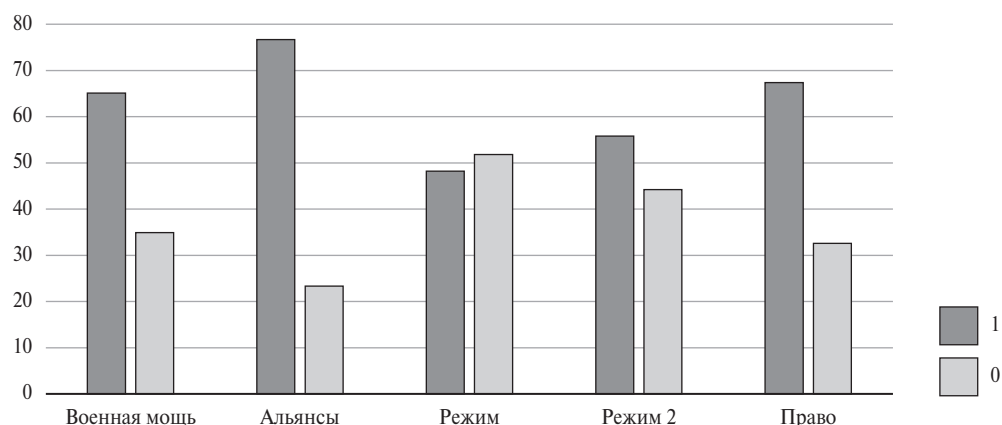
или их диады попадут. Как видно из табл. 2, первая гипотеза, согласно которой более слабые государства в военном плане (или равные по силе) чаще обращаются к международно-правовым способам разрешения межгосударственных споров, эмпирически подтверждается ($p = 0,000$, $p < 0,05$). Вторая гипотеза, по которой к международно-правовым способам разрешения межгосударственных споров чаще прибегают государства, которые не являются членами военно-политических блоков, также получила эмпирическое подтверждение ($p = 0,06$, $p < 0,1$), но на уровне 10%. Необходимо подчеркнуть, что общепринятым считается уровень 5% / 0,05.

Примечательно, что тип политического режима, выбранный в качестве одной из контрольных переменных, не оказал значимого влияния на вероятность обращения государства в Международный суд. Результатом исследования стало выявление положительного влияния диад с преобладанием континентальной системы права на практику обращения в международные судебные инстанции. Более детальная информация представлена на рис. 1.

В 23,3% случаев государство-истец состояло в одном альянсе со страной-ответчиком. В качестве примера можно привести дело между Колумбией и Перу 1950 г.

¹³ Метод инфляционных факторов – это статистический метод, используемый для измерения степени мультиколлинеарности в регрессионной модели.

Рисунок 1
Распределение обращений в Международный суд

Источник: составлено автором.

о предоставлении убежища главе Американского народного революционного альянса Виктору Раулю Айя де ла Торре¹⁴. Другим случаем является спор о сухопутных, островных и морских границах между Сальвадором и Гондурасом 1986 года¹⁵, а также территориальный спор 2008 г. между Перу и Чили по поводу делимитации границы между морскими зонами двух государств в Тихом океане¹⁶. Указанные субъекты являются странами–подписантами Межамериканского договора о взаимной помощи (Пакт РИО).

Большую часть диад составляют страны, которые не являются членами одного альянса. Подобные блоки рассматриваются, в частности, как институты для урегулирования внутренних конфликтов между участниками [Fang et al. 2014]. Военно-политические союзы представляют собой средства, облегчающие коммуникацию и уменьшающие военизированные конфлик-

ты между договаривающимися государствами [Kim et al. 2020]. Вместе с тем некоторые государства–члены одного и того же альянса решают свои разногласия при помощи международно-правового способа. Не все международные правительственные организации способствуют установлению мира на межгосударственном уровне, а только наиболее сплочённые и институционализированные [Boehmer et al. 2004]. Разрешение спора в рамках международной организации возможно лишь в том случае, если входящие в неё государства делегировали этой структуре часть своего суверенитета и полномочий [Михайлова 2023]. Учитывая, что подобный критерий реализуется крайне ограниченным кругом международных институтов, многие государства, не достигнув согласия по спорным вопросам путём переговоров внутри альянсов, передают свои разногласия на рассмотрение Международного суда ООН.

¹⁴ Haya de la Torre (Colombia v. Peru). URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-haya-de-la-torre-colombia-v-peru-judgment-including-the-text-of-the-declaration-of-judge-ad-hoc-alaya-y-paz-soldan-wednesday-13th-june-1951> (accessed: 23.09.2024).

¹⁵ Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening). URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-land-island-and-maritime-frontier-dispute-el-salvador-honduras-nicaragua-intervening-judgment-friday-11th-september-1992> (accessed: 23.09.2024).

¹⁶ Maritime Dispute (Peru v. Chile). URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-maritime-dispute-peru-v-chile-judgment-monday-27th-january-2014> (accessed: 23.09.2024).

Результаты эмпирического анализа показали отсутствие статистической значимости наличия демократического режима на обращение в Международный суд для урегулирования имеющихся споров. Демократии с большей вероятностью будут использовать третейский арбитраж или посредничество для мирного разрешения своих противоречий [Dixon 1993]. Урегулирование дискуссионных вопросов третьей стороной обеспечивает своего рода политическое прикрытие для демократических лидеров, которые электорально уязвимы в случае провала внешней политики [Allee T., Nuth 2006a]. Наиболее эффективным посредником выступает государство с более мощным военным потенциалом, чем у сторон конфликта [Мустафина, Мальцев 2023].

В то же время пары государств с демократическим устройством с большей вероятностью прибегают к мирному урегулированию, что чаще всего приводит к компромиссу и разрешению споров путём прямых переговоров [Dixon, Senese 2002; Ellis et al. 2010; Hensel 2001]. Медиация (59,3%) и прямые двусторонние переговоры (32,2%) являются наиболее часто используемыми методами мирного урегулирования споров, которые применяются более чем в 91% всех переговоров по разрешению спорных межгосударственных вопросов [Bercovitch, Fretter 2004: 29]. Наиболее важные проблемы между демократическими государствами касаются рыболовных запасов, морских границ и нефтяных месторождений в море [Mitchell, Prins 1999]. В качестве примеров споров, которые разрешались в Международном суде, можно привести тресковые войны (1958–1961, 1972–1973, 1975–1976) между Великобританией и Исландией, спор о суверенитете над определёнными приграничными землями между Бельгией

и Нидерландами 1957 года¹⁷, а также дело о разграничении континентального шельфа Северного моря 1967 г. с участием Дании, ФРГ и Нидерландов¹⁸.

Стоит сказать, что данное исследование эмпирически подтвердило, что диадические отношения между странами с преобладанием континентальной системы права положительно коррелируют с практикой обращения в международные судебные инстанции. Это связано с такими особенностями континентальной системы права, как привычка к кодификации, роль юристов, меньший скептицизм по отношению к международному праву и культура компромисса.

Таким образом, проведённый анализ выявил, что внешнеполитические детерминанты оказывают значительное влияние на решение государств обращаться в Международный суд для урегулирования споров. Военная слабость и отсутствие членства в одном военно-политическом блоке статистически значимо повышают вероятность обращения в Суд. В то же время влияние типа политического режима (демократии) оказалось незначительным, а наличие общих правовых традиций (преобладание континентальной системы права в двусторонних отношениях), напротив, способствует большей склонности к обращению в международные судебные инстанции.

* * *

Проведение данного исследования было обусловлено стремлением понять истоки обращения государств в Международный суд ООН. Практика показывает, что одни страны чаще обращаются к международно-правовым средствам урегулирования межгосударственных споров, чем другие. Гипотеза, согласно которой более слабые

¹⁷ Sovereignty over Certain Frontier Land (Belgium v. Netherlands). URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-sovereignty-over-certain-frontier-land-belgium-v-netherlands-judgment-saturday-20th-june-1959> (accessed: 23.09.2024).

¹⁸ North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Netherlands). URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-north-sea-continental-shelf-federal-republic-of-germany-netherlands-judgment-thursday-20th-february-1969> (accessed: 23.09.2024).

государства в военном отношении чаще обращаются к международно-правовым способам разрешения межгосударственных споров, получила подтверждение. Другими словами, иск в Международный суд подают преимущественно те государства, военный потенциал которых уступает или соизмерим с возможностями противоположной стороны.

Предположение, что к международно-правовым способам разрешения межгосударственных споров чаще прибегают государства, которые не являются членами военно-политических блоков, так как государства—члены одного и того же блока решают свои разногласия внутри альянса, также получило эмпирическое подтверждение. Около четверти обращений поступило в Международный суд от стран, которые находились в военном союзе с государством-ответчиком. Способность межправительственных организаций ненасильственным способом разрешать конфликты между государствами-членами зависит от их институциональных качеств.

Кроме того, в работе были проверены ряд контрольных переменных. В результате исследования было выявлено отсутствие статистической значимости влияния демократических режимов на обращение в Международный суд для урегулирования споров, что связано с практикой применения услуг третьих сторон или посредничества для мирного разрешения своих противоречий. Было доказано положительное влияние диад с преобладанием континентальной системы права на практику обращения в международные судебные инстанции.

Таким образом, использование Международного суда ООН предстаёт как комплексный стратегический выбор, на который влияют как геополитические соображения и баланс сил, так и характеристики внутренней и внешней политики государств. Полученные результаты вносят вклад в понимание мотивов государств в выборе мирных средств разрешения международных споров и могут быть использованы для разработки более эффективных механизмов поддержания международного мира и безопасности.

Список литературы

- Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. М.: Российский университет дружбы народов, 2012. 307 с.
- Аллисон Г. Обречены воевать. М.: АСТ, 2019. 414 с.
- Дегтерёв Д.В. Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. 2015. № 2. С. 35–54. <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.2.41.3>
- Истомин И.А. Современная западная теория военно-политических альянсов: достижения и лакуны // Международные процессы. 2017. № 4. С. 93–114. DOI 10.17994/IT.2017.15.4.51.6
- Истомин И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. Политические исследования. 2020. №6. С. 8–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.02>
- Казун А.Д. Эффект «rally around the flag». Как и почему растёт поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Полис. «Политические исследования». 2017. №1. С. 136–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.12>
- Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 295 с.
- Кривокапич Б.Д. Мирное разрешение международных споров. Самара: Изд-во Самарского университета, 2020. 592 с.
- Мельвиль А.Ю., Мальгин А.В., Миронюк М.Г., Стукал Д.К. Эмпирические вызовы и методологические подходы в сравнительной политологии (сквозь призму «Политического атласа современного мира 2.0») // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 153–171. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.10>
- Михайлова Е.В. Способы и формы разрешения межгосударственных споров // Государство и право. 2023. №3. С. 128–137. <https://doi.org/10.31857/S102694520024819-1>
- Мустафина В., Мальцев А. Военная сила государства-посредника и урегулирование вооружённых конфликтов // Международные процессы. 2023. Т. 21. № 4. С. 6–40. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.4.75.8>

- Мухаметов Р.С. Инструменты внешней политики России: сущность и формы реализации // *Ars Administrandi*. 2010. № 2. С. 133–139.
- Мухаметов Р.С. Международные детерминанты популярности президента России. Имеет ли значение эффект «сплочения вокруг флага»? // *Международные процессы*. 2022. Т. 20. №3. С. 80–94. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.3.70.6>
- Тимофеев И.Н. Формализованные методы исследования в политологии и сравнительной политике: перспективы политологической школы МГИМО // *Сравнительная политика*. 2010. № 1. С. 121–129.
- Фененко А.В. Статистика против истории. (Размышления о количественных методах в международных исследованиях // *Международные процессы*. 2018. № 3. С. 56–83. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.3.54.3>
- Allee T.L., Huth P. Legitimizing Dispute Settlement: International Legal Rulings as Domestic Political Cover // *American Political Science Review*. 2006a. Vol. 100. No. 2. P. 219–234. <https://doi.org/10.1017/S0003055406062125>
- Allee T., Huth P. The Pursuit of Legal Settlements to Territorial Disputes // *Conflict Management and Peace Science*. 2006b. Vol. 23. No. 4. P. 285–307. <https://doi.org/10.1080/07388940600972644>
- Bearce D.H., Flanagan K.M., Floros K.M. Alliances, Internal Information, and Military Conflict among Member-States // *International Organization*. 2006. Vol. 60. No. 3. P. 595–625. <https://doi.org/10.1017/S0020818306060188>
- Beckley M. The Power of Nations: Measuring What Matters // *International Security*. 2018. Vol. 43. No. 2. P. 7–44. https://doi.org/10.1162/isec_a_00328
- Benson B. Constructing International Security: Alliances, Deterrence, and Moral Hazard. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012. 207 p.
- Bercovitch J., Fretter J. Regional Guide to International Conflict and Management from 1945 to 2003. Washington, D.C.: CQ Press, 2004. 400 p.
- Boehmer C., Gartzke E., Nordstrom T. Do Intergovernmental Organizations Promote Peace? // *World Politics*. 2004. Vol. 57. No. 1. P. 1–38. <https://doi.org/10.1353/WP.2005.0008>
- Bueno De Mesquita B. The Contribution of Expected Utility Theory to the Study of International Conflict // *The Handbook of War Studies* / ed. by M. Midlarsky. Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1993. P. 143–169.
- Chatterjee S., Simonoff J. Handbook of Regression Analysis. New York: John Wiley & Sons, 2013. 252 p.
- Dixon W. Democracy and the Management of International Conflict // *Journal of Conflict Resolution*. 1993. Vol. 37. No. 1. P. 42–68. <https://doi.org/10.1177/0022002793037001002>
- Dixon W. Democracy and the peaceful settlement of international conflict // *American Political Science Review*. 1994. Vol. 88. No. 1. P. 14–32. doi:10.2307/2944879
- Dixon W., Senese P. Democracy, Disputes, and Negotiated Settlements // *Journal of Conflict Resolution*. 2002. Vol. 46. No. 4. P. 547–571. <https://doi.org/10.1177/0022002702046004004>
- Ellis G., Mitchell S., Prins B. How Democracies Keep the Peace: Contextual Factors that Influence Conflict Management Strategies // *Foreign Policy Analysis*. 2010. Vol. 6. No. 4. P. 373–398. <https://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2010.00118.x>
- Fang S., Johnson J., Leeds B. To Concede or to Resist? The Restraining Effect of Military Alliances // *International Organization*. 2014. Vol. 68. No. 4. P. 775–809. <https://doi.org/10.1017/S0020818314000137>
- Fearon J.D. Rationalist Explanations for War // *International Organization*. 1995. Vol. 49. No. 3. P. 379–414. doi:10.1017/S0020818300033324
- Gibler D. International Military Alliances, 1648–2008. Washington, D.C.: CQ Press, 2008. 1001 p.
- Goertz G., Diehl P. Territorial Changes and international conflict. London; New York: Routledge, 2002. 192 p.
- Goldstein J. The Real Price of War: How You Pay for the War on Terror. New York: New York University Press, 2004. 232 p.
- Hensel P. Contentious Issues and World Politics: The Management of Territorial Claims in the Americas, 1816–1992 // *International Studies Quarterly*. 2001. Vol. 45. No. 1. P. 81–109. <https://doi.org/10.1111/0020-8833.00183>
- Kim H., Woo J., Lee J. What Is the Relationship Between Alliance and Militarized Conflict? Analysis of Reciprocal Causation // *Armed Forces & Society*. 2020. Vol. 46. No. 4. P. 539–563. <https://doi.org/10.1177/0095327X18819253>
- Landman T. The Political Science of Human Rights // *British Journal of Political Science*. 2005. Vol. 35. No. 3. P. 549–572. doi:10.1017/S0007123405000293
- Leeds B. Why Do States Sign Alliances? // *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource* / ed. by R.A. Scott, S.M. Kosslyn, M.C. Buchmann. Stanford: Center for Advanced Studies in the Behavioral Sciences, 2015. <https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0387>

- Levy J.* Domestic Politics and War // *The Journal of Interdisciplinary History*. 1988. Vol. 18. No. 4. P. 653–673.
- Long A., Nordstrom T., Baek K.* Allying for Peace: Treaty Obligations and Conflict between Allies // *The Journal of Politics*. 2007. Vol. 69. No. 4. P. 1103–1117. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2007.00611.x>
- Mitchell S., Hensel P.R.* International institutions and compliance with agreements // *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51. No. 4. P. 721–737. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00277.x>
- Mitchell S., Powell E.* Legal Systems and Variance in the Design of Commitments to the International Court of Justice // *Conflict Management and Peace Science*. 2009. Vol. 26. No. 2. P. 164–190. <https://doi.org/10.1177/0738894208101128>
- Mitchell S., Prins B.* Beyond Territorial Contiguity: Issues at Stake in Democratic Militarized Interstate Disputes // *International Studies Quarterly*. 1999. Vol. 43. No. 1. P. 69–183.
- Powell E.J., Mitchell S.* The International Court of Justice and the world's three legal systems // *Journal of Politics*. 2007. Vol. 69. No. 2. P. 397–415. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2007.00539.x
- Raymond G.* Democracies, Disputes, and Third Party Intermediaries // *Journal of Conflict Resolution*. 1994. Vol. 38. No. 1. P. 24–42. <https://doi.org/10.1177/0022002794038001002>
- Renshon J.* *Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics*. Princeton: Princeton University Press, 2017. 328 p.
- Simmons B.* See you in “court”? The appeal to quasi-judicial legal processes in the settlement of territorial disputes // *A Roadmap to War: Territorial Dimensions of International Conflict* / ed. by P.F. Diehl. Nashville, TN: Vanderbilt University Press, 1999. P. 205–237.
- Vasquez J., Valeriano B.* Territory as a Source of Conflict and a Road to Peace // *Handbook of Conflict Resolution*. Sage Publications, 2009. P. 193–209. <https://doi.org/10.4135/9780857024701.n10>
- Weitsman P.* *Waging War: Alliances, Coalitions, and Institutions of Interstate Violence*. Stanford: Stanford University Press, 2013. 304 p.

FOREIGN POLICY DETERMINANTS OF STATES' APPEALS TO THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE FOR THE SETTLEMENT OF INTERSTATE DISPUTES

RUSLAN MUKHAMETOV

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg,
620002, Russia

Abstract

International legal resolution of interstate disputes is a critical domain within International Relations, as it underpins global peace and security. Empirical evidence indicates that some states turn to the International Court of Justice (ICJ) with a view to settling interstate disputes. This study investigates the characteristics of states that submit claims to international courts. Drawing on data from the ICJ, the Correlates of War project and Polity 4, the paper tests two hypotheses derived from rational choice/expected utility theory and an alliance-based deterrence approach. By employing binary logistic regression, the findings reveal that militarily weaker states are more likely to favor international legal

methods of resolving interstate disputes. The hypothesis has been confirmed that States that are not members of military-political blocs are more likely to resort to international legal methods for resolving interstate disputes. The analysis further demonstrates a positive association between dyads dominated by the civil law system and the propensity to seek judicial resolution. In contrast, the democratic regime factor is not statistically significant when it comes to filing claims with the ICJ, possibly due to their greater reliance on a third party or mediation. The results obtained contribute to understanding the motives and strategies of States in choosing peaceful means of resolving international disputes and can be used to develop more effective mechanisms for maintaining international peace and security.

Keywords:

international conflicts; interstate disputes; conflict resolution; International Court of Justice; alliances; theory of democratic peace

References

- Abashidze A.H., Solncev A.M. (2012). *Mirnoye razresheniye mezhdunarodnykh sporov: sovremennyye problemy* [Peaceful settlement of international disputes: modern problems]. Moscow: Rossiyskiy universitet druzhby narodov. 307 p.
- Allee T.L., Huth P. (2006a). Legitimizing Dispute Settlement: International Legal Rulings as Domestic Political Cover. *American Political Science Review*. Vol. 100. No. 2. P. 219–234. <https://doi.org/10.1017/S0003055406062125>
- Allee T., Huth P. (2006b). The Pursuit of Legal Settlements to Territorial Disputes. *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 23. No. 4. P. 285–307. <https://doi.org/10.1080/07388940600972644>
- Allison G. (2019). *Obrecheny voevat'* [Destined for War]. Moscow: AST. 414 p.
- Bearce D.H., Flanagan K.M., Floros K. M. (2006). Alliances, Internal Information, and Military Conflict among Member-States. *International Organization*. Vol. 60. No. 3. P. 595–625. <https://doi.org/10.1017/S0020818306060188>
- Beckley M. (2018). The Power of Nations: Measuring What Matters. *International Security*. Vol. 43. No. 2. P. 7–44. https://doi.org/10.1162/isec_a_00328
- Benson B. (2012). *Constructing International Security: Alliances, Deterrence, and Moral Hazard*. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 207 p.
- Bercovitch J., Fretter J. (2004). *Regional Guide to International Conflict and Management from 1945 to 2003*. Washington, D.C.: CQ Press. 400 p.
- Boehmer C., Gartzke E., Nordstrom T. (2004). Do Intergovernmental Organizations Promote Peace? *World Politics*. Vol. 57. No. 1. P. 1–38. <https://doi.org/10.1353/WP.2005.0008>
- Bueno De Mesquita B. (1993). The Contribution of Expected Utility Theory to the Study of International Conflict. In: M. Midlarsky (ed.) *The Handbook of War Studies*. Ann Arbor: Univ. of Michigan press. P. 143–169.
- Chatterjee S., Simonoff J. (2013). *Handbook of Regression Analysis*. New York: John Wiley & Sons. 252 p.
- Degterjov D.V. (2015). Kolichestvennyye metody v mezhdunarodnykh issledovaniyakh [Quantitative methods in international research]. *Mezhdunarodnyye processy*. No. 2. P. 35–54. <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.2.41.3>
- Dixon W. (1993). Democracy and the Management of International Conflict. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 37. No. 1. P. 42–68. <https://doi.org/10.1177/0022002793037001002>
- Dixon W. (1994). Democracy and the peaceful settlement of international conflict. *American Political Science Review*. Vol. 88. No. 1. P. 14–32. doi:10.2307/2944879
- Dixon W., Senese P. (2002). Democracy, Disputes, and Negotiated Settlements. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 46. No. 4. P. 547–571. <https://doi.org/10.1177/0022002702046004004>
- Ellis G., Mitchell S., Prins B. (2010). How Democracies Keep the Peace: Contextual Factors that Influence Conflict Management Strategies. *Foreign Policy Analysis*. Vol. 6. No. 4. P. 373–398. <https://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2010.00118.x>
- Fang S., Johnson J., Leeds B. (2014). To Concede or to Resist? The Restraining Effect of Military Alliances. *International Organization*. Vol. 68. No. 4. P. 775–809. <https://doi.org/10.1017/S0020818314000137>
- Fearon J. D. (1995). Rationalist Explanations for War. *International Organization*. Vol. 49. No. 3. P. 379–414. doi:10.1017/S0020818300033324
- Fenenko A.V. (2018). Statistika protiv istorii. (Razmyshleniya o kolichestvennykh metodakh v mezhdunarodnykh issledovaniyakh [Statistics versus history. (Reflections on quantitative methods in international research)]. *Mezhdunarodnyye processy*. No. 3. P. 56–83. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.3.54.3>

- Gibler D. (2008). *International Military Alliances, 1648–2008*. Washington, D.C.: CQ Press. 1001 p.
- Goertz G., Diehl P. (2002). *Territorial Changes and international conflict*. London; New York: Routledge. 192 p.
- Goldstein J. (2004). *The Real Price of War: How You Pay for the War on Terror*. New York: New York University Press. 232 p.
- Hensel P. (2001). Contentious Issues and World Politics: The Management of Territorial Claims in the Americas, 1816–1992. *International Studies Quarterly*. Vol. 45. No. 1. P. 81–109. <https://doi.org/10.1111/0020-8833.00183>
- Istomin I.A. (2017). Sovremennaya zapadnaya teoriya voenno-politicheskikh al'yansov: dostizheniya i lakuny [Modern Western theory of military-political alliances: achievements and gaps]. *Mezhdunarodnye processy*. No. 4. P. 93–114. DOI 10.17994/IT.2017.15.4.51.6
- Istomin I.A., Baykov A.A. (2020). Al'yansy na sluzhbe gegemonii: dekonstruktsiya instrumentariya voenno-politicheskogo dominirovaniya [Alliances in the service of hegemony: deconstruction of the tools of military-political domination]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 8–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.02>
- Kazun A. D. (2017). Effekt «rally around the flag». Kak i pochemu rastyot podderzhka vlasti vo vremya tragediy i mezhdunarodnykh konfliktov? [The "rally around the flag" effect. How and why is support for the government growing during tragedies and international conflicts?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 1. P. 136–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.12>
- Kim H., Woo J., Lee J. (2020). What Is the Relationship Between Alliance and Militarized Conflict? Analysis of Reciprocal Causation. *Armed Forces & Society*. Vol. 46. No. 4. P. 539–563. <https://doi.org/10.1177/0095327X18819253>
- Kozer L. (2000). *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [Functions of social conflict]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi: Ideya-press. 295 p.
- Krivokapich B.D. (2020). *Mirnoye razresheniye mezhdunarodnykh sporov* [Peaceful settlement of international disputes]. Samara: Izd-vo Samarskogo universiteta. 592 p.
- Landman T. (2005) The Political Science of Human Rights. *British Journal of Political Science*. Vol. 35. No. 3. P. 549–572. doi:10.1017/S0007123405000293
- Leeds B. (2015). Why Do States Sign Alliances? In: R. A. Scott, S. M. Kosslyn, M. C. Buchmann (eds) *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource*. Stanford: Center for Advanced Studies in the Behavioral Sciences. <https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0387>
- Levy J. (1988). Domestic politics and war. *The Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 18. No. 4. P. 653–673.
- Long A., Nordstrom T., Baek K. (2007). Allying for Peace: Treaty Obligations and Conflict between Allies. *The Journal of Politics*. Vol. 69. No. 4. P. 1103–1117. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2007.00611.x>
- Mel'vil' A.Ju., Mal'gin A.V., Mironjuk M.G., Stukal D.K. (2023). Jempiricheskie vyzovy i metodologicheskie podhody v sravnitel'noj politologii (skvoz' prizmu "Politicheskogo atlasa sovremennogo mira 2.0") [Empirical challenges and methodological approaches in comparative political science (through the prism of the "Political Atlas of the Modern World 2.0")]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 153–171. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.10>
- Mikhaylova E. V. (2023). Sposoby i formy razresheniya mezhgosudarstvennykh sporov [Methods and forms of resolving interstate disputes]. *Gosudarstvo i pravo*. No. 3. P. 128–137. <https://doi.org/10.31857/S102694520024819-1>
- Mitchell S., Hensel P. R. (2007). International institutions and compliance with agreements. *American Journal of Political Science*. Vol. 51. No. 4. P. 721–737. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00277.x>
- Mitchell S., Powell E. (2009). Legal Systems and Variance in the Design of Commitments to the International Court of Justice. *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 26. No. 2. P. 164–190. <https://doi.org/10.1177/0738894208101128>
- Mitchell S., Prins B. (1999). Beyond Territorial Contiguity: Issues at Stake in Democratic Militarized Interstate Disputes. *International Studies Quarterly*. Vol. 43. No. 1. P. 69–183.
- Mukhametov R. S. (2010). Instrumenty vneshney politiki Rossii: suschnost' i formy realizatsii [Instruments of Russia's foreign policy: the essence and forms of implementation]. *Ars Administrandi*. No. 2. P. 133–139.
- Mukhametov R. S. (2022). Mezhdunarodnye determinanty populyarnosti prezidenta Rossii. Imeet li znachenie effekt «splocheniya vokrug flaga»? [International determinants of the popularity of the President of Russia. Does the effect of "rallying around the flag" matter?]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 20. No. 3. P. 80–94. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.3.70.6>

- Mustafina V., Maltsev A. (2023). Voennaya sila gosudarstva-posrednika i uregulirovaniye vooruzhjonnykh konfliktov [The military power of the intermediary State and the settlement of armed conflicts]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 21. No. 4. P. 6–40. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.4.75.8>
- Powell E.J., Mitchell S. (2007). The International Court of Justice and the world's three legal systems. *Journal of Politics*. Vol. 69. No. 2. P. 397–415. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2007.00539.x
- Raymond G. (1994). Democracies, disputes, and third party intermediaries. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 38. No. 1. P. 24–42. <https://doi.org/10.1177/0022002794038001002>
- Renshon J. (2017). *Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics*. Princeton: Princeton University Press. 328 p.
- Simmons B. (1999). See you in “court”? The appeal to quasi-judicial legal processes in the settlement of territorial disputes. In: P. F. Diehl (ed.) *A Roadmap to War: Territorial Dimensions of International Conflict*. Nashville, TN: Vanderbilt University Press. P. 205–237.
- Timofeev I.N. (2010). Formalizovannyye metody issledovaniya v politologii i sravnitel'noj politike: perspektivy politologicheskoy shkoly MGIMO [Formalized research methods in political Science and comparative Politics: perspectives of the MGIMO School of Political Science]. *Sravnitel'naya politika*. No. 1. P. 121–129.
- Vasquez J., Valeriano B. (2009). Territory as a Source of Conflict and a Road to Peace. *Handbook of Conflict Resolution*. Sage Publications. P. 193–209. <https://doi.org/10.4135/9780857024701.n10>
- Weitsman P. (2013). *Waging War: Alliances, Coalitions, and Institutions of Interstate Violence*. Stanford: Stanford University Press. 304 p.

CHINA'S AGRICULTURAL ENGAGEMENT IN THE RUSSIAN FAR EAST

FOOD SECURITY AND GEOPOLITICAL IMPLICATIONS

IVAN ZUENKO

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

This article examines Chinese agribusiness activity in the Russian Far East in the context of food security in China and Russia following COVID-19 (2020) and the Ukrain Crisis (2022), both of which disrupted global food supply chains, particularly for corn, soy, and grain. After Russia's Special Military Operation in Ukraine, China resumed food imports from the U.S. to offset the loss of Ukrainian supplies, while demand for Russian agricultural products surged in China, the Middle East, and Central Asia. The Russian Far East, with its geographic proximity and logistical advantages, gained strategic importance in this context. Drawing on field research conducted in Primorsky Krai, Amur Oblast, and the Jewish Autonomous Oblast (2014–2019, 2022–2023), this study assesses the risks and opportunities of Chinese agribusiness in the region for Russia. Findings indicate that production capacity and infrastructure limitations prevent the Russian Far East from fully substituting for Ukrainian corn or American soy in the Chinese market. However, the region's advantages—shorter supply routes and favorable conditions for GMO-free soybeans and rice—reinforce its role in China's premium food supply. For Russia, growing Chinese demand for crops supports regional economic development, though investment in dairy and meat industries remains crucial for national food security. Given China's strategic focus on food security, agricultural cooperation enhances cross-border economic ties and fosters deeper collaboration between Russian and Chinese agribusinesses, ultimately strengthening bilateral economic relations and regional prosperity in the Russian Far East.

Keywords:

Russia; China; Russian Far East; food security; Chinese farmers; food supply chains; agriculture; Chinese market

Introduction: Research Design and Methods

According to the report by the UN Food and Agriculture Organization¹, food insecurity

and climate change are, more than ever, the two major global challenges humanity is facing, and climate change is increasingly per-

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID:075-15-2022-327).

¹ Moiseley B. Food insecurity and climate change are the two major global challenges humanity is facing // CFC High-level Panel of Experts. 01.12.2022. URL: <https://www.fao.org/cfs/cfs-hlpe/insights/news-insights/news-detail/food-insecurity-and-climate-change-are-the-two-major-global-challenges-humanity-is-facing/en> (accessed: 01.02.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2024

Дата принятия к публикации: 24.02.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: i.zuenko@inno.mgimo.ru

ceived as one of the greatest challenges for food security². However, international processes also impact food security. China serves as a notable example. Since 2018, the country has faced disruptions in trade flows essential for its food security due to the trade war with the United States, which has adversely affected its agricultural imports [Zhang Hongzhou 2020]. Since 2022, following the onset of the hostilities in Ukraine, China has also experienced disruptions in the supply of certain types of agricultural products, primarily corn, from regions affected by military actions. These developments highlight that food security is an integral aspect of international processes and can be effectively analyzed within the framework of International Relations.

Russia-China economic relations are oftentimes analyzed in terms of energy trade. However, agricultural trade also plays a significant role in bilateral relations, a topic extensively covered in the literature [Aleksandrova 2017; Makarov 2017; Rau 2018]³. Scholars typically examine whether Russia can meet China's agricultural demands and whether the expansion of trade with China poses risks to Russia's own food security.

Another dimension of research focuses on the activities of Chinese farmers and agricultural enterprises in Russia, primarily explored through anthropological studies [Ryzhova 2014; Humphrey 2018; Koreshkova 2021; Ivanov 2023]. Scholars examining these issues typically focus on the activities of the Chinese farmers in Russia, but devote less attention to their contribution to food security and local development [except for Zhou 2016]⁴. Given

this, the author aims to integrate both approaches by examining the activities of Chinese farmers in Russia, particularly in the Russian Far East. By analyzing current trends, this study explores their impact on food supply in both countries.

The research question is as follows: *how have recent trends in the international and domestic policies of Russia and China influenced the activities of Chinese farmers in Russia and the food security of both countries?* The answer to this question is particularly relevant from a practical perspective, as it can inform the development of long-term socio-economic programs for the region. In this context, special attention is accorded to the historical dimension, which provides a comprehensive analysis of Chinese farmers in Russia while preserving the crucial contextual background.

In order to collect information on this topic in 2022 – 2023, the author undertook two field trips to the Russian Far East (the Jewish Autonomous Region: Leninsky and Smidovichsky Districts in 2022 and Primorsky Krai: Pogranichny, Khankaysky, Chuguevsky and Khasansky Districts, and Amur Oblast: Blagoveshchensky region in 2023). The results were triangulated with field trips to various regions of the southern Far East carried out earlier (in 2014 in the Jewish Autonomous Region and Primorsky Krai, 2017 in the same place, 2019 in Primorsky and Khabarovsk Krai, the results of which are published in [Zuenko 2015; Zuenko, Sonin 2017; Zuenko et al. 2019]). The field research employed participant observation methods and semi-structured interviews with key market participants, including

² In this article, the author defines food security as the state of the economy of a country in which citizens have physical, economic and social access to sufficient quantities of safe and nutritious food products necessary for an active and healthy life and corresponding to their usual diet. Understanding the characteristics of food security in China is based mainly on the works of Russian researcher Lyudmila Boni [2022; 2024]. The provisions of the official doctrine of food security of the Russian Federation were also taken into account (approved by the President of Russia in 2010): <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document108/> (accessed: 01.02.2025).

³ Kortunov A. Significance of China-Russia Food Security Cooperation Goes Beyond Bilateral // Russian International Affairs Council. 24.10.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/significance-of-china-russia-food-security-cooperation-goes-beyond-bilateral/> (accessed: 01.02.2025).

⁴ Donellon-May G., Zhang Hongzhou. The Sino-Russian Land Grain Corridor and China's Quest for Food Security // Asia Society Policy Institute. 08.05.2024. URL: <https://asiasociety.org/policy-institute/sino-russian-land-grain-corridor-and-chinas-quest-food-security> (accessed: 01.02.2025).

employees of Chinese corporations COFCO and Beidaihe, as well as officials from rural administrations in Primorsky Krai and the Jewish Autonomous Region competent enough to provide reliable information about the situation in the area. A total of 12 interviews were conducted in July–August 2023 and September–October 2024 (the names of the informants are not disclosed by agreement with them)⁵.

Also, materials of the author's previous research projects on agriculture in the Far East written in collaboration with an international group of researchers from China, Russia and Poland were actively used in the work on the article, including Fu Yijin et al [2020a, 2020b], Gudaj et al. [2020a, 2020b].

To examine the situation of Chinese farmers in the Russian Far East, the author utilized both published and unpublished materials. Published sources included data from official government reports and media outlets, with only the most authoritative and verified sources selected by the author, who lived and worked in the region for an extended period and, in some cases, personally advised journalists⁶. Unpublished materials (not 'for internal use'), such as reports from the Primorsky Krai administration and the "Far East Development Corporation," were obtained through interviews with officials from these institutions.

The research follows a structured approach to addressing the outlined objectives. First, it examines food security in China and Russia's role in ensuring it. Next, it analyzes the presence of Chinese farmers in the Russian Far East, adding a historical perspective to contextualize the challenges they face. A comparative analysis of Russian and Chinese perspectives on the contribution of these farmers to the food security of both countries follows, identifying key trends shaping their activities. The study then concludes with an assessment of how

these trends impact both Chinese farming in the region and broader food security dynamics.

Given the compact format of the research article, the comprehensive discussion of all relevant aspects of Chinese farmers in the Far East, as well as comparative insights from other regions, is beyond scope. In this regard, we refer readers to consult other studies that analyze theoretical approaches to the study of Chinese land use [Ryzhova 2014], the impact of Chinese farmers on migration processes [Ivanov 2014], agricultural trade between Russia and China [Zuenko 2024], and Chinese local administrations' attitudes toward farmers operating in Russia [Cui Xueqin 2010; Cui Yong 2013]. Additionally, comparative perspectives on Chinese agricultural expansion in other regions can be found in [Brautigam, Xiaoyang 2009; Brautigam, Stensrud 2012; Lagerkvist 2014]⁷.

Food Security in China

China is the world largest producer and consumer of agricultural products. And while the country has achieved significant economic success, the food culture of its population has been changing rapidly over the past few decades. People are consuming increasing amounts of animal-based products, primarily meats, while the proportion of dairy products in the everyday diet of Chinese people has also risen significantly [Boni 2022: 80]. Crop products, which have been the foundation of the Chinese diet for centuries, remain in high demand, with rising quality standards [Fukase 2015].

As a result, China has become the dominant player on the global agricultural market. It accounts for 90% of agricultural production in East Asia, including nearly all corn, 90% of rice, and 80% of wheat produced in the subregion. China also leads the region in fish pro-

⁵ The study was designed and conducted in line with established best practices. Following methodological guidelines, participants were clearly briefed on the research objectives and how their qualitative data would be processed and managed. Information fact-checking procedures were conducted afterwards.

⁶ Zakharov A., Napalkova A. Why Chinese Farmers Have Crossed Boarder Into Russia's Far East // BBC News. 01.11.2019. <https://www.bbc.com/news/world-europe-50185006> (accessed: 01.02.2025).

⁷ Nunez Salas M. China's Investments and Land Use in Latin America. Miami: MIU Press. 2022. 30 p. URL: https://digitalcommons.fiu.edu/jgi_research/49 (accessed: 01.02.2025).

duction (90%), pork (56%), and poultry (28%) [Bulatov 2023: 82]. However, despite its vast production capability, China remains one of the world's largest net food importers, importing significant quantities of products in which it is the global leader (rice, wheat), or a top producer (corn).

Beijing views this situation as a challenge. The 2019 white paper "Food Security in China" set a target of 95% of rice, wheat and corn consumption through domestic production [Boni 2022: 81]. The goal of achieving food self-sufficiency was reiterated in the "No. 1 Central Document" for 2024 – the first guideline of the year issued by the Central Committee of the Communist Party of China and the State Council. The document, which traditionally focuses on agricultural and rural development, specifically underscored the importance of soybean and other oil crops production for 2024.

Still, several obstacles hinder the achievement of this goal. First, there is a shortage of cropland available for expanding production. The rapid growth of initiatives aimed at improving public welfare has further reduced agricultural land, as former rural areas are increasingly converted into residential developments and industrial facilities. As a result, despite having the world's largest population – approximately 20% of the global total – China has access to only 7% of the world's cropland [Wang Haoran et al. 2024].

Second, Chinese agriculture faces significant challenges due to climate change, water shortages, and the dewatering of formerly fertile areas. Third, the net cost of food production in China continues to rise, driven by increasing wages and related expenses, such as fertilizers, POL (petroleum, oil and lubricants), and equipment. In contrast, many countries experience either declining production costs or slower cost growth. As a result, without government support, Chinese farmers would operate at a loss and struggle to compete with foreign suppliers. To implement its food inde-

pendence policy, the government has expanded agricultural financing while introducing tariff rate quotas on crops.

While China has nearly exhausted all avenues for significantly increasing agricultural production, external crises have further exacerbated this situation.

China's food security suffered a significant blow due to a trade war initiated by the United States in 2018. In response to President Donald Trump's sharp tariff increases on Chinese imports, Beijing imposed retaliatory tariffs on 659 items produced in the United States, including soybeans and other essential agricultural goods. This disrupted established trade flows, wreaking havoc in global markets and forcing existing supply chains to regroup.

Beyond trade conflicts, China's food security has also been affected by epidemic outbreaks in industrial farming, such as the 2018–2019 African swine fever epidemic, which led to pork shortages. Additionally, a rising number of droughts and natural disasters continue to pose ongoing challenges. The COVID-19 pandemic further strained China's agricultural sector by paralyzing global trade – most notably the shipping industry – leading to disruptions in fertilizers, animal feed, and food disruption for two consecutive years.

In response, China intensified its efforts to secure food supplies, which involved stockpiling food products in massive reserves. In 2021, China accounted for half of all the food products purchased globally. According to the U.S. Department of Agriculture, in 2022, China's state-managed food reserves held 69% of the world's corn reserves, 60% of its rice, and 51% of its wheat⁸.

Among Chinese crop fields, the Northeast China Plain, which borders Russia, is considered nation's breadbasket. In 2023, grain and oil crop production in Heilongjiang province – the eastern region with the longest Russia – China border – was estimated at 77.8 million tons (11.2% of China's total production), with cultivated area of 14.7 million hectares (12.4%

⁸ Donellon-May G., Zhang Hongzhou. What Do We Really Know About China's Food Security? // The Diplomat. 07.02.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/02/what-do-we-really-know-about-chinas-food-security/> (accessed: 01.02.2025).

of the country total), making it the country's leader in both indicators⁹. Major crops in the region include corn, soy, and rice.

Northeast China is also home to key processing facilities for agricultural raw materials, particularly non-genetically modified soybeans. This makes the region one of the most active in seeking agricultural cooperation with Russia. At the same time, significant volumes of Russian agricultural products are shipped by sea to ports of eastern and southern China. While Russia's overall contribution to China's food security remains moderate, it is nonetheless noteworthy.

Russia's Contribution to Food Security in China

Since 2016, Russia has been the leading grain exporter in the world. According to Russian Federal State Statistics Service, in 2023, the Russian grain harvest amounted to 142.6 million tons, including 92.8 million tons of wheat (more than 10% of the total global production), and the country exported more than 80 million tons (over 28% of global exports)¹⁰. In 2023–2024, the total output of Russian agricultural enterprises was estimated at approximately 18 million tons of barley (about 12% of global production) and 13 million tons of corn (about 1% of global production). However, it is worth noting that many countries allow their farmers to grow higher yield genetically modified (GM) corn, which is not the case for Russia. The latter exported 4.5 million tons of barley (approximately 14% of global exports) and 5.3 million tons of corn (2.8% of global exports)¹¹.

At present, Russia exports wheat to over 100 countries. Ten Middle Eastern nations account for approximately one-third of Russia's exports; six North African nations make up

20% of its exports; three South Asian countries account for another 20%; and Central Asian countries receive approximately 7.5%. Other regions each import less than 5% of Russia's wheat exports. The top ten importers are Turkey, Iran, Egypt, Kazakhstan, Saudi Arabia, Azerbaijan, Nigeria, Syria, Sudan, and Libya¹².

As we can see, China is not among the major importers of Russian grain. This can be attributed to differences in consumer preferences. Russia primarily produces wheat, which is in high demand in the Middle East and the Maghreb states. However, China is more interested in soybeans and corn, mainly grown in Russia's Far East.

When speaking about the Russian Far East, it is essential to consider its location and fundamental characteristics. According to the Russian government's definition, the Russian Far East (Far Eastern Federal District) consists of eleven federal subjects: three krais, two republics, four oblasts, one autonomous oblast, and one autonomous district. It encompasses all of Russia's eastern territories, stretching from Lake Baikal in Eastern Siberia to the Pacific Ocean, and shares land borders with China, Mongolia, and North Korea.

As a remote region, the Russian Far East has always been highly dependent on the central government subsidies and on other parts of the country for consumer goods – including agricultural products. It has never been particularly food self-sufficient, and fresh produce became even more valuable in the region after the collapse of the Soviet Union.

The Russian Far East has a population of approximately 8 million people and covers an area of 6.95 million square kilometers, resulting in population density of just over one person per square kilometer, making it one of the

⁹ China's largest grain-producing province sees bumper harvest this year // PRC State Council Information Office. 12.12.2023. URL: http://english.scio.gov.cn/pressroom/2023-12/12/content_116873340.htm (accessed: 01.02.2025).

¹⁰ Results of Imports and Exports of Agricultural Products in the Russian Federation for 2023 // GrainRus. URL: <https://grainrus.com/en/news/articles/results-of-imports-and-exports-of-agricultural-products-in-the-russian-federation-for-2023/> (accessed: 01.02.2025).

¹¹ Reidy S. Focus on Russia // World-grain. 21.10.2024. URL: <https://www.world-grain.com/articles/20608-focus-on-russia> (accessed: 01.02.2025).

¹² Calculated according to the Observatory of Economic Complexity (OEC). URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/wheat/reporter/rus> (accessed: 01.02.2025).

most sparsely populated regions in the world. Most of its territory consists of taiga, tundra, and polar areas, rendering agriculture impractical in many regions. The main agricultural zones are located in the southern part of the Far Eastern Federal District, where the majority of the population and infrastructure are concentrated. The two most significant crop-producing areas are the Suifen-Khanka meadows in Primorsky Krai and the Zeya-Bureya Plains in Amur Oblast. These regions have optimal conditions for cultivating soybeans, rice, corn, and runner beans, closely resembling the agricultural environment of the Northeast China Plain. Additionally, they provide good access to animal feed, making them suitable for cattle and pig farming.

However, due to the region's short growing season and underdeveloped supply chains, there remains a constant unmet demand for fresh fruit and vegetables in the Russian Far East. As a result, these products are imported for most of the year, primarily from China and Central Asia.

For decades, Chinese companies have steadily expanded their investments in foreign agricultural and food assets. Their primary aims are to generate profits for Chinese investors while ensuring national food security. China's foreign direct investment (FDI) in agriculture is concentrated in developing countries across Asia, along with select developed nations, including Singapore, New Zealand, the United States, and Australia. The sparsely populated Russian Far East (Russian Far East), which shares an extensive border with China, is considered as one of Beijing's key "targets" for investment in agriculture.

Rise of 'Chinese Farmers in Russia' Phenomenon

In the early 1990s, Chinese farms and greenhouses began to appear in the countryside and near urban centers of the Russian Far

East, along the increasingly liberalized border with China. Chinese workers were first hired by state and collective farms to compensate for the local labor shortage¹³, while Soviet enterprises in other sectors of the economy historically hired workers from Vietnam and North Korea. Chinese workers soon began leasing plots of farmland, where they cultivated vegetables, mostly for the local market. This was made possible by China's rapid population growth, the low cost of hiring Chinese workers, and the fact that Russian government was more lenient in economic regulation at the time, especially in the peripheral parts of the Russian Federation. Chinese workers played a crucial role in sustaining the local agricultural sector during that time. As profits increased, word-of-mouth and active corporate recruitment expanded in China, setting off a chain of migration and a so-called farming rush for Russian land, as reported by Chinese media outlets [Zhou Jiayi 2016].

Furthermore, Chinese businesses, which generated substantial profits from cross-border trade in the border areas of Heilongjiang and Jilin provinces, began investing in agriculture in the border areas of the Russian Far East. These investments were often based on personal ties between Chinese and Russian partners, forged through mutual cross-border trade. Therefore, most success stories of Chinese agrarian entrepreneurship originated in the 1990s, and since then, no other group has rivaled the success of businessmen from small border towns in Heilongjiang – specifically Dongning County and Heihe City¹⁴.

One such success story is the company Armada, which, according to one local official, spread "like an octopus spreads its tentacles up and down the territory of Primorsky Krai." Armada is part of the Chinese Huaxin Corporation, which is based in Dongning, and has now expanded its business beyond agriculture into real estate development in Vladivostok and

¹³ In 1988, the Suifenhe Municipal Government signed the first contract for vegetable cultivation with Baranovsky State Farm (Barano-Orenburgskoye village in Pogranichny municipal district) in Primorsky Krai.

¹⁴ Dongning duie nongye kaifa quanguo lingxian [Dongning is the National Leader of Development of Agricultural Cooperation with Russia.] // Heilongjiang Jishi, 31.12.2013. URL: http://hlj.ce.cn/sy/gd/201312/31/t20131231_1283433.shtml (accessed: 01.02.2025).

Ussuriysk. At the height of its operations in 2013, the company had seven branch offices in Primorsky Krai, and its farmlands covered an area of approximately 40,000 hectares (around 10% of all croplands in Primorsky Krai at that time). An example of a local leading agribusiness in a less economically developed area is the company Urmi from Smidovichsky District in the Jewish Autonomous Oblast. It is registered as a limited liability company, with 100% foreign capital and is owned by the Chinese national Lü Qingwen from Jiamusi City in Heilongjiang province. The company has operated in Russia since the early 2000s, and has become one of the region's largest soybean producers. It leases approximately 3,000 hectares of land from Russian farmers for soybean cultivation¹⁵.

After 2014, with the weakening of the Russian ruble (which made Russian products cheaper for Chinese customers), cross-border agriculture became highly attractive for large-scale Russian agribusinesses, which began investing heavily in agricultural production in the Russian Far East with a view of accessing the Chinese market. The largest of these new players is the Rusagro Group, a major Russian agribusiness conglomerate. In recent years, Rusagro has aggressively expanded into the regional market by purchasing land and leasing plots at higher-than-average rates. As a result, landowners who had previously rented their land to Armada at lower rates shifted their business to Rusagro. This led to Armada losing its land leases and eventually exiting the agricultural sector.

This marked a turning point in the presence of Chinese agrarian capital in the region. Whereas in the past, individual farmers and small Chinese-owned companies dominated the sector, the most influential player from China today is the state-owned COFCO Cor-

poration. It opened an office in Vladivostok and announced plans to build infrastructure for the storage and transportation of crops – but not for cultivation. It has since become a major purchaser of agricultural products from the Russian Far East for the Chinese market¹⁶.

Primorsky Krai and Amur Oblast are the leading regions in agricultural production in the Russian Far East, yet the nature of Chinese involvement varies. In the early 2000s, approximately 25% of Primorye's croplands were cultivated by Chinese- and Korean-owned businesses, but the situation changed significantly in 2014–2019 due to the arrival of large-scale Russian agribusinesses, and the devaluation of the Russian ruble [Zuenko et al. 2019]. In 2019, for example, around 66,700 hectares of croplands (14% of the total) were cultivated by companies with Chinese capital, primarily for soybeans production¹⁷. Chinese involvement in pig farming has also declined. However, Chinese farmers remain dominant in vegetable and rice production due to their specialized expertise and willingness to engage in this labor-intensive and low-profit sector.

In Amur Oblast, the situation differs due to the historical protectionism of local elites towards domestic producers, and the elimination of foreign labor quotas, which were reduced to zero from 2010 onwards. When hiring Chinese became legally impossible, Chinese companies showed little interest in operating locally or competing with regional producers. At present, Chinese entrepreneurs operate in Amur Oblast, but exclusively as buyers of soybeans crops¹⁸.

However, Primorsky Krai and Amur Oblast are the most developed and densely populated areas of the Russian Far East, both with a small but stable labor force reserve. In contrast, the situation in the neighboring Jewish Autonomous Oblast is markedly different, character-

¹⁵ Interview data from an informant in the agricultural sector (2023).

¹⁶ Interview data from an informant in the agricultural sector, Russian citizen hired in Chinese company (2023).

¹⁷ Zakharov A., Napalkova A. Why Chinese Farmers Have Crossed Boarder Into Russia's Far East // BBCNews. 01.11.2019. <https://www.bbc.com/news/world-europe-50185006> (accessed: 01.02.2025).

¹⁸ However, according to conclusions of BBC journalists Andrei Zakharov and Anastasia Napalkova, companies with Chinese capital in agriculture of Amur Oblast cultivate approximately 118,000 hectgares (9% of all croplands).

ized by a severe labor shortage, compounded by harsh climatic conditions, and terrain largely unsustainable for agriculture. As a result, large-scale Russian companies are absent in the oblast, while Chinese capital and labor forces dominate.

According to official statistics, the total area of croplands leased by Chinese farmers increased from 27,000 hectares in 2014 to 59,000 hectares in 2019, accounting for 36.5% of all croplands in the Jewish Autonomous Oblast, primarily used for soybeans production¹⁹. At the same time, croplands of a comparable or even larger size are cultivated unofficially by the Chinese via the practice of informal sub-leasing of land. Russian landowners formally register as farm operators but, in reality, lease their land to Chinese farmers, merely collecting rent while exerting no real control over their “subordinates.” According to a speech by the former Governor of the Jewish Autonomous Oblast Alexander Levintal, Chinese businesses control (or, at least, controlled in the recent past) approximately 80% of all croplands in the Jewish Autonomous Oblast²⁰.

Agriculture in other regions of the Russian Far East remains underdeveloped due to specific climatic conditions and challenging terrain. In Khabarovsk Krai, despite ambitious plans to foster pig farming and crop farming with the involvement of Chinese capital²¹, few Chinese entrepreneurs have shown sufficient interest in making investments.

Soy is the most profitable crop in the Russian Far East, and due to the stable demand from local manufacturers (from soybean sauce,

tofu, mayonnaise, soybean additives to sausage and other meat products) there is little necessity for exports²². However, customs statistics indicate that most soybean crops from the Far East are exported to China [Zuenko 2024]. Vegetables cultivation near major cities (Vladivostok, Khabarovsk, Blagoveshchensk, Birobidzhan, Ussuriysk, etc.) is also profitable, though these crops primarily serve local markets.

Almost all interviewed experts agree that dairy and livestock breeding in the specific climatic and demographic conditions of the Russian Far East is not particularly profitable or requires substantial investment. Nonetheless, several Chinese-owned pig-breeding farms operate in Primorsky Krai, with some facilities housing between 6,500 and 10,000 pigs. Prospects for cattle and pig farming are tied to the potential lifting of Chinese related exports embargo. In 2019, the embargo on milk exports was lifted, and during the Eastern Economic Forum, ambitious plans were announced to build a large-scale cattle farm in Khorolsky District of Primorsky Krai to supply the Chinese dairy manufacturer Mengniu in Heilongjiang Province²³. However, the primary Chinese investor, Zhongding Dairy, had previously announced similar plans, which never translated into concrete agreements²⁴.

Chinese farmers sell their products both in China and in local markets. Based on previous research on Chinese investment in overseas agriculture, particularly the work of Brautigam and Stensrud (2012), there is insufficient evidence to suggest that Chinese companies in the Russian Far East operate primarily to ensure

¹⁹ 89,900 hectares, according to estimates by Zakharov and Napalkova.

²⁰ Levintal: Kitaytsy kontroliruyut 80% sel'hozugodiy EAO [Levintal: Chinese Control 80% of Croplands of Jewish Autonomous Region] // EAOMedia. 22.06.2015. URL: <https://eaomedia.ru/news/445017/?from=35> (accessed: 01.02.2025).

²¹ Rudenko Y. Kitayskaya ekspansiya: rayon Lazo riskuet stat' Chayna-taunom [Chinese Expansion: Lazo Rayon Is in Peril of becoming a Chinatown] // DVHAB.RU. 08.05.2018. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2018/05/08/82520> (accessed: 01.02.2025).

²² Interview data from an informant in the agricultural sector (2023).

²³ Diatlovskaya E. Agroholding Vladimira Evtushenkova i kitayskaya Mengniu vlozhat 45 mlrd rubley v molochnye fermy [Agroholding of Vladimir Evtushenkov and Chinese Mengniu Corporation to invest 45 Bln Rubles in Dairy Farms] // AGROInvestor. 03.09.2019. URL: <https://www.agroinvestor.ru/companies/news/32345-afk-sistema-i-mengniu-dairy/> (accessed: 01.02.2025).

²⁴ Ivanova D. Kitayskie investory namereny razvivat' molochnoe zhivotnovodstvo v Primor'e [Chinese Investors Intend To Develop Dairy Farming In Primorye] // Primorsky Krai Government Official Website. 19.12.2017. URL: <https://primorsky.ru/news/137796/?type=special> (accessed: 01.02.2025).

China's national food security. Instead, their activities appear to be driven mostly by commercial interests. Moreover, available data indicate that Chinese involvement in the region's agricultural sector has been gradually declining. Earlier the rise of Chinese farmers in the Russian Far East, beginning in the 1990s, was driven by labor shortages, cross-border trade ties, and lenient regulations, leading to significant Chinese dominance in vegetable and soybean cultivation. However, the landscape shifted after 2014 due to the ruble's depreciation, the entry of large Russian agribusinesses, and stricter labor policies, reducing Chinese agrarian influence in regions like Primorsky Krai and Amur Oblast. While Chinese capital remains strong in labor-scarce areas like the Jewish Autonomous Oblast — where informal leasing practices persist — overall engagement has declined, with state-owned COFCO now focusing on trade rather than cultivation. Despite early successes, Chinese agricultural involvement in the region appears to be receding, with profitability and market dynamics favoring Russian producers and export-oriented operations rather than large-scale Chinese farming expansion.

Challenges for Chinese Agriculture Business and Ways to Resolve Them

Since the early 1990s, three main factors have driven the competitiveness of Chinese agricultural businesses in the Russian Far East: 1) access to a Chinese labor force; 2) proximity to the vast Chinese markets; and 3) availability of low-interest loans from Chinese banks.

The key to the success of Chinese agricultural businesses appears to lie in state support, at least according to the strong belief among the experts interviewed. This support is provided through access to low-interest loans from banks in China, as well as the possibility of direct financial assistance from the Chinese government. The conceptual framework for financing Chinese companies investing abroad was established under the “Going Out” policy

adopted in China in the early 2000s. Agricultural investments abroad were designated as a high priority by the Chinese state. For instance, according to Chinese media sources, Xinyu from Mudanjiang (Heilongjiang province) claimed to have received 120 million renminbi (approximately \$16.7 million) in 2013 and 270 million renminbi (approximately \$30.7 million) in 2014 in financial support for its “Novaya Druzhba” (“New Friendship”) project in Khorolsky District, Primorsky Krai²⁵. These are substantial figures. However, most of this investment seemingly vanished without ever materializing into a large-scale agricultural enterprise in Russia.

However, it is misleading to regard Chinese agricultural companies as a homogenous entity. As Zhou Jiayi has noted, Chinese agricultural businesses in the Russian Far East operate in four distinct forms: 1) individuals migrating to Russia as farm workers and wage laborers, hired by Chinese agencies or intermediaries, with no evidence of state support for this type of migration; 2) “family farms” — a term that, according to Zhou, does not refer to family-based labor but rather to modern, professional, and entrepreneurial farms of moderate to large-scale that have become targets for state support [Zhou Jiayi 2016]; 3) large-scale enterprises (i.e. Huaxin-Armada) which do not exclusively hire Chinese workers, but also employ locals and may have business interests in other industries; 4) and state-owned farms — for example, the state-owned Beidahuang Group, one of China's largest agribusiness companies (headquartered in Harbin), had opened nine branches in Russia, operating 28 farms, three “dragon head” enterprises, and over 30 projects, ranging from grain production and processing and livestock breeding to timber harvesting.

As Chinese agricultural businesses have evolved, subsidiaries of large-scale state-owned companies (e.g. COFCO) have emerged as industry leaders. Another notable trend is the gradual decrease in the use of Chinese labor,

²⁵ Lu Hongjie, *Guan Xianchang*. “Xin Youyi” dazao zhong’e nongye hezuo shengjiban [“New Friendship” Project Raises Level of Sino-Russian Cooperation in Agriculture] // Heilongjiang Daily. 06.07.2014. URL: https://www.gov.cn/govweb/xinwen/2014-07/06/content_2713129.htm (accessed: 01.02.2025).

which has been a strategic decision by major companies like COFCO, positioning themselves primarily as buyers and processors rather than producers. For smaller farms, however, this shift poses a competitive challenge²⁶.

The preference of Chinese companies to hire their compatriots is often attributed to their perceived “better working characteristics” – such as discipline and diligence – compared to Russian or post-Soviet Central Asian workers. Yet the actual reasons are economic. As Sergei Ivanov [2014] highlights, hiring Chinese workers is not necessarily cheaper – considering wages and recruitment-related expenses – but it is more convenient for employers since Chinese seasonal workers are willing to work overtime, endure poor living conditions, and do not expect social benefits or career advancement, making them a more flexible labor force from a business perspective. Moreover, hiring Chinese seasonal workers enables companies to operate without investing in production and social infrastructure. For instance, Chinese greenhouse farmers typically live in makeshift summer huts near workplaces, eliminating the need for companies to provide comfortable dormitories for workers and their families. This cost-cutting measures explain why even Russian farms continue to hire Chinese workers, despite the requirement to engage Chinese recruitment agents for their employment.

Reducing quotas for Chinese workers to zero, as in the case of Amur Oblast²⁷, will likely decrease the activity of Chinese agricultural enterprises, particularly small ones. However, local authorities in several regions are not able to afford such protectionist measures. For example, in the Jewish Autonomous Oblast there is no viable alternative to Chinese farmers and buyers of crops. Similarly, in Primorsky

Krai, the reduction of quotas to zero in 2020 posed a serious challenge for certain districts struggling to recruit local workers, such as Mayskoe and Oktyabrskoye villages in Khankaysky District. It also impacted certain spheres of agriculture where Chinese farmers comprise the majority of workforce, notably in greenhouse vegetables and rice production.

Furthermore, hiring workers from China has become increasingly difficult, not only due to the protectionist measures introduced by the Russian authorities, but also because of rising incomes in China and the decline in seasonal workers' wages in Russia, following the depreciation of the Russian ruble. For example, the average monthly salary for seasonal workers in planting was 25,000–30,000 rubles, equivalent to 5,000–6,000 renminbi (approximately \$730–870) before 2014, but by 2025, it had dropped to 2,000–2,500 renminbi (approximately \$280–330)²⁸. Local farmers offer Russian seasonal workers 700–1,200 rubles per day, which translates to a comparable monthly wage²⁹.

In practice, it is relatively straightforward for a villager who is a Russian citizen to secure employment in a city that offers a salary commensurate with their qualifications, such as car park attendant, shop attendant, or taxi driver. Due to this ease of access to such positions, farmers are reluctant to offer villagers permanent employment, opting instead to hire them only during planting and harvesting seasons³⁰. Consequently, it is not surprising that only the poorest and least skilled villagers agree to “seasonal” work in the fields. In contrast, Chinese agricultural workers, including seasonal laborers, are generally well-skilled, have experience of working in specific climates, and are modest in their daily lives. According to the experts interviewed, challenges in hiring foreign work-

²⁶ Interview data from an informant in the agricultural sector (2024).

²⁷ *Gvozdevskaya E.* Kakie otrasli Amurskoy oblasti ostanutsya bez migrantov i kak eto povliyaet na ekonomiku i rynek truda [Which sectors of the Amur Region will be left without migrants and how will this affect the economy and labor market] // *Amur Pravda*. 05.12.2024. URL: <https://ampravda.ru/2024/12/04/kakie-otrasli-amurskoj-oblasti-ostanutsya-bez-migrantov> (accessed: 01.02.2025).

²⁸ Interview data from an informant in the agricultural sector (2024).

²⁹ Interview data from an informant in the agricultural sector (2024).

³⁰ Of course, skilled workers such as machine operators, who earn 50,000–70,000 roubles, are excluded.

ers may hinder the region's agricultural development. However, this is a natural process, and companies must adapt by developing production and social infrastructure.

A salient concern for Chinese investors pertains to the limitation on the land-use rights of foreigners. Primarily, Article 15, paragraph 3 of the Land Code promulgates a prohibition on the possession of a land by foreign nationals and legal entities in border areas, as delineated in Presidential Decree No. 26 (2011). Second, Article 3 of the Federal law "On the Turnover of Agricultural Land" (2002) prevents foreign citizens, foreign legal entities, and Russian legal entities with predominant foreign participation in respect of this category of land. A new wave of restrictions was initiated in the second half of 2015, after the announcement of plans to rent large areas of land in Zabaykalsky Krai to Chinese investors for 49 years [Kulintsev et al. 2020]. In response, the Ministry of Agriculture of the Russian Federation has proposed amendments to the law "On Agricultural Land Transactions." These amendments include limitations on the maximum term of the lease of land by foreigners, which was set at 10 years (following deliberations, this period was extended to 15 years). Additionally, the proportion of land within a municipality that can be owned by a foreign entity was capped at 5%. Despite the absence of official promulgation of these initiatives, still the discourse surrounding these proposals has the potential to yield similar outcomes.

Amid these constraints, Chinese farmers have resorted to various informal practices to circumvent the restrictions. First, land can be allocated to Russian "figureheads": the Chinese farmer is officially registered as an employee, yet in reality he possesses the land through a "sublease" agreement, or he utilizes the land based on a verbal agreement with the landlord. According to interviews with farmers, most Chinese citizens work as seasonal workers only in the formal sense, and in reality, they sublease the land, using their Russian partners

only as an intermediary in their relations with the authorities³¹. Another variation of this scheme involves leasing land from a Russian citizen who has a personal relationship with the Chinese citizen, who, in reality, is the actual owner of the farm. Second, Chinese farmers may cultivate land without any legal basis, with local regulators in the know. These farmers may possess a fictitious lease contract, or indeed have no documents at all, having concluded an oral agreement with the land's administrative body³². Third, the land in question can be a land plot owned by multiple individuals, yet cultivated in practice and appropriated by Chinese citizens, *de facto*, with no legal basis. This practice became possible due to the restructuring of collective farms in the early 1990s, when former "collective property" was divided between villagers, and some areas were left empty due to the unwillingness of their owners to cultivate them (sometimes these "owners" are not even aware of their own "property"). However, this scenario is becoming less prevalent as the value of the land rises and its ownership is more clearly defined [Zuenko, Sonin 2017].

Besides, a considerable number of farms that are officially registered in the Russian Federation are, in practice, owned and managed by Chinese nationals. This phenomenon can be attributed to various factors, including the presence of Chinese individuals within the Russian Federation who are connected to Russian individuals through personal relationships or familial connections. Alternatively, Chinese citizens can acquire Russian citizenship and thus register their business in the conventional manner, while still managing their agricultural operations in a manner consistent with Chinese cultural practices.

Similar situations of informal land use by Chinese farmers have been documented in other countries. These occurrences stem from the disorder and ambiguity inherent in the agricultural sector of the host country, rather than from the deliberate actions of Chinese-

³¹ Interview data from an informant in the agricultural sector (2023).

³² Interview data from an informant in the agricultural sector (2023). This information was later confirmed by other oral reports obtained as a result of interviews.

owned firms [Lagerkvist 2014]. These informal practices enable Chinese farmers to utilize the land, yet they concomitantly engender adverse effects for the Chinese sector in general. This is a pivotal factor in comprehending the phenomenon. Official statistics become so unreliable that are no longer trusted, and there is a prevalent belief that Chinese farmers are expanding into the eastern regions of Russia. This fosters anti-Chinese sentiments and complicates the discourse on the merits and drawbacks of Chinese agricultural enterprises.

Russian Perspective: Balance Between Risks and Opportunities

As reflected in the media and, subsequently, in public opinion, the prevailing sentiment in Russia is one of opposition to the Chinese presence in local agriculture. A notable segment of the population, specifically local officials in municipalities, have expressed support for Chinese investors, citing their role as reliable contributors to the maintenance of local infrastructure. The interviewees further noted that Chinese farmers' involvement in agriculture is not limited to the provision of capital; they also bring technologies that have proven effective in enhancing agricultural productivity. This simple knowledge has already had a positive impact on Russian agriculture, which has been in a state of decline since the 1990s. For instance, in Smidovichsky District (Jewish Autonomous Oblast), the harvests of individual soy producers have increased significantly compared to the Soviet period. In the early 1990s, for example, a yield of 8 centner per hectare was common. However, recent advancements in agricultural practices, particularly the adoption of Chinese technologies, have led to a substantial increase in productivity, with yields reaching 26–30 centner per hectare³³.

According to official conclusions, Chinese farmers are eager to meet the state's requirements, and regulatory oversight by local and federal authorities in agriculture, veterinary medicine, phytosanitary, and migration con-

trol has become the norm. While challenges persist in these domains, it is inaccurate to assert that Chinese farmers frequently disregard regulations to a greater extent than their Russian counterparts.

A prevalent stereotype posits that Chinese farmers prioritize profit maximization over environmental sustainability. Some respondents acknowledge that Chinese farmers in Russia face uncertainty regarding their future prospects due to unpredictability of regional policy and electoral changes. This leads them to prioritize immediate financial gain, often at the expense of long-term soil health and environmental stewardship. While case studies prove this thesis to a certain extent, they do not provide definitive evidence. The widespread use of herbicides and pesticides, frequently criticized among Chinese farmers, is not typically profitable due to the high cost of chemicals and the official restrictions on their import from China. While this problem, indeed, exists and authorities are responsible for maintaining strict control over farmers' activities, the level of concern in the media does not accurately reflect the extent of the problem.

Another pervasive stereotype disseminated by the media asserts that Chinese migrant workers frequently engage in illicit activities, including unauthorized use of land. During our field research, we observed numerous instances of this phenomenon. However, in the majority of cases, these actions were not deliberate, but rather a consequence of challenges in complying with regulations at the individual level and the inadequate design of directives issued by authorities. For instance, the Federal Migration Service (FMS) mandates that migrant workers reside at the address officially registered, a regulation that is difficult to enforce in practice. This is primarily due to the reluctance of Russian families to cohabitate with Chinese migrant workers, and vice versa, as well as the preference of Chinese workers to reside in modest huts near the fields, which offers greater convenience and enhanced security for crops and workers³⁴.

³³ Interview data from an informant in the agricultural sector (2023).

³⁴ Interview data from an informant in the agricultural sector (2023).

We believe that Chinese capital and “seasonal workers” in rural areas are beneficial to the Russian Far East. A substantial number of local officials and Russian farmers (though not all) endorse this viewpoint, despite the alarmist discourse prevalent in the Russian media and the xenophobic sentiment expressed by the general public. The symbiotic combination of Chinese capital, technology, managerial expertise, foreign capital, and advanced machinery has been identified as a catalyst for positive change. Yet, it is crucial to acknowledge the unique role of Chinese “seasonal workers” in the broader context of labor specialization. While there are valid criticisms regarding the potential exploitation of labor and environmental impact, these can be mitigated through the implementation of long-term leasing arrangements for arable land by Chinese farmers.

Chinese Perspective: Prospects for Chinese Business and Food Security

In 2023, Russia’s total soybean production was estimated at 6.6 million tons (approximately 1.5% of global production). However, similar to the corn, Russian soybeans are non-GM products. According to the Rosstat data, the Russian Far East accounts for 2.3 million tons of this figure (36% of all Russia’s total harvest)³⁵. Given the country’s lack of a significant processing industry, proximity to the Chinese market, and the high quality of Far Eastern soybeans, the crop plays a critical role in Russia–China trade.

But could soybean production in the Russian Far Eastern be increased? The rising price of soybeans in recent years has made it the dominant crop in the Russian Far East, sometimes leading to the neglect of crop rota-

tion practices. In some regions, such as Jewish Autonomous Oblast, soybeans account for up to 92% of the total cropland.

In terms of yield, the Russian Far East produces an average of 1.3 tons of soybeans per hectare. This gap is due to several factors, including the use of more fertile seeds, systemic crop rotation on the fields (soy–corn), longer and regular land preparation periods, extensive fertilizer application, and a longer history of soybean cultivation, dating back to the Japanese invasion and subsequent occupation of Manchuria in the 1930s. Thus, theoretically, soybean production in the Russian Far East could be increased by 30% on existing croplands.

As for expanding the cropland, there is a common misconception among locals and officials that approximately 1 million hectares of undeveloped land are available for cultivation. In reality, large-scale cropland expansion is currently impractical. These lands are widely dispersed across the region and would not yield a good crop without costly land reclamation efforts [Ivashina et al. 2023].

Thus, a combination of increasing yields through the adoption of Chinese agricultural techniques and limited cropland expansion could boost total soybean production to 2.5 million tons per year, of which about 2 million tons could be exported to China³⁶, bearing in mind that China’s total soybean demand is 120 million tons per year.

Another key issue in Russian Far Eastern agriculture is regular crop rotation. A soy–corn rotation system has already contributed to increased corn production in the region. Corn yields in the Russian Far East are relatively high, averaging 6 tons per hectare. If the expected soybean yield increases, along with a

³⁵ *Shokurova E.* Dal’niy Vostok dolzhen uvelichivat’ eksport produktsii pererabotki soi [Far East should increase export of processed soybean products]. *Agroinvestor* // 11.09.2023. URL: <https://www.agroinvestor.ru/regions/news/41004-dal-niy-vostok-dolzhen-uvelichivat-eksport-produktsii-pererabotki-soi/> (accessed: 01.02.2025).

³⁶ Author’s calculation based on current proportion of the region’s production, internal consumption and export to China (see for example statistics for 2021–2022: *Soja v mire i Rossii: proizvodstvo, vnutrennee potreblenie, vneshnjaja trgovlja* [Soybeans in the world and Russia: production, domestic consumption, foreign trade]. Moscow: Eastern Center for State Planning, 2022. P. 18, 21, 22. URL: <https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/soja-v-mire-i-rossii-proizvodstvo-vnutrennee-potreblenie-vneshnjaja-torgovlja.pdf> (accessed: 25.03.2025).

30% (or greater) expansion of the corn cultivation, then total grain and oil crop production in Primorsky Krai could rise to 1.4–1.5 million tons, generating an additional 600,000–700,000 tons of agricultural output³⁷.

Soybean dominate the crop plans of Amur Oblast and the Jewish Autonomous Oblast. Still, high humidity in these regions contributes to wheat diseases (most notably *Fusarium* infection). With proper crop rotation, wheat and barley are preferable alternatives, rather than corn. If corn acreage in Amur Oblast were expanded to at least 70% of total grain production (while maintaining existing soybean acreage and adopting the abovementioned yield-improving techniques), corn output could increase from 150,000 tons to 750,000 tons in the region. Thus, the most optimistic forecast for corn production in the Russian Far East would be approximately 1 million tons per year, half of which could be exported to China³⁸.

When assessing the scale of Russia–China grain and oil crop trade, Siberian crop production must also be considered – as well as potential cropland expansion and yield improvements. Nevertheless, even under the most optimistic scenarios, Russia's ability to export grains to China remains significantly lower than that of the United States and Brazil.

All the while, Russia holds a key advantage over these competitors: it produces non-GM soybeans, which are highly valued in premium markets. Non-GM soybeans are grown only in Russia, Northeast China (primarily Heilongjiang Province), and the Korean Peninsula. These soybeans maintain their high market value, even in small volumes, and will remain in demand regardless of global price fluctuation.

As previously discussed, grain and oil crop trade between Russia and China originated when Chinese agribusinesses began investing in and cultivating cropland in the Russian Far East, relying on a Chinese labor force. However, the depreciation of the Russian rouble and

regulatory interventions by federal officials— notably Oleg Kozhemyako, who served as Governor of Amur Oblast (2008–2015) and has been Governor of Primorsky Krai since 2018 – entailed a massive withdrawal of Chinese labor from the region³⁹.

By 2020, the COVID-19 pandemic and subsequent border closures nearly cut off Chinese workers from Russian agriculture. That said, some Chinese businesses, such as Elena, Urmi, and Legend-Agro, continue to operate in the Russian Far East, with small groups of Chinese seasonal workers having returned to the fields. However, major exporters to China are now Russian companies. Large Chinese firms, including the state-owned COFCO, have shifted from production to purchasing, becoming grain buyers rather than direct cultivators.

Despite these changes, field studies suggest that Chinese businesses remain interested in maintaining a stake in the Russian Far Eastern agricultural sector. Yet, this interest is driven not by China's "food security strategy" but by profit motives. A key trend in recent years has been the replacement of small Chinese farmers by large Chinese corporations such as COFCO and Harbin Beidahuang Corporation, with the latter being the largest cropland holder, represented in Russia by its subsidiary Legend-Agro. This transition has made the sector more regulated and transparent, reducing informal agricultural practices. However, the most significant shift has been the increasing reliance on Russian labor and the declining use of Chinese workers.

* * *

Russian crop production is not primarily geared toward exports to China, but it does enjoy strong demand. Meanwhile, the rising prices of grain and oil crops in the 2010s–2020s have contributed to the socioeconomic development of rural areas in the Russian Far East. Although the potential for an increased agri-

³⁷ Interview data from an informant in the agricultural sector (2024).

³⁸ Author's calculation (see footnote 36).

³⁹ V Primor'e ogranichat rabotu migrantov v lesozagotovke i vyrashhivanii ovoshhej [In Primorye, migrants' work in logging and vegetable growing will be restricted] // Primamedia, 15.10.2022. URL: <https://primamedia.ru/news/1377775/> (accessed: 01.02.2025).

cultural output is limited, trade growth remains possible, fostered by the potential development of cross-border transport and logistics infrastructure in the Russian Far East.

The aforementioned challenges related to land use and the involvement of foreign entities in Chinese agribusiness operations have led to the spread of informal practices, which, in turn, fuel alarmist sentiments in Russia. These concerns have negatively impacted the activities of Chinese agribusinesses and broader food security discussions. Nevertheless, Chinese agricultural companies have played a positive role in the development of both the local agricultural sector and the broader economy of the Russian Far East. They provide jobs, generate tax revenues for rural areas, supply local markets with food, and facilitate the exchange of agro-technologies and innovations with local farmers.

There are also negative aspects, though they are not of critical concern. The most significant issue is the lack of crop rotation and the dominance of monocropping, particularly soybean cultivation. Moreover, medium-sized Chinese agribusinesses struggle to compete with large Russian agricultural

corporations, which entered the market in the 2010s. Meanwhile, large Chinese corporations seek to collaborate with Russian companies as buyers, rather than invest in their own crop production.

The existing production assets and infrastructure in the Russian Far East are unlikely to supplant the U.S. soybean imports and Ukrainian corn supplies in China. However, the region retains key advantages in agriculture, including shorter transport routes, favorable climatic conditions for growing non-GM soybeans and rice of premium crop quality. These factors position the Russian Far East as an important supplier of high-value agricultural products to China.

While stable demand for locally produced crops is crucial for economic growth in the Russian Far East, the region's food security requires investment in dairy and meat production facilities. Crop farming in the Russian Far East – primarily soybean, corn and rice – does not play a central role in ensuring global or even national food security, due to the logistical challenges of transporting goods to consumers in western Russia. Still, it holds significant potential for the Chinese market.

References

- Aleksandrova M.V. (2017). Prodoval'stvennaya bezopasnost' KNR i eksport sel'hozproduktov RF na kitayskiy rynek [Food security of China and export of Russian agricultural products to the Chinese market]. *Far Eastern Problems*. No. 6. P. 27–38.
- Boni L.D. (2022). Prodoval'stvennaya bezopasnost' v Kitae [The food security problem in China]. In: A.V. Ostrovsky (ed.) *Kitay na novom etape. Novye gorizonty dlya kitayskoy ekonomiki v 14-y pyatiletke* [China on the new stage. New horizons for Chinese economy in the period of 14th five-years plan (2021–2025)]. Moscow: ICCA RAS. P. 79–97.
- Boni L.D. (2024). Kitayskaya model' modernizatsii sel'skogo hozyaystva [The Chinese Model of Agricultural Modernization]. In: I. V. Derugina (ed.) *Strany Azii i Afriki na puti k mnogopoljarnomu miru* [Asian and African Countries on the Path to a Multipolar World]. Moscow, IOS RAS. P. 448–463.
- Brautigam D., Stensrud Ekman S.-M. (2012). Briefing Rumours and realities of Chinese agricultural engagement in Mozambique. *African Affairs*. Vol. 111. No. 444. P. 483–492. DOI: 10.1093/afraf/ads030
- Brautigam D., Xiaoyang T. (2009). China's Engagement in African Agriculture: "Down to the Countryside". *The China Quarterly*. No. 199. P. 686–706. doi:10.1017/S0305741009990166
- Bulatov A. (2023). Key Trends and Factors of Agro-Industrial Development in World Regions. Region Key trends in Asia-Pacific. In: S. Levin, D. Krasnov, A. Malgin (eds) *Global Food Security and International Trade in Agro-Industrial Products. Annual Analytical Report 2022/23*. Moscow: MGIMO University. P. 80–168.
- Cui Xueqin. (2020). Expanding Agricultural Cooperation between Jilin Province and Russia. *Economic Aspects*. No. 7. P. 73–75.
- Cui Yong, Gong X. (2013). Analysis of Agricultural Cooperation Potential Between Liaoning Province and Russian Far East. *Russian Central Asian and East European Market*. No. 1. P. 95–101.

- Fukase E., Martin W. (2015). Who Will Feed China in the 21st Century? Income Growth and Food Demand and Supply in China. *Journal of Agriculture Economics*. Vol. 67. No. 1. P. 3–23. <https://doi.org/10.1111/1477-9552.12117>
- Gudaj R.T. et al. (2020a). Chinese Farmers in the Russian Far East and Local Rural Development. *The American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 79. No. 5. P. 1511–1551. <https://doi.org/10.1111/ajes.12365>
- Gudaj R.T. et al. (2020b). Impact of Chinese Agribusiness Entrepreneurs on the Local Land Market in the Russian Far East. *The American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 79. No. 5. P. 1417–1454. <https://doi.org/10.1111/ajes.12362>
- Humphrey C. (ed.) (2018). *Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 267 p.
- Ivanov S. (2014). Migratsiya kitayskogo kapitala i truda v Primorskom krae [Chinese Capital and Labour Migration in Primorsky Territory]. *Decumene. Regional Studies*. No. 4. P. 35–46.
- Ivanov S.A. (2023). Kitayskie ovoshhevody v sovetskikh selakh: rabotniki ili arendatory? [Chinese vegetable growers in Soviet villages: workers or tenants?]. *Decumene. Regional Studies*. No. 3. P. 36–49. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/36-50>
- Ivashina N. et al. (2023). Analiz sostoyaniya, raspredeleniya i ispol'zovaniya zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya v regionakh DFO [Analysis of the state, distribution and use of agricultural land in the regions of the Far Eastern Federal District]. *FEFU Bulletin. Economics and Management*. No. 1. P. 101–119. DOI: <https://dx.doi.org/10.24866/2311-2271/2023-1/101-119>
- Koreshkova Yu. O. (2021). Kitayskie teplitsy: ekho sovetskogo naslediya (sibirskiy keysy) [Chinese greenhouses: Soviet heritage echo (Siberian cases)]. *Ethnographic Review*. 2021. No. 1. P. 145–162. DOI: 10.31857/S086954150013602-2
- Kulintsev Yu., Mukambaev A.A., Rakhimov K.K., Zuenko I.Yu. (2020). Sinophobia in the Post-Soviet Space. *Russia in Global Affairs*. Vol. 18. No. 3(71). P. 128–151. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-3-128-151
- Lagerkvist J. (2014). As China Returns: Perceptions of Land Grabbing and Spatial Power Relations in Mozambique. *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 49. No. 3. P. 251–266. <https://doi.org/10.1177/0021909613485217>
- Makarov I.A. (2017). Rossiysko-kitayskoe sotrudnichestvo v sel'skom khozyaystve [Russo-Chinese cooperation in agriculture]. *Eco*. Vol. 5. P. 23–42.
- Rau V.V. (2018). Prodovol'stvennyy eksport: kurs na Vostok [Food export: Course to the East]. *Prognosing problems*. No. 1. P. 56–57.
- Ryzhova N.P. (2014). Zemlya i vlast': razlichiya v podkhodakh k issledovaniyu sobstvennosti (sluchay neformal'nogo zemlepol'zovaniya kitayskikh fermerov) [Land and Power: Differences in Approaches to Researching Property (The Case of Informal Land Use of Chinese Farmers)]. *Journal of sociology and social anthropology*. No. 5. P. 7–35.
- Wang Haoran et al. (2024). Is Abandoned Cropland Continuously Growing in China? Quantitative Evidence and Enlightenment from Landsat-Derived Annual China Land Cover Dataset. *Land*. Vol. 13. No. 1. P. 1–19. <https://doi.org/10.3390/land13010045>
- Yi Fujin et al. (2020a). Sino-Russian Cooperation on Soybean Development in the Russian Far East. *The American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 79. No. 5. P. 1553–1586. <https://doi.org/10.1111/ajes.12366>
- Yi Fujin et al. (2020b). How Chinese Agricultural Immigrants Affect Farmers in the Russian Far East. *The American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 79. No. 5. P. 1387–1415. <https://doi.org/10.1111/ajes.12361>
- Zhang Hongzhou. (2020). The U.S.-China Trade War. Is Food China's Most Powerful Weapon? *Asia Policy*. Vol. 15. No. 3. P. 59–86. DOI: 10.1353/asp.2020.0044
- Zhou Jiayi. (2016). Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East. *Third World Thematics: A TWQ Journal*. Vol. 1. No. 5. P. 612–632. <https://doi.org/10.1080/23802014.2016.1327795>
- Zuenko I.Yu. (2015). Kitayskoe prisutstvie v sel'skom khozyaystve Dal'nego Vostoka: nekotorye aspekty problemy [Chinese presence in the agriculture of the Far East: some aspects of the problem]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. No. 2 (26). P. 51–59.
- Zuenko I., Ivanov S., Savchenko A. (2019). Kitayskie investitsii na rossiyskom Dal'nem Vostoke [Chinese Investments in Russia's Far East]. *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 11. P. 105–113. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-105-113
- Zuenko I.Yu., Sonin V.V. (2017). Pravovye ogranicheniya i neformal'nye praktiki zemlepol'zovaniya kitayskikh fermerov na Dal'nem Vostoke Rossii [Legal Restrictions and Informal Land Use Practices of Chinese Farmers in the Russian Far East]. *Law Enforcement*. Vol. 1. No. 1. P. 57–65. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1\(1\).57-65](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(1).57-65)

Zuenko I.Yu. (2024). Perspektivy eksporta produktsii rastenievodstva Rossii v Kitay i prodovol'stvennaya bezopasnost' KNR [Prospects for the Export of Russian Plant Products to China and Food Security of the PRC]. *World Economy and International Relations*. Vol. 68. No. 3. P. 115–127. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-3-115-127

КИТАЙСКИЙ АГРОБИЗНЕС НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

АНАЛИЗ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГЕОПОЛИТИКИ

ИВАН ЗУЕНКО

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В данной статье рассматривается деятельность китайского агробизнеса на Дальнем Востоке России — прежде всего, в контексте продовольственной безопасности после COVID-19 (2020) и обострения «украинского кризиса» (2022), двух событий, которые в значительной степени нарушили глобальные цепочки поставок продовольствия, особенно кукурузы, сои и пшеницы. Так, после начала СВО Китай был вынужден возобновить импорт продовольствия из США, чтобы компенсировать потерю поставок с Украины, в то время как спрос на российскую сельскохозяйственную продукцию резко вырос в Китае, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Российский Дальний Восток с его географической близостью к Китаю в этом контексте приобрёл стратегическое значение. Отдельный интерес вызывает деятельность в регионе китайского агробизнеса. Опираясь на полевые исследования, проведённые в Приморском крае, Амурской области и Еврейской автономной области (2014–2019, 2022–2023), автор делает ряд выводов о положении китайского агробизнеса в регионе, имеющихся проблемах и тенденциях в их деятельности (главной из которых является постепенный отход от производства в пользу крупнооптовых закупок продукции, выращенной российскими компаниями). Анализ показывает, что ограничения производственных мощностей и инфраструктуры не позволяют российскому Дальнему Востоку полностью заменить украинскую кукурузу или американскую сою на китайском рынке: как с использованием китайского агробизнеса, так и без него. Однако преимущества региона — более короткие пути поставок в Китай и благоприятные условия для сои и риса без ГМО — делают его стратегически важным на карте торговли продовольствием в контексте китайского рынка. Учитывая стратегическое значение для Китая вопросов продовольственной безопасности, можно предположить, что спрос на сельскохозяйственную продукцию Дальнего Востока России сохранится и в будущем, что будет способствовать развитию региона и укреплению двусторонних торгово-экономических связей.

Ключевые слова:

Россия; Китай; Дальний Восток России; продовольственная безопасность; китайские фермеры; цепочки поставок продовольствия; сельское хозяйство; потребление в Китае

МУСУЛЬМАНЕ НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ ОТ ЧИСЕЛ К ЗНАЧЕНИЯМ

ЕЛЕНА ПОНОМАРЁВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

ЕЛЕНА АРЛЯПОВА

Институт системно-стратегического анализа, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена демографическим изменениям в мусульманских общинах Западных Балкан. Основой исследования стали материалы новейших (2021–2024 гг.) переписей населения, проведённых во всех странах и территориях региона, кроме Боснии и Герцеговины. По обновлённым данным, общее число мусульман изучаемого региона составляет треть от всего населения. При этом численность местных общин неуклонно сокращается. Восходящий тренд по количеству мусульман продемонстрировали только Северная Македония и Черногория. Сокращение исповедующих ислам в регионе происходит на фоне общей депопуляции Балкан. Особо активная потеря мусульманского населения пришлась на последнее десятилетие. Промежуточные итоги позволяют пересмотреть прогнозы относительно численности мусульман в изучаемых странах к 2050 г. со всеми потенциальными социальными, экономическими, культурными и политическими последствиями. На данном этапе они представляются чрезмерно оптимистичными. Параллельно с этим процессом в регионе идёт сокращение численности общин других ведущих конфессий, в частности христианской. Помимо демографических тенденций, исследование сфокусировано на проблеме современного (само)позиционирования балканского ислама в более широком европейском контексте. Проведённый анализ позволил уточнить рубежи «исламского ренессанса» на Западных Балканах. Неопределённость нынешнего статуса ранее «автохтонного» для Европы балканского ислама продиктована изменениями её собственной социально-демографической структуры в течение последнего десятилетия в ходе миграции и последующей интеграции большого числа мусульман с Ближнего Востока. С учётом этой трансформации выделены отличительные черты балканского ислама в сравнении с европейским: чёткая приверженность идее светского государства — это общественный консенсус во всех балканских социумах; устройство жизни местных религиозных общин (многие из них стали относительным или абсолютным религиозным большинством); ещё не забытый ныне живущими поколениями уникальный опыт масштабной и глубокой секуляризации; сравнительно высокий показатель «социологических мусульман» — по происхождению собственному или семьи, но не по регулярной религиозной практике.

Ключевые слова:

ислам на Западных Балканах; мусульмане на Балканах; численность мусульман; европейский ислам; евроислам; депопуляция; демография

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2025

Дата принятия к публикации: 02.03.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: nastya304@mail.ru

В отличие от многих других регионов мира, Балканы исторически являлись и продолжают оставаться территорией, где религия сохраняет значимое общественное влияние. Согласно данным за 2018 год, около 60% опрошенных в регионе назвали себя религиозными людьми, а в Косове и Северной Македонии этот показатель достиг 80%¹. В континентальной Европе, например, доля определивших себя верующими осталась в пределах 30–40%², кроме Италии. Эксперты фиксируют «слабую секуляризацию общества и особую роль религии в этническом самосознании» всех балканских народов [Попадьева 2021: 63].

В процессе адаптации к изменчивой внешней среде и попыток интеграции в тот или иной общественно-политический контекст религиозная идентичность на Балканах претерпела значительные трансформации и приобрела ряд специфических особенностей. Например, в социалистической Югославии понятие «мусульманин» означало не религиозную, а этническую принадлежность. В анкетах переписи 1961 г. жители Боснии и Герцеговины (БиГ) писали: «вероисповедание — атеист, национальность — мусульманин». После переписи 1971 г. мусульмане стали синонимом народности, а затем и нации [Пономарёва, Арляпова 2024]. В 1981 г. 39,5 % (1,630 млн) населения республики определили себя «мусульманами» по национальности [Факты 1985]. В 1990-е годы, в условиях распада СФРЮ, понятие «мусульманин» в БиГ вер-

нуло себе первоначальное значение — характеристику принадлежности к исламу.

Интерес к роли ислама в балканских обществах и странах закономерен по ряду причин. *Во-первых*, мусульмане составляют значительную долю населения региона: на Западных Балканах эта доля достигает трети от общей численности жителей. *Во-вторых*, в многоконфессиональных обществах Балкан сохраняется выраженное социокультурное и политическое размежевание между православными, католическими и мусульманскими сообществами, что уже неоднократно становилось причиной масштабных открытых конфликтов. Наиболее трагическими и кровопролитными из них были события Второй мировой войны, а также войны на Балканах в 1990-е годы.

В-третьих, на Балканах в качестве внешних сил присутствуют практически все ключевые игроки исламского мира. Религия активно используется ими как инструмент влияния: они выводят его на международный и межгосударственный уровень [Арляпова, Пономарёва 2024; Энтина, Синопальникова 2020; Корра 2021]. Необходимо также учитывать доминирование алармистских оценок относительно исламизации юго-востока Европы³. Новейшие данные⁴ позволяют уточнить рубежи и статистические контуры «исламского ренессанса» на Балканах и зафиксировать его специфические черты.

Конкретными кейсами исследования изменений исламского пространства в бал-

¹ Bechev D., Öztürk A. Competing over Islam: Turkey, Saudi Arabia and Iran in the Balkans // The Middle East Institute (MEI). 11.01.2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/competing-over-islam-turkey-saudi-arabia-and-iran-balkans> (accessed: 19.02.2025).

² Ibid.

³ Теперь тут носят паранджу: как Балканы становятся новым центром исламизма // РИА Новости. 14.09.2017. URL: <https://ria.ru/20170914/1504754255.html> (дата обращения: 22.04.2025).

⁴ Census 2023 (Albania) // INSTAT. Instituti i Statistikave. URL: <https://databaza.instat.gov.al:8083/pxweb/en/DST/> (accessed: 21.04.2025); Bosnia and Herzegovina. Population: Demographic Situation, Languages and Religions // Eurydice. European Commission. 27.11.2023. URL: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/national-education-systems/bosnia-and-herzegovina/population-demographic-situation-languages-and-religions/> (accessed: 25.04.2025); The preliminary data of the Census of Population, Family Economies and Housing in Kosovo are published // Prime Minister Office. 12.07.2024. URL: <https://kryeministri.rks-gov.net/en/blog/the-preliminary-data-of-the-census-of-population-family-economies-and-housing-in-kosovo-are-published/> (accessed: 25.04.2025); Вкупно резидентно население, домаќинства и станови. Попис 2021 // Република Северна Македонија. Државен завод за статистика. 30.03.2022. URL: <https://popis2021.stat.gov.mk/#> (accessed: 23.04.2025); Становништво према вероисповести // Република Србија. Републички завод за статистику. 13.06.2023. URL: <https://>

канском регионе стали страны, входящие в предложенную ЕС политико-региональную рамку «Западные Балканы». Речь идёт об Албании, Боснии и Герцеговине, Северной Македонии, Сербии, Черногории и частично признанной Республике Косово.

Ключевой исследовательский вопрос статьи заключается в выявлении степени соответствия актуальных демографических тенденций в регионе устоявшимся представлениям о статусе и перспективах развития местных мусульманских общин, а также определения характера «балканского ислама» как автохтонной и интегрированной части европейского религиозного пространства в контексте масштабных изменений демографического, социокультурного и конфессионального ландшафтов Европы.

Исследование данного вопроса приобретает особую актуальность в условиях усиливающихся миграционных процессов, растущего религиозного многообразия и усиления дискуссий о границах европейской идентичности. На этом фоне «балканская модель» ислама, характеризующаяся исторической укоренённостью, институциональной структурированностью и устойчивым взаимодействием с принципами светского государства, рассматривается не только в контексте локального анализа, но и как значимый ресурс для общеевропейской дискуссии о религиозной интеграции, межконфессиональном сосуществовании и управлении культурным многообразием.

Основная цель работы состоит в комплексном анализе демографических изменений в мусульманских общинах Западных Балкан на основе данных переписей населения за период 2021–2024 годов, выявлении ключевых тенденций, интерпретации страновых особенностей и оценке данных изменений в региональном контексте. Дополнительной целью исследования является раскрытие особенностей «балканской модели» ислама, её специфических черт и поло-

жения в мировой и региональной умме, а также определение её релевантности как самостоятельного и устойчивого варианта современного европейского ислама.

Методологической базой исследования выступает количественная обработка и интерпретация официальных статистических данных переписей населения с акцентом на изменения численности и долевого состава мусульманских общин, диахронный и межстрановой сравнительный анализ. Последние позволили выявить долгосрочные демографические тренды, зафиксировать этапы трансформации регионального исламского пространства и на базе изучения примеров Албании, Боснии и Герцеговины, Северной Македонии, Сербии, Черногории и Косова определить общие закономерности и уникальные национальные сценарии. Дополнительно на основе фактических данных последних лет осуществлён критический пересмотр существующих прогнозов численности балканских мусульман. Для интерпретации выявленных сдвигов использованы элементы контекстуального анализа, что дало возможность учёта влияния миграционных и иных процессов, а также практик Европейского союза в отношении западнобалканского региона в целом и составляющих его политий. Особое внимание в этом отношении уделено рассмотрению характеристик «балканской модели» ислама, которые могут служить полезным ориентиром для ЕС в условиях кризисных явлений в сферах, связанных с религией, а также способствовать гармонизации межрелигиозного взаимодействия.

Структура статьи обусловлена сформулированными исследовательскими задачами. Во введении представлено обоснование необходимости странового и сравнительного анализа демографических изменений в мусульманских общинах Западных Балкан. В первом разделе детально анализируется динамика численности мусульман в иссле-

Таблица 1
Общая численность населения и численность мусульман в странах Западных Балкан (2021–2024)

Страна/территория	Численность мусульман (чел.)	Процент от общей численности, %	Общая численность (чел.)
Сербия	278 212	4,2	6 647 003
Босния и Герцеговина	1 608 348	51	3 153 623
Албания	1 217 362	50,7	2 402 113
Северная Македония	590 870	32,2	1 836 713
Косово	1 475 593	93 ⁸	1 586 659
Черногория	124 668	19,99	633 158
Итого	5 295 053	32,6	16 259 269

Источник: данные переписей населения Албании, БиГ, Косово, Северной Македонии, Сербии и Черногории⁹.

двух странах. Второй раздел посвящён характеристике специфики «балканской модели» ислама. В заключении обобщаются результаты анализа и формулируются основные выводы исследования.

Динамика численности мусульман на Западных Балканах

Номинально единая югославская мусульманская община ненадолго пережила СФРЮ, вскоре разделившись на несколько национально-религиозных сообществ, представленных сегодня во всех государствах Западных Балкан. В Албании, Боснии и Герцеговине и частично признанном Косове мусульмане составляют большинство населения, причём в отдельных случаях — подавляющее. В Черногории и Север-

ной Македонии доля мусульманского населения значительна и достигает примерно трети от общей численности жителей. В Сербии они считаются этнорелигиозным меньшинством — чуть более 4%⁵.

Согласно уточнённым данным с учётом населения Боснии и Герцеговины⁶, на Западных Балканах проживает около 5,5 млн мусульман [Арляпова, Пономарёва 2024]. Это количество соответствует примерно одной трети от общей численности населения региона (16 259 269 человек⁷). Подробное распределение мусульманского населения по странам представлено в табл. 1.

При анализе представленных выше данных необходимо учитывать значительное количество респондентов, которые либо не

⁵ Mother Tongue, Religion and Ethnic Affiliation // Србија Попис 2022. 16.06.2023. URL: <https://popis2022.stat.gov.rs/en-us/5-vestisaopstenja/news-events/20230616-st/?a=0&s=0> (accessed: 02.03.2025).

⁶ Обработаны и представлены окончательные данные переписей, прошедших в 2021–2023 годах в Албании, Косове, Северной Македонии, Сербии и Черногории. Слабым звеном остаётся Босния и Герцеговина, подсчёты и выводы по которой во всех исследованиях и даже отчётах так или иначе опираются на устаревшие сведения из переписи 2013 года.

⁷ При подсчётах по Боснии и Герцеговине взято значение 3 153 623 чел. по состоянию на 08.12.2024 // Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/bosnia-and-herzegovina-population/> (accessed: 28.02.2025).

⁸ По данным Boston University's 2020 World Religion Database. URL: <https://www.bu.edu/cura/research-programs/world-religion-database/>. См. Также: Bosnia and Herzegovina 2023 International Religious Freedom Report // The U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/04/547499-BOSNIA-AND-HERZEGOVINA-2023-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed: 28.02.2025).

⁹ Census 2023 (Albania) // INSTAT. Instituti i Statistikave. URL: <https://databaza.instat.gov.al:8083/pxweb/en/DST/> (accessed: 01.12.2024); Bosnia and Herzegovina. Population: Demographic Situation, Languages and Religions // Eurydice. European Commission. 27.11.2023. URL: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/national-education-systems/bosnia-and-herzegovina/population-demographic-situation->

сообщили о своём вероисповедании, либо были отнесены к категории «неизвестных». В неё входят лица, информация о которых либо не собиралась, либо была получена из административных источников, а также те, чьи ответы не могут быть однозначно интерпретированы как относящиеся непосредственно к вопросу о религии или родном языке. Например, в Сербии таких респондентов оказалось 355 484 человека; ещё 8 654 — определили себя агностиками, 74 139 — атеистами¹⁰.

Однако все перечисленные выше аспекты являются достаточно типичными нюансами проведения переписей населения и последующей интерпретации их результатов. Гораздо большее значение в контексте Западных Балкан приобретает общий неблагоприятный демографический фон. Эта тенденция описывается в литературе как «резкая депопуляция» [Пророкович 2023: 71] или «демографическая зима». В этом смысле прогнозы демографического развития для всех стран Западных Балкан пессимистичны.

В качестве примера можно привести расчёты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), касающиеся наиболее значимого с точки зрения численности мусуль-

манского населения государства в регионе — Боснии и Герцеговины. Согласно расчётам ВОЗ, к 2050 г. в стране ожидается снижение численности населения на 23% — 2 455 167 в числовом выражении¹¹. В результате подобного демографического спада БиГ перейдёт с нынешнего 136-го на 145-е место в мировом рейтинге стран по численности населения¹². Ранее, в 1960, 1980, 2000 и 2020 годах, БиГ занимала в этом рейтинге соответственно 94-е, 103-е, 120-е и 133-е места¹³. На основании этих данных можно сделать вывод о длительном и неуклонном сокращении численности её населения. Аналогичная ситуация наблюдается в Сербии и Северной Македонии, а также с незначительными отклонениями в Албании, где небольшие колебания численности фиксировались лишь в 1970–1980-х годах.

В этом контексте особое место занимает Черногория, где зафиксированы не просто демографические колебания, а значительный скачок численности населения. В частности, снижение, наблюдавшееся в 2020 году, сменилось резким ростом в 2022 и 2023 годах, что выделило страну среди других государств Юго-Восточной Европы, переживающих демографический кризис, и привлекло внимание европейских СМИ¹⁴. Тем

languages-and (accessed: 27.02.2025); The preliminary data of the Census of Population, Family Economies and Housing in Kosovo are published // Prime Minister Office. 12.07.2024. URL: <https://kryeministri.rks-gov.net/en/blog/the-preliminary-data-of-the-census-of-population-family-economies-and-housing-in-kosovo-are-published/> (accessed: 27.02.2025); Вкупно резидентно население, домаќинства и станови. Попис 2021 // Република Северна Македонија. Државен завод за статистика. 30.03.2022. URL: <https://popis2021.stat.gov.mk/#> (accessed: 23.02.2025); Становништво према вероисповести // Република Србија. Републички завод за статистику. 13.06.2023. URL: <https://data.stat.gov.rs/Home/Result/3104020301?languageCode=sr-Cyrl> (accessed: 02.03.2025); Preliminarni rezultati popisa stanovništva, domaćinstava i stanova u 2023 godini // MONSTAT. 25.01.2024. URL: <https://www.monstat.org/uploads/files/popis%202021/pr.podaci/Preliminarni%20rezultati%20popisa%2025.01.2024.pdf> (accessed: 27.02.2025).

¹⁰ Mother Tongue, Religion and Ethnic Affiliation // Србија Попис 2022. 16.06.2023. URL: <https://popis2022.stat.gov.rs/en-us/5-vestisaopstenja/news-events/20230616-st/?a=0&s=0> (accessed: 28.02.2025).

¹¹ Population, Bosnia and Herzegovina // World Health Organization. 12.12.2024. URL: <https://data.who.int/countries/070> (accessed: 28.02.2025).

¹² Bosnia and Herzegovina Population // Worldometer. 12.12.2024. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/bosnia-and-herzegovina-population/> (accessed: 27.02.2025).

¹³ Ibid.

¹⁴ Oasis on the Adriatic where Ukrainians and Russians have gone to escape war // BBC News. 06.10.2024. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/cvyye9l43dgo> (accessed: 23.04.2025); Russian and Ukrainian migrants live happily side-by-side in Montenegro // Euronews. 02.02.2024. URL: <https://www.euronews.com/2024/02/02/russian-and-ukrainian-migrants-live-happily-side-by-side-in-montenegro> (accessed: 23.04.2025).

Таблица 2
Изменение численности населения Черногории (2015, 2020–2024)

Год	Численность населения (чел.)	Годовое изменение (чел.)	Мигранты (чел.)	Место в мировом рейтинге
2024	638 479	4 927	-1 686	169
2023	633 552	18 904	12 000	169
2022	614 648	10 797	26 332	170
2020	607 935	-3 732	-3 310	170
2015	628 145	-789	-4 863	167

Источник: Montenegro Population (Live) // Worldometer. 12.12.2024. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/montenegro-population/> (accessed: 28.02.2025).

Таблица 3
Прогнозы численности населения Западных Балкан к 2050 г.

Страна	Численность населения (чел.)	По отношению к 2024 году (чел.)	По отношению к 2024 году (%)	Место в мировом рейтинге на 2024 г.	Место в мировом рейтинге на 2050 г.
Сербия	5 532 870	-1 203 346	-18%	111	126
Босния и Герцеговина	2 455 167	-709 086	-23%	136	145
Албания	2 240 166	-551 599	-20%	143	149
Косово	1 647 000	-62 000	-3.6%	—	—
Северная Македония	1 512 688	-310 321	-17%	152	155
Черногория	533 295	-105 184	-16%	169	176
Итого	13 921 186	-2 941 536	—	—	—

Источник: сводная таблица на базе данных ООН¹⁶.

не менее маловероятно, что Черногория сможет стать долгосрочным позитивным исключением из общего тренда: и предшествующее падение, и последовавший рост отчётливо обусловлены миграционной динамикой, а именно оттоком населения в пандемию и притоком после начала открытой фазы российско-украинского конфликта (табл. 2).

Аналогичные данные по Косову отсутствуют, однако согласно результатам последней переписи населения зафиксировано

его сокращение на 8,8 % за 13-летний период (2011–2024), сопровождающееся процессом старения населения¹⁵. Не расширяя географические рамки данного исследования, отметим, что кризисные явления в демографии не специфичны для Западных Балкан. Подобные процессы характерны для целого ряда государств, особенно европейских. В завершение представим таблицу возможных значений каждой из западнобалканских стран и территорий к 2050 году (табл. 3).

¹⁵ Kosovo Census Shows Population Decline // Prishtina Insight. 27.05.2024. URL: <https://prishtinainsight.com/kosovos-census-shows-population-decline/> (accessed: 24.02.2025).

¹⁶ United Nations. Demographic and Social Statistics. Population and Vital Statistics reports, (2006–2024). URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/products/vitstats/index.cshhtml#previous> (accessed: 22.04.2025); United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2024). World Population Prospects 2024: Data Sources. URL: https://population.un.org/wpp/assets/Files/WPP2024_Data_Sources.pdf (accessed: 22.04.2025); United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2004). World Population to 2300. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/trends/WorldPop2300final.pdf> (accessed: 22.04.2025).

Таблица 4
Динамика численности мусульман в странах Западных Балкан (1990–2030), чел.

Страна	1990 г.	2010 г.	2023 г. ¹⁷	2030 г.
Албания	2 302 000	2 601 000	1 217 362	2 841 000
Босния и Герцеговина	1 843 000	1 564 000	1 608 348	1 503 000
Косово	1 955 000	2 104 000	1 475 593	2 100 000
Северная Македония	441 000	713 000	590 870	812 000
Сербия	412 000	280 000	278 212	377 000
Черногория	94 000	116 000	124 668	136 000
Итого	7 047 000	7 378 000	5 295 053	7 769 000

Источник: *Pew Research Center*¹⁸ и национальные статистические управления Албании, Боснии и Герцеговины, Косова, Северной Македонии, Сербии и Черногории.

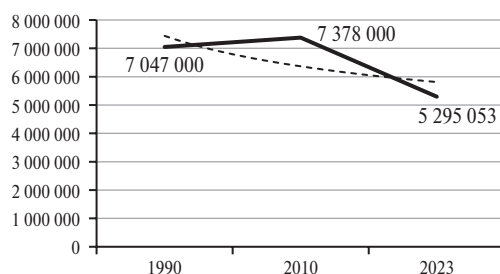
Таким образом, по подсчётам экспертов ООН, к 2050 г. при сохранении текущих трендов всё население Западных Балкан может составить 13 921 186 человек.

Для более детального анализа далее сопоставим показатели численности мусульманских общин по странам стран региона с целью выявления динамики изменений (табл. 4). За основу взяты данные тематических материалов исследовательского центра «Пью» (*Pew Research Center*), а также результаты наиболее актуальных национальных переписей. Четвёртая графа таблицы носит прогностический характер и отражает прогнозы центра, опубликованные в 2011 г. на последующие два десятилетия.

Соотнесение ожиданий и фактического положения дел (третья графа) свидетельствует о чрезмерной оптимистичности прогнозов конца 2010-х годов. Как следствие, в построении индивидуальных и общих кривых динамики численности мусульман в регионе мы их не учитывали.

Ретроспективный график (рис. 1) численности мусульман на Западных Балканах отчётливо демонстрирует нисходящую тенденцию. Между тем сопоставление реальной и прогнозной динамики числен-

Рисунок 1
Численность мусульман в западнобалканском регионе (1990–2023)

Источник: *Pew Research Center*¹⁹ и национальные статистические управления Албании, Боснии и Герцеговины, Косова, Северной Македонии, Сербии и Черногории.

ности мусульманского населения региона (рис. 2) выявляет столь значительные расхождения, что возникает закономерный вопрос о надёжности исходных данных, послуживших основой для сделанных ранее прогнозов.

Локальные статистические данные довольно часто и заметно расходятся с теми, что помещаются в основу макропрогнозов. В прогностическом исследовании будущего мировых религий, представленном в 2015 году, выявилось, что рассчитать

¹⁷ Для удобства изложения и визуализации взят 2023 г. в качестве общего среднего всех недавних переписей.

¹⁸ Muslim Population by Country // *Pew Research Center*. 27.01.2011. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2011/01/27/table-muslim-population-by-country/> (accessed: 28.02.2025).

¹⁹ Muslim Population by Country // *Pew Research Center*. 27.01.2011. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2011/01/27/table-muslim-population-by-country/> (accessed: 21.02.2025).

Рисунок 2

Действительная и ожидаемая численность мусульман в сравнительном срезе

Источник: Pew Research Center²⁰.

Источник: *Pew Research Center*²¹, национальные статистические управления Албании, Боснии и Герцеговины, Косова, Северной Македонии, Сербии и Черногории.

средний уровень превышения численности мусульман для каждой страны региона (кроме Косова, не охваченного исследованием) оказалось затруднительным, поскольку приводимые цифры зачастую значительно превышали общую численность населения соответствующих стран²². Например, в тематически близком проекте численность мусульман в Албании на 2020 г. фигурирует значение 2,6 млн²³, тогда как, по данным переписи 2023 года, в ней всего проживает 2,4 млн человек, из которых мусульманами себя определяли лишь 1,2 млн²⁴. Аналогичная ситуация наблюдалась в Сербии (390 тыс. мусульман по прогнозам против фактически зафиксированных 278 тыс.) и Северной Македонии (870 тыс. против фактических 590 тыс., что при общей численности населения в 1,8 млн довольно существенно). Весьма точными оказались прогнозные расчёты для Черно-

гории (130 тыс. мусульман при реальных 124 тыс.) и особенно точными для Боснии и Герцеговины (1,6 млн мусульман), хотя последняя перепись там проводилась ещё в 2013 году.

Случай БиГ выделяется в ряду других балканских государств, поскольку по политическим и культурно-историческим причинам в социалистический период сформировался нерелигиозный этноним «мусульманин». Так себя идентифицировали сербы, предки которых приняли ислам в период вхождения этой территории в состав Османской империи. Однако и сам боснийский ислам периода XV–XIX веков отличался особенностями, выражавшимися в уникальном сочетании исламских, христианских и местных патриархальных традиций. Сербский писатель Иво Андрич в своём историческом романе «Мост на Дрине», удостоенном в 1961 г. Нобелевской

²⁰ Muslim Population by Country // Pew Research Center. 27.01.2011. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2011/01/27/table-muslim-population-by-country/> (accessed: 21.02.2025).

²¹ Ibid.

²² The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050 // Pew Research Center. 02.04.2015. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (accessed: 25.02.2025).

²³ Religion by country 2024 // World Population Review. 28.12.2024. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/religion-by-country> (accessed: 25.02.2025).

²⁴ Census 2023 (Albania) // INSTAT. Instituti i Statistikave. URL: <https://databaza.instat.gov.al:8083/pqxweb/en/DST/> (accessed: 01.03.2025).

премии по литературе, описывал это следующим образом: «В той великой и причудливой борьбе, которая веками велась в Боснии между двумя различными верами, а вернее, под видом веры за право обладания землёй и властью и за свои исконные понятия о жизни и устройстве мира, противники похищали друг у друга не только женщин, коней и оружие, но также и песни. И стихотворные строчки нередко переходили из рук в руки, как драгоценный трофей»²⁵.

Национальное самоопределение мусульман активно формировалось в социалистический период при поддержке политического руководства СФРЮ. Благодаря специфической структуре федеральной власти и децентрализации, в которой многие принципиальные вопросы были отданы в распоряжение республиканских структур, начиная с 1970-х годов ислам в БиГ, а также в Косове пережил невиданное возрождение. Политически этот феномен объяснялся активизацией Движения неприсоединения и поисками «третьего пути», в рамках которых Белград активно сотрудничал с арабским миром. Показательно, что 1980-е годы были отмечены строительным бумом мечетей на территории всей Боснии и Герцеговины.

Ежегодно высшее исламское образование на Среднем и Ближнем Востоке получали сотни молодых боснийцев, которые возвращались на родину зачастую с радикальными взглядами [Гуськова 2001: 222, 224]. Но самый существенный приток радикально настроенных мусульман на Балканы произошёл в ходе Боснийской войны (1992–1995). Многие из них впоследствии остались в республике и получили гражданство БиГ²⁶.

Такое наслоение и даже смешение идентичностей необходимо принимать во внима-

ние при интерпретации результатов демографических и социологических исследований. Этот фактор ставит под сомнение возможность чёткого разграничения различных типов идентичностей в существующих статистических данных, которые, стоит особо подчеркнуть, являются одними из наиболее неполных среди всех балканских стран. В условиях фактического отсутствия полноценных данных основной методологической проблемой становится корректный подсчёт численности различных групп населения в Боснии и Герцеговине. С технической точки зрения при таких расчётах процентное соотношение групп, зафиксированное в переписи 2013 года, экстраполируется на текущие показатели численности населения. Последние предоставляются так называемыми демографическими счётчиками, а также международными статистическими агрегаторами, отслеживающими искомые данные в режиме реального времени.

На наш взгляд, неизбежные искажения, возникающие при таком подходе, оказываются менее значительными по сравнению с традиционной методикой, предполагающей сопоставление данных, предоставляемых национальными ведомствами и международными организациями. В качестве примера расхождения статистических оценок можно привести ситуацию с численностью населения Боснии и Герцеговины: в 2023 г. правительство США оценивало её в 3,8 млн человек, Организация Объединённых Наций годом ранее — в 3,2 млн человек, в то время как правительство самой БиГ при проведении исследования рабочей силы в 2018 г. исходило из численности населения в 2,7 млн человек²⁷.

Само разграничение между двумя категориями «мусульман» в БиГ, с одной стороны, приверженцами ислама в религиоз-

²⁵ Андрич И. Мост на Дрине. М.: АСТ, 2023. С. 94.

²⁶ Постројаванье одреда Ел Муџахид у БИХ 1995. — улазница радикалних исламиста у Европу? URL: http://www.glassrpske.com/novosti/vijesti_dana/Postrojavanje-odreda-El-Mudzahid-u-BiH-1995-ulaznica-radikalnim-islamistima-u-Evropu/lat/222334.html (accessed: 26.02.2025).

²⁷ Bosnia and Herzegovina 2023 International Religious Freedom Report // The U.S. Department of State. P. 6. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/04/547499-BOSNIA-AND-HERZEGOVINA-2023-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed: 27.02.2025).

ном смысле, а с другой — лицами, определившими свою культурно-историческую и даже этническую идентичность, не представляет особых методологических сложностей. Формуляр переписи населения 2013 г. содержал отдельные вопросы о религиозной и этнической самоидентификации граждан²⁸. Более того, назвавших себя «мусульманами» в ответ на вопрос об этнической принадлежности оказалось чуть больше 12 тыс. человек на фоне более 1,7 млн человек, определивших себя «бошняками»²⁹. Заметим также, что «этнические мусульмане» в материалах переписи не одиноки: с ними соседствуют «этнические православные» и «этнические агностики», например.

Как отмечалось выше, данные прогнозов по региону выглядят малореалистичными. Одновременно вызывает сомнения и основной тезис исследователей из центра «Пью», сформулированный в названии проекта «Будущее мировых религий: прогноз роста численности населения на 2010–2050 годы и причины опережающего увеличения численности мусульман при сокращении доли религиозно неаффилированных»³⁰. По меньшей мере, этот прогноз не подтверждается в отношении стран и территорий Западных Балкан. Как видно из графических построений (рис. 3), в большинстве случаев показатели имеют нисходящую динамику, совпадая при этом с общерегиональными тенденциями. В то же время в контексте численности местных мусульманских общин заслуживает особого внимания тот факт, что лишь Северная Македония и Черногория демонстрируют обратную тенденцию и, соответственно, восходящий тренд.

Таким образом, в странах Западных Балкан мусульманские общины претерпели заметное сокращение численности, осо-

бенно выраженное в последнее десятилетие. Точный характер и масштабы этого оттока требуют самостоятельного анализа: естественная убыль, миграции или иные факторы. При этом представляется достоверным, что прозелитизм не играл в данном снижении существенной роли. Если же рассматривать ситуацию в более общем демографическом контексте, становится очевидным, что наряду с исламскими общинами сокращение численности населения затронуло и другие крупные конфессии в регионе, прежде всего христианство.

До конца 2000-х годов сложившаяся тенденция к общему сокращению населения Западных Балкан сопровождалась весьма оптимистичными прогнозами относительно развития именно исламского сегмента как на региональном, так и на мировом уровне. Эти прогнозы основывались на численном и отчасти идеологическом подъёме мировой уммы в тот период. Предполагалось, что обозначенные тренды найдут своё отражение и на Западных Балканах, по крайней мере в новых государствах с мусульманским большинством.

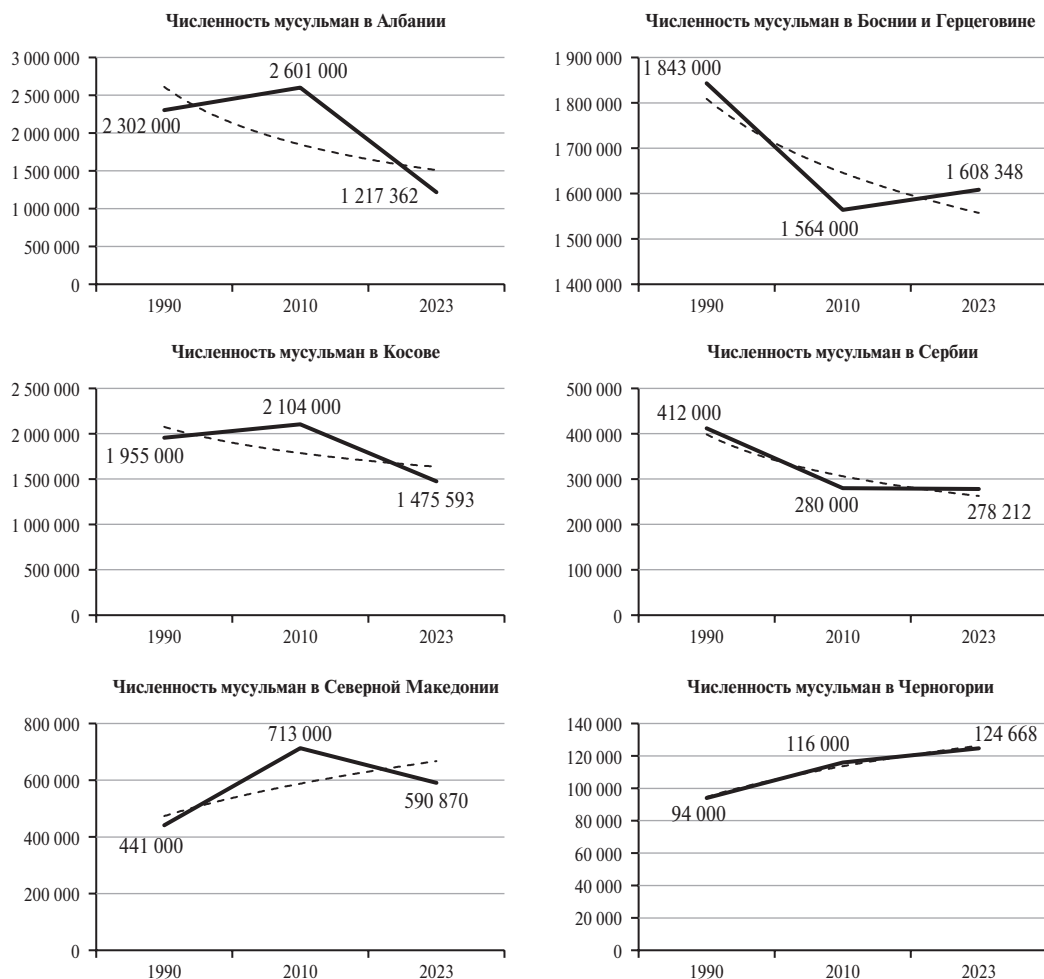
Однако к моменту проведения всеобщих переписей 2021–2024 годов в большинстве этих государств — своеобразных «маяков» исламской периферии — прогнозируемого прироста достичь так и не удалось. В Албании, БиГ и Косове статистические данные ясно указывают на нисходящую динамику. То же самое наблюдается и в Сербии, где поначалу ожидания относительно роста мусульманского населения были более сдержанными. Исключением стали лишь мусульманские общины Северной Македонии и Черногории, продемонстрировавшие небольшой (Черногория) и достаточно устойчивый (Северная Македония) рост.

²⁸ Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Bosni i Hercegovini. Etnička/Nacionalna Pripadnost, Vjeroispovjest i Maternji Jezik. 2013. Sarajevo: BHAS, 2019. P. 14–18. URL: https://www.popis.gov.ba/popis2013/doc/Knjiga2/K2_B_E.pdf (accessed: 26.02.2025).

²⁹ Ibid.

³⁰ The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050 // Pew Research Center. 02.04.2015. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (accessed: 26.02.2025).

Рисунок 3
Численность мусульман в регионе Западных Балкан (1990–2023)

Источник: *Pew Research Center*³¹ и национальные статистические управления Албании, Боснии и Герцеговины, Косова, Северной Македонии, Сербии и Черногории.

Парадокс «балканской модели»

Мусульманские общины на Балканах традиционно считаются периферией мировой уммы и одновременно одним из её центров в Европе. В религиозном смысле весь европейский ислам занимает, образно говоря, подчинённое положение по отно-

шению к суннитскому ядру на Востоке. Это утверждение в полной мере относится ко всем без исключения мусульманским общинам государств Западных Балкан, а также пока немногочисленным шиитским общинам, которые находятся под влиянием Ирана.

³¹ Muslim Population by Country // Pew Research Center. 27.01.2011. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2011/01/27/table-muslim-population-by-country/> (accessed: 28.02.2025).

Говоря об исламе на Западных Балканах, чаще всего выделяют две ключевые исторические вехи. Первая связана с многовековым османским владычеством, от которого ведётся отсчёт распространения ислама в регионе. Вторая – с Боснийской войной (1992–1995), которую историография традиционно связывает с началом современного исламского возрождения на Балканах. Последний хронологический рубеж сопровождается рядом важных деталей: по мнению многих европейских и балканских исследователей, «до Боснийской войны на Балканах не было ни салафитов, ни ваххабитов»³². В подобной интерпретации именно события в БиГ становятся точкой отсчёта радикализации ислама в регионе.

Эта в целом стройная конструкция, на наш взгляд, требует нескольких уточнений, прежде всего в отношении верхней хронологической границы. *Во-первых*, чремерная фиксация на периоде 1992–1995 годов фактически исключает из исследовательского поля всё время существования Югославии, в течение которого местные мусульманские общины также функционировали и развивались определённым образом. *Во-вторых*, 1992 год едва ли можно считать отправной точкой качественно нового этапа. Например, ряд авторов указывают, что «активность Турции на Балканах возросла сразу после окончания Холодной войны» [Свистунова 2020: 62]. При поддержке западных союзников Анкара уже тогда предпринимала значительные самостоятельные действия на западнобалканском направлении, а впоследствии и на всём постсоветском пространстве [Силаев, Сафранчук 2023: 88]. Подобные шаги позволяли отодвигать как бывшего покровителя в лице Москвы, так и продвижения нового – в лице Тегерана.

Следует отметить, что задолго до появления саудовских инициатив именно Иран первым выступил с инициативой помощи

балканским единоверцам в ходе вооружённого противостояния *omnium contra omnes* на территории Боснии и Герцеговины. В 1991 г. председатель Президиума Социалистической республики БиГ Алиа Изетбегович посетил Тегеран, где «был принят как мусульманский верующий», и заручился финансовой и политической поддержкой [Пономарёва, Арляпова 2024: 237]. Это был не первый его визит в Тегеран. Еще в 1982 г. А. Изетбегович с соратником передали копию своего известного манифеста «Исламская декларация» именно в иранское посольство в Австрии [Безрученко 2023: 139–140].

С началом Боснийской войны Иран в редком на тот момент партнёрстве с Турцией и Тунисом инициировал экстренную встречу министров иностранных дел государств-членов Организации исламского сотрудничества в Стамбуле, во время которой предложил оказывать военную поддержку боснийским мусульманам. Однако инициатива Тегерана была отклонена большинством под руководством Саудовской Аравии. Лишь спустя полгода, стремясь сохранить «свою высокую исламскую репутацию» [Sheikh 2003: 72], Эр-Рияд поддержал резолюцию, призывающую к отмене международного эмбарго на поставки оружия боснийским мусульманам.

Приведённый пример показывает, что концентрация на усилении влияния Саудовской Аравии и распространении новых для региона исламских течений в ходе Боснийской войны не только является чрезмерным упрощением, но и вряд ли отражает реальную ситуацию вообще. К началу вооружённого конфликта на Западных Балканах уже действовал исламский «треугольник силы», включающий Турцию, Саудовскую Аравию и Иран. Более того, как в 1990-е, так и в 2020-е годы он в точности соответствовал ближневосточному [Арляпова, Пономарёва 2024: 134].

³² Mende C. Is Islamist radicalization returning to the Western Balkans? // Deutsche Welle. 19.07.2024. URL: <https://www.dw.com/en/islamist-tendencies-in-the-western-balkans/a-69712314> (accessed: 25.02.2025). 28 марта 2022 г. Минюст РФ включил издание DW в реестр иноагентов.

С ближневосточным исламом и его ведущими силами на Балканах всё более или менее структурированно и стабильно. Положение западнобалканской уммы в целом (это обобщение условно: речь не идёт о её однородности или монолитности) и национальных мусульманских общин по отдельности в этой структуре периферийное. Главное следствие периферийного статуса общин заключается в проблемном статусе покровительства со стороны исламских держав, чей исторический спор сводится к тому, «кто и каким образом должен выступать в роли покровителя мусульман во всём мире, включая Балканы»³³. Подобная расстановка сил диктует состязательный характер их взаимоотношений между собой и определяет специфику внешнеполитической деятельности в странах региона.

В рамках данной системы координат так называемая балканская модель, по сути, не имеет самостоятельного концептуального статуса и не выступает полноценной моделью. Скорее это лишь одна из множества периферийных региональных вариаций ислама. Однако на общеевропейском уровне её сущность и потенциал просматриваются гораздо отчётливее: не востребованная пока функция «модели» может быть выделена и использована за пределами западнобалканских сообществ.

Соотношение балканского ислама с европейским, приоритетность и место обоих в развитии локальных мусульманских общин и национальных государств-членов ЕС — эти темы поднимаются в основном внутри соответствующих социумов. Для представителей этих сообществ понятия «европейский ислам» и «балканский ислам» далеко не всегда тождественны и вовсе не однородны, вопреки представлениям внешних наблюдателей, вне зависимости от того, смотрят они на ситуацию

с Запада или Востока. Важным объединяющим моментом для столь разных на первый взгляд подходов остаётся лишь один общий аспект: оба на балканский ислам смотрят немного свысока.

Если рассматривать Запад в широком смысле, то речь идёт не только о Соединённых Штатах, где, стремясь осмыслить теракт 11 сентября 2001 года, исследователи прослеживают влияние исламистов на американские мусульманские общины и исламские образовательные учреждения начиная уже с 1960-х годов. По их мнению, «неспособность понять мотивы, лежащие в основе тактики террористов, привела не только к неэффективным стратегиям борьбы с ними, но и к распространению исламистских боевиков и групп их сторонников» [Heffelfinger 2011: 124]. Прежде всего в данном контексте следует принимать во внимание саму Европу, где на фоне миграции миллионов человек — значительную часть которых составляют выходцы из стран с широким распространением радикальных исламских течений — положение ранее однозначно «автохтонного» для Европы балканского ислама неожиданно приобрело двоякий характер.

Согласно имеющимся данным, в 2020 г. в Европе насчитывалось 87 млн мигрантов, из которых 40 млн являлись выходцами из государств вне европейского региона. После кратковременного изменения тренда в 2022 году, обусловленного вооружённым конфликтом между Россией и Украиной, а также притоком беженцев из зоны боевых действий, в 2023 г. среди соискателей убежища в Евросоюзе вновь лидировали (в порядке убывания) уроженцы Сирии, Афганистана, Турции, Венесуэлы, Колумбии, Бангладеш, Пакистана, Марокко, Египта, Перу и Ирака³⁴. Всего в 2023 г. из 448,8 млн жителей Европы 42,4 млн (9%)

³³ *Bechev D., Öztürk A. Competing over Islam: Turkey, Saudi Arabia and Iran in the Balkans // The Middle East Institute (MEI). 11.01.2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/competing-over-islam-turkey-saudi-arabia-and-iran-balkans> (accessed: 03.03.2025).*

³⁴ *Top 15 nationalities of first time asylum applicants (2023) // Eurostat Migration and Asylum Database. 16.12.2024. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/migration-asylum/asylum/database> (accessed: 26.02.2025).*

человек были рождены за её пределами, а 27,3 млн (6%) не являлись гражданами государств-членов ЕС³⁵. Нужно иметь в виду тот факт, что многие задолго до этого времени стали полноправными гражданами Евросоюза, у многих родились дети, получившие гражданство стран-реципиентов. В результате миграционных процессов новые граждане исламского вероисповедания автоматически получили статус «европейских мусульман». Одновременно возник вопрос об актуальном статусе ислама на Западных Балканах: представляет ли он теперь «европейский ислам»? И если более «балканский ислам нельзя безоговорочно определить как “европейский ислам”, то какова роль балканских мусульман в (пере)определении ислама в ЕС?» [Bougarel 2010: 29].

Следует отметить, что именно в такой конъюнктуре — в период рассмотрения кандидатур ряда западнобалканских стран на вступление в Европейский союз — особое внимание привлёк вопрос, адресованный Европейской комиссии одним из весьма одиозных депутатов от Италии³⁶. Текст вопроса, по счастью, предваряет признание, что «ислам присутствует на Балканах с конца позднего Средневековья и, таким образом, является частью геополитической конфигурации региона»³⁷. Однако всё дальнейшее содержание депутатского запроса говорит как раз об увеличивающемся разрыве между балканским исламом и ЕС. Достаточно привести некоторые выдержки из документа: говорится о «ваххабизации» целых сельских общин, о росте насилия в отношении христиан, о расши-

ряющейся принадлежности к исламским террористическим группировкам и планировании вооружённых нападений на церкви — «всё это свидетельствует о тенденциях, которые переориентируют весь регион южных Балкан в сторону Саудовской Аравии ...и Турции»³⁸.

Несмотря на определённую фактологическую обоснованность описания масштабов радикализации в ряде балканских районов, уже в 2010-х годах она не была исключительно балканским явлением и приобрела широкий размах в Евросоюзе. На этом фоне несколько странно прозвучал вопрос: «Считает ли Комиссия, что массовое вступление радикальной мусульманской территории является поводом для беспокойства в отношении безопасности и стабильности Европейского Союза?»³⁹. Вместе с тем важно подчеркнуть, что не только ислам и мусульмане, но и балканские государства в целом вынуждены постоянно доказывать свою принадлежность Европе, что привело к «утверждению идеологии радикального центризма: гарантии устойчивого консенсуса вокруг евроинтеграции» [Малешевич 2023: 158].

Парадокс «балканской модели» состоит, в частности, в этом удивительном и по историческим меркам почти внезапном отчуждении, вызванном внешними факторами, например миграцией в ЕС. Несмотря на все национальные и даже локальные особенности, ислам на Западных Балканах обладает рядом характерных черт, которые принципиально отличают его от современного западноевропейского извода. Наиболее значимым отличием представляется

³⁵ Statistics on migration to Europe // European Commission. 05.11.2024. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-of-life/statistics-migration-europe_en (дата обращения: 27.02.2025).

³⁶ Речь о Маре Биззотто, инициировавшей, по подсчётам VoteWatch.eu, в общей сложности 680 запросов в Еврокомиссию за 2009–2014 годы. См.: Full of Questions // Politico. 14.03.2012. URL: <https://www.politico.eu/article/full-of-questions/> (accessed: 26.12.2024).

³⁷ Growth and radicalization of the Muslim community in the Balkans. Question for written answer to the Commission. Rule 117. Mara Bizzotto // European Parliament. 14.07.2011. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-7-2011-007250_EN.html (accessed: 23.02.2025).

³⁸ Growth and radicalization of the Muslim community in the Balkans. Question for written answer to the Commission. Rule 117. Mara Bizzotto // European Parliament. 14.07.2011. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-7-2011-007250_EN.html (accessed: 28.02.2025).

³⁹ Ibid.

следование светской модели государства. Во всех странах Западных Балкан с мусульманским большинством — это общественный консенсус. Также устройство жизни балканских религиозных общин не совпадает с западноевропейскими: там мусульманские общины, как правило, проживают в иной конфессиональной среде в статусе меньшинств. На Балканах же ситуация прямо противоположна: многие из них оформились в новые государства, пусть и не на религиозной основе, но став относительно или абсолютным религиозным большинством (Босния и Герцеговина, Албания — более 50%, Косово — более 90%).

Наконец, все западнобалканские мусульмане, как и последователи других конфессий в регионе, имеют ещё не забытый ныне живущими поколениями уникальный опыт масштабной и глубокой секуляризации. Именно этот опыт служит важным фактором их взаимного сближения и одновременно отдаляет от единомышленников, прибывающих с Ближнего Востока, где религия практически не ограничивалась сугубо частной сферой. На Западных Балканах велика численность так называемых социологических мусульман, чья религиозная идентификация определяется преимущественно происхождением или семейными традициями, а не регулярным участием в религиозной практике [Pantić 1991: 255]. В целом уровень религиозности в регионе, в том числе среди христианских общин, заметно выше общеевропейского⁴⁰. Тем не менее имеются основания полагать, что результат мог быть иным при проведении более детальных исследований, ориентированных на соответствующие мусульманские сообщества. Нельзя не упомянуть об одной из причин различий в институционализации религиозной жизни между мусульманскими общинами Балкан и Западной Европы: ислам как учение одно-

роден на Балканах, в то время как в Европе, ввиду многообразия происхождения мигрантов, остаётся чрезвычайно эклектичным.

Следует отметить, что балканские мусульмане, переезжающие в страны Запада, преимущественно объединяются по этнонациональному, а не религиозному принципу; также они не интегрируются в иноэтнические по составу мусульманские сообщества. Следствием такой обособленности выступает весьма ограниченная роль балканских мусульманских диаспор в организации и работе исламских представительных органов в государствах Западной Европы. Исключением является Люксембург, где бошняки составляют большинство местной мусульманской общины [Bougarel 2010: 28].

Обособленность в общем западноевропейском исламском ландшафте не привязана строго к численности балканских мусульман в эмиграции и даже сохраняется при её росте: увеличивается только число мечетей, в первую очередь бошняцких и албанских, и формируются религиозные структуры на этнонациональной основе. Например, в Германии в 1990-е годы был создан Союз исламских приходов бошняков, а в 2007 г. был назначен бошняцкий муфтий для ФРГ. Однако их деятельность ограничивается кругом интересов самой локальной общины и практически не выходит за её рамки.

Несмотря на ощутимую дистанцию с общеевропейскими мусульманскими общинами, лидеры западнобалканских мусульман пытаются участвовать в актуальной общеевропейской исламской повестке дня. Пока эти примеры единичны, результат такого взаимодействия не представляется сколь-либо значимым. Как метко было подмечено, «Юсуф аль-Кардави⁴¹ гораздо чаще переводится в исламской

⁴⁰ Eastern and Western Europeans Differ on Importance of Religion, Views of Minorities, and Key Social Issues // Pew Research Center. 29.10.2018. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2018/10/29/eastern-and-western-europeans-differ-on-importance-of-religion-views-of-minorities-and-key-social-issues/> (accessed: 28.02.2025).

⁴¹ Юсуф аль-Кардави (1926–2022) — исламский богослов, возглавлял Международный союз мусульманских учёных.

религиозной прессе Боснии и Герцеговины (и других стран Юго-Восточной Европы), чем Мустафа Церич⁴² в Западной Европе» [Bougarel 2010: 30].

Выводы

Как периферия исламского мира Западные Балканы подверглись серьёзной трансформации главным образом с точки зрения численности населения и демографических процессов в среде местных мусульманских общин. Для большинства государств региона характерен устойчивый нисходящий тренд. Исключение составляют Северная Македония и Черногория — государства немусульманского большинства. Оптимистичные прогнозы роста численности мусульман не оправдались, снижение значений наблюдается синхронно с общим демографическим снижением в регионе.

Вместе с объективными изменениями в численности общин балканский ислам переживает кризис позиционирования в рамках ЕС и т.н. европейского ислама. Не представляя значимого интереса для ближневосточных мусульман и их опыта орга-

низационно-правовой самоорганизации, балканский ислам мог бы претендовать на статус «своего» явления в рамках европейского пространства. Тем не менее процессы внутри Евросоюза, в особенности миграционные, повлекли за собой растворение «автохтонных» ранее мусульман Западных Балкан среди иммигрировавших в Западную Европу и получивших гражданство в государствах—членах Европейского союза.

Наряду с мировой и европейской уммой, балканские общины подверглись серьёзному влиянию деструктивных процессов, в частности радикализации. Несмотря на общую природу данной проблемы, она лишь усугубила разрыв между исламской традицией в государствах—членах ЕС и западнобалканским исламом. В то же время необходимость преодоления кризисных явлений в Европе может способствовать не просто сближению, но и практическому изучению, а возможно, и применению обширного исторического наследия балканских мусульман в организации жизни в многонациональной и многоконфессиональной среде.

Список литературы

- Арляпова Е.С., Пономарёва Е.Г. Ближневосточная «экспансия» на Балканы // Современная Европа. 2024. № 5. С. 126–136. DOI: 10.31857/S0201708324050103
- Безрученко В.И. «Отец бошнякской нации»: личность и политика президента Боснии и Герцеговины Алии Изетбеговича // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 133–170. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.07
- Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право, 2001. 720 с.
- Малешевич А.В. Динамика проевропейского консенсуса на постъюгославском пространстве // Международные процессы. 2023. Т. 21. №3. С. 143–160. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.3.74.8>
- Пономарёва Е.Г., Арляпова Е.С. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: Игроки и фигуры. М.: Проспект, 2024. 320 с.
- Попадьева Т.И. Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии // Обозреватель-Observer. 2021. №10 (381). С. 54–66. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_10_54
- Прокопович Д. Депопуляция Балкан: как опустошается периферия ЕС // Современная Европа. 2023. № 6. С. 71–80. DOI: 10.31857/S0201708323060074
- Свиштунова И. Балканская политика Турции: роль этноконфессиональных меньшинств // Современная Европа. 2020. № 4. С. 61–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420206171>
- Силаев Н., Сафранчук И. Симбиоз и соперничество: динамика российско-турецких отношений в перспективе теории международного статуса // Международные процессы. 2023. № 21(3). С. 86–102. DOI: <https://doi.org/10.17994/2023.21.3.74.6>

⁴² Мустафа Церич (1952 г.р.) — бывший Верховный муфтий БиГ, автор «Декларации европейских мусульман».

- Факты о Югославии / Под ред. М. Шпилевича. Белград: Югославская ревиа, 1985. 136 с.
- Энтина Е.Г., Синопольников Н.С. Фактор арабо-мусульманского мира в развитии стран бывшей Югославии и Албании // Современная Европа. 2020. № 2. С. 131–142. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020131142>
- Bougarel X. Balkan Islam as 'European Islam': Historical Background and Present Challenges // Islam und Muslime in (Südost) Europa im Kontext von Transformation und EU-Erweiterung / ed. by C. Voss, J. Telbizova-Sack. München: Otto Sagner, 2010. P. 15–31.
- Heffelfinger C. Radical Islam in America. Salafism's Journey from Arabia to the West. Dulles: Potomac Books, 2011. 182 p.
- Koppa M.E. Turkey, Gulf States and Iran in the Western Balkans: more than the Islamic factor? // Journal of Contemporary European Studies. 2021. Vol. 29. No. 2. P. 251–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/14782804.2020.1754769>
- Pantić D. Religioznost građana Jugoslavije // Jugoslavija na kriznoj prekretnici / L. Bačević. Beograd: Institut društvenih nauka, 1991. S. 241–257.
- Sheikh N.S. The New Politics of Islam. Pan-Islamic Foreign Policy in a World of States. London; New York: Routledge Curzon, 2003. 220 p.

MUSLIMS IN THE WESTERN BALKANS

FROM NUMBERS TO MEANINGS

ELENA PONOMAREVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

ELENA ARLYAPOVA

Institute of System–Strategic Analysis (ISSA), Moscow, 111398, Russia

Abstract

The article is devoted to demographic changes in Muslim communities in the Western Balkans. The study is based on the most recent population censuses (2021–2024) conducted in all countries and territories of the region, except Bosnia and Herzegovina. According to updated data, Muslims make up one-third of the total population in the area. At the same time, the number of local Muslim communities has been steadily declining. Only North Macedonia and Montenegro have demonstrated an upward trend in the number of Muslims. The decline in the Muslim population is occurring against the backdrop of general depopulation across the Balkans. The most significant loss of the Muslim population has taken place over the past decade. Interim results suggest that existing projections of the Muslim population in the region by 2050 should be reconsidered, considering the potential social, economic, cultural, and political consequences. At present, earlier forecasts appear overly optimistic. In parallel with this process, there has also been a decrease in the size of other major religious communities in the region, particularly Christian ones. In addition to demographic trends, the study focuses on the issue of the contemporary (self-)positioning of Balkan Islam within a broader European context. The analysis clarifies the boundaries of the Islamic "renaissance" in the Western Balkans. The uncertain current status of Balkan Islam, previously considered "autochthonous" to Europe, is largely driven by changes in Europe's socio-demographic structure over the past decade, particularly as a result of migration and the subsequent integration of large numbers of Muslims from the Middle East. In light of this transformation, the study identifies the distinctive features of Balkan Islam compared to other forms of European Islam: a clear commitment to the idea of a secular state – supported by a broad social consensus across all Balkan societies; the structure of local religious communities (many of which have become relative or absolute religious majorities in their respective states); a still-living generational memory of large-scale and profound secularization; and a relatively high

proportion of “sociological Muslims”—those who identify as Muslim by personal or family origin, rather than through regular religious practice.

Keywords:

Islam in the Western Balkans; Muslims in the Balkans; Muslim population; European Islam; euro-Islam; depopulation; demographics

References

- Arylapova E.S., Ponomareva E.G. (2024). Blizhnévostochnaya «ekspansiya» na Balkany [Middle East 'Expansion' into the Balkans]. *Contemporary Europe*. No. 5. P. 125–136. DOI: 10.31857/S0201708324050103
- Bezruchenko V.I. (2023). «Otec boshnyakskoy natsii»: lichnost' i politika prezidenta Bosnii i Gertsegoviny Alii Izetbegovicha [“The father of the Bosniak Nation”: Personality and Politics of the President of Bosnia and Herzegovina Alija Izetbegović]. *Slavic Almanac*. No. 3–4. P. 133–170. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.07
- Bougarel X. (2010). Balkan Islam as 'European Islam': Historical Background and Present Challenges. In: C. Voss, J. Telbizova-Sack (Hgs). *Islam und Muslime in (Südost)Europa im Kontext von Transformation und EU-Erweiterung*. München: Otto Sagner. P. 15–31.
- Entina E.G., Sinopalnikov N.S. (2020) Faktor arabo-musul'manskogo mira v razvitii stran byvshej Yugoslavii i Albanii [The Factor of the Arab-Muslim World in the Development of the Countries of Former Yugoslavia and Albania], *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2, P. 131–142. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020131142>
- Fakty o Yugoslavii / pod red. M. Shpilevicha. (1985). [Facts about Yugoslavia]. Belgrade: Yugoslav Revia. 136 p.
- Gus'kova E.Y. (2001). *Istoriya yugoslavskogo krizisa (1990–2000)* [The History of the Yugoslav crisis (1990–2000)]. Moscow: Russian Law. 720 s.
- Heffelfinger C. (2011). *Radical Islam in America. Salafism's Journey from Arabia to the West*. Dulles: Potomac Books. 182 p.
- Koppa M.E. (2021). Turkey, Gulf States and Iran in the Western Balkans: more than the Islamic factor? *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 29. No. 2. P. 251–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/14782804.2020.1754769>
- Maleshevich A.V. (2023). Dinamika proevropeyskogo konsensusa na post'yugoslavskom prostranstve [The Pro-EU party consensus dynamics in the Post-Yugoslav space]. *International Trends*. Vol. 21. No. 3. P. 143–160. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.3.74.8>
- Pantić D. (1991). Religioznost građana Jugoslavije. In: L. Bačević (ed.) *Jugoslavija na kriznoj prekretnici*. Beograd: Institut društvenih nauka. P. 241–257.
- Ponomareva E.G., Arylapova E.S. (2024). *Zapadnye Balkany v preddverii i hode tekushchego krizisa: ilgroki i figury* [The Western Balkans on the eve and during the current crisis: players and figures]. Moscow: Prospekt. 320 p.
- Popad'eva T.I. (2021) Religioznyy faktor formirovaniya grazhdanskoy identichnosti v Severnoy Makedonii [The religious factor in the formation of civic identity in North Macedonia]. *Observer*. No. 10 (381). P. 54–66. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_10_54
- Proroković D.N. (2023). Depopulyaciya Balkan: kak opustoshaetsya periferiya ES [Depopulation of the Balkans: How the EU Periphery is Hollowing Out]. *Contemporary Europe*. No. 6. P. 71–80. DOI: 10.31857/S0201708323060074
- Sheikh N.S. (2003). *The New Politics of Islam. Pan-Islamic Foreign Policy in a World of States*. London; New York: Routledge Curzon. 220 p.
- Silaev N., Safranchuk I. (2023). Simbioz i sopernichestvo: dinamika rossiysko-tureckikh otnosheniy v perspektive teorii mezhdunarodnogo statusa [Symbiosis and Rivalry: The Russian-Turkish Relations from the Perspective of the International Status Theory]. *International Trends*. Vol. 21. No. 3. P. 86–102. DOI: <https://doi.org/10.17994/2023.21.3.74.6>
- Svistunova I. (2020). Balkanskaya politika Turtsii: rol' etno-konfessional'nykh men'shinstv [Turkey's Policy in the Balkans: The Role of Ethnic and Religious Minorities]. *Contemporary Europe*. No. 4. P. 61–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420206171>

ЕВРОПЕЙСКАЯ КАМПАНИЯ 2024 г. В ГЕРМАНИИ

ПО-ПРЕЖНЕМУ ВЫБОРЫ «ВТОРОГО ПОРЯДКА»?

АЛЁНА ЛИСЕНКОВА

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

В 2024 г. состоялись десятые прямые выборы в Европейский парламент. В них приняли участие граждане всех государств-членов Европейского союза. Несмотря на устоявшуюся традицию проведения европейских кампаний, в научно-политическом дискурсе прочно укоренилось представление об их низкой значимости. В качестве подтверждения обычно используется ряд положений концепции национальных выборов «второго порядка». Цель данной статьи – оценить применимость этой концепции к кампании в Европейский парламент 2024 г. в Германии. В тексте рассматриваются статистические данные, позволяющие сопоставить результаты выборов «первого» (в Бундестаг) и «второго порядка» (в Европейский парламент). Они касаются явки, протестного голосования и результатов основных политических партий страны. Отдельное внимание уделено ключевым элементам нормативно-правовой и институциональной трансформации Европейского парламента, а также повлиявшим на результаты голосования политическим проблемам и внутрипартийным кризисам. Автор приходит к выводу, что в ходе голосований по избранию представительного органа ЕС 2014, 2019 и 2024 годов наблюдаются тенденции как постепенного роста интереса граждан к голосованию в Европейский парламент, так и снижения процента испорченных бюллетеней. Тем не менее по некоторым признакам выборы 2024 г. всё ещё можно характеризовать как второстепенные. Например, явка в 2024 г. была существенно ниже, чем в рамках предшествовавшей федеральной кампании 2021 года. При этом участники находящейся во второй половине своего срока правящей коалиции «Светофор» потерпели неудачу. Прослеживалось и протестное голосование как за евроскептиков, так и за еврооптимистов. Наконец, весомое значение имела совокупность экономических, энергетических, внешнеполитических и миграционных проблем, а также системный кризис партии «Левая».

Ключевые слова:

концепция национальных выборов «второго порядка»; Европейский парламент; европейские выборы 2024 года; Германия

В 1979 г. состоялись первые прямые выборы в Европейский парламент. Осмысливая их итоги, Карлхайнц Райф и Герман Шмитт сформулировали концепцию национальных выборов «второго порядка». В 2024 г. прошла юбилейная десятая кампания. За эти годы законодательство и

институты Европейского союза (ЕС) подверглись значительной трансформации. Вместе с тем у исследователей сохраняется ряд оснований опираться на предложенную концепцию, квалифицирующую европейские выборы как второстепенные, хотя сами составители считали её достаточно

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2024

Дата принятия к публикации: 15.11.2024

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: alena.denisovna@yandex.ru

грубой. По их мнению, она не учитывает среди прочего политическую или экономическую ситуацию в стране на момент выборов [Reif, Schmitt 1980]. Тем не менее многие её положения, более подробно представленные ниже, и по сей день достаточно чётко отражают тенденции, свойственные голосованию в Европейский парламент.

Государственная форма правления страны традиционно определяет принадлежность голосования к «первому порядку». Например, в США к ним относятся президентские выборы, а в Германии, парламентской республике, на них избирается Бундестаг. К национальным выборам «второго порядка», в первую очередь, можно отнести наднациональные (европейские) и субнациональные (земельные) кампании. В своём названии они сохраняют определение «национальные». Связано это с тем, что даже голосование в Европейский парламент по-прежнему проводится отдельно в каждом государстве-члене, а не в ЕС как в едином объединении.

Согласно концепции, национальным выборам «второго порядка» свойственны менее высокий уровень участия, в частности низкая явка, но более широкие перспективы для малых и новых партий, а также популистских, радикальных или протестных, в том числе в отношении ЕС. Другими критериями являются высокий процент недействительных бюллетеней (протестное голосование) и проигрыш правительственных партий. У последних отмечаются минимальные результаты в середине национального избирательного цикла, хотя сразу после выборов «первого порядка» в ходе своего «медового месяца» непосредственно после прихода к власти они могут рассчитывать на большую поддержку [Reif et al. 1980; Norris, Reif 1997; Hix, Marsh 2007]. Осознавая невозможность нанесения существенного ущерба правящим силам, избиратели пытаются зачастую их наказать [Milosavljević, Milovanović 2019]. Чаще всего они голосуют либо искренне за менее влиятельные, но привлекательные партии, либо стратегически как выражение протеста [Schmitt et al. 2020]. Примечательно,

что в период «медового месяца» явка также может оказаться несколько ниже, а поддержка правящих сил выше. Накануне очередных национальных выборов партии особенно заинтересованы в инвестировании ресурсов в европейскую кампанию, поскольку это позволяет сформировать определённый задел перед более значимым голосованием [Hix, Marsh 2007].

Пиппа Норрис также отмечала, что в голосовании прослеживается высокая степень зависимости от уровня популярности партий на национальном уровне, а не от актуальных вопросов, находящихся на общеевропейской повестке дня. Кроме того, европейским проблемам, связанным с деятельностью наднациональных институтов, и подобным вопросам в принципе не свойственно выходить на передний план [Norris et al. 1997].

Работы, посвящённые применимости концепции к голосованию в Европейский парламент, в основном встречаются в зарубежной научной литературе, приуроченной к очередной кампании. В них оцениваются общие тенденции на выборах [Giebler 2019; Schmitt et al. 2020; Felix 2021], равно как и предметно разбираются кампании в конкретной стране [Lasan 2020, Jurkynas 2024; Efthymiopoulos et al. 2024]. Зачастую используются лишь некоторые положения концепции (например, повышенный интерес к протестным партиям) в исследованиях по голосованию на европейских выборах в отдельных государствах-членах, в том числе в ФРГ [Ondarza et al. 2018; Korte 2020]. В российской академической литературе концепции уделено не так много внимания, но она всё-таки упоминается рядом специалистов, анализирующих, например, явку [Кузнецов 2019], политические последствия выборов [Федоров 2019], влияние последних на результаты общеевропейской повестки [Кавешников 2020] или участие в выборах посткоммунистических стран [Самолётова 2013].

Цель статьи — оценить применимость концепции национальных выборов «второго порядка» к кампании в Европейский парламент 2024 г. в Германии. Исследо-

Таблица 1
Явка на выборах в Бундестаг и Европейский парламент

Год	Нац. явка ФРГ, %	Год	Европ. явка ФРГ, %	Европ. явка ЕС, %
1976	90,7	1979	65,7	62
1980	88,6	—	—	—
1983	89,1	1984	56,8	59
1987	84,3	1989	62,3	58,4
1990	77,8	—	—	—
1994*	79	1994	60	56,7
1998	82,2	1999	45,2	49,5
2002	79,1	2004	43	45,5
2005	77,7	—	—	—
2009*	70,8	2009	43,3	43
2013	71,5	2014	48,1	42,6
2017	76,2	2019	61,4	50,7
2021	76,4	2024	64,8	51,1

*Выборы в Европейский парламент прошли раньше, чем в Бундестаг.

Источник: Wahlbeteiligung bei den Bundestagswahlen in Deutschland von 1949 bis 2021 // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/2274/umfrage/entwicklung-der-wahlbeteiligung-bei-bundestagswahlen-seit-1949/> (дата обращения: 24.06.2024); Wahlbeteiligung // European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/de/wahlbeteiligung/> (дата обращения: 06.07.2024).

вание именно данной страны представляется актуальным как ввиду её лидирующей политической и экономической роли в объединении, так и в связи с наличием у неё самой многочисленной делегации в Европейском парламенте. Автор ставит перед собой ряд задач. Прежде всего, при помощи сравнительного анализа рассмотреть статистические данные, касающиеся явки, протестного голосования и результатов партий Германии. Кроме того, посредством системного анализа проанализировать не только особенности эволюции Европейского парламента как института, но и политические проблемы и внутрипартийные кризисы, имеющие отношение к кампании 2024 года.

Таким образом, представленная статья состоит из двух разделов, первый из которых посвящён явке и основным причинам её изменения на выборах «второго порядка» 2024 г. в Германии и ЕС, а второй — протестному голосованию и результатам партий на выборах «второго порядка» 2024 г. в Германии.

Явка на выборах «второго порядка» 2024 г. в Германии и ЕС и основные причины изменений

Результаты избирательной кампании 2024 г. в Европейский парламент показали невысокую явку (табл. 1), при этом с 1979 по 2024 г. она ни разу не была выше, чем на выборах в Бундестаг. Тем не менее если после повышенного интереса к первому голосованию 1979 г. в среднем по Европейскому союзу с каждым новыми выборами интерес граждан последовательно снижался и достиг своего минимума в 2014 году, то с 2019 г. явка вновь начала расти. Ситуация в Германии соответствовала общим тенденциям в рамках интеграционного объединения: показатели явки в стране также существенно возросли в ходе трёх последних кампаний.

Для объяснения колебаний явки на обоих уровнях в разные годы можно выделить ряд общих факторов: новые этапы расширения ЕС, даты проведения выборов, *Brexit*, обязательный характер голосования в некоторых государствах-членах, воссое-

динение Германии, институциональные преобразования и изменение восприятия европейской интеграции и Европейского парламента, в частности, вследствие активизации освещения избирательных кампаний в СМИ.

В период 2004–2014 годов на общеевропейских результатах негативно сказалось не только снижение поддержки европейской интеграции в целом [Nix et al. 2007], но и волны расширений. Например, в 2004 г. к объединению присоединились Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония. В 2007 г. список членов пополнили Болгария и Румыния, а в 2013 году – Хорватия. Средняя явка у ЕС-15 (государства-члены после расширения 1995 г.) в 2004 г. составила 52,7%, в 2009 году – 52,6, в 2014 году – 51,8%. В 2019 г. разрыв между средним по ЕС-28 и ЕС-15 (55,98%) впервые составил менее 7 п.п., а в 2024 году (ЕС-14 с 54,87%) – менее 4 п.п. В совокупности у 9 из 13 новых государств-членов с 2019 по 2024 г. явка увеличилась, как и в сравнении кампаний 2024 г. с первыми для некоторых из них выборами в Европейский парламент, прошедшими в зависимости от даты присоединения в 2004, 2007 или 2013 годах. Тем не менее о полном выравнивании ситуации говорить преждевременно. Примечательно, что кампания 2024 г. прошла без покинувшей ЕС Британии (*Brexit*), у которой традиционно была одна из самых низких явок из ЕС-15¹. Зачастую положительное влияние на рост оказывало и расположение национальных выборов близко или одновременно с наднациональными [Milosavljević 2019].

В некоторых государствах-членах голосование является обязательным. В 2024 г. данное правило коснулось граждан Бель-

гии, Болгарии, Люксембурга и с некоторыми оговорками Греции². Тем не менее статистически данная мера серьёзно повлияла только в Бельгии и Люксембурге. В сравнении с последними (82–92%) показатели Германии трудно назвать высокими, так как они даже в лучшие времена (1979, 2019, 2024) колебались возле отметки в 65%. Между тем в большинстве кампаний они были выше средних по ЕС³.

Отдельно следует затронуть и фактор воссоединения страны в 1990 году. На первый взгляд он не оказал существенного влияния на средние результаты, поскольку на первых после него выборах в 1994 г. расхождения в подсчётах с учётом новых земель и без них минимальные⁴. В то же время некоторые эксперты полагают, что изначальная эйфория, а затем и разочарование были свойственны всей стране, что в итоге отразилось на итогах ряда кампаний после 1994 года [Горчакова 2010].

Трансформация Европарламента, которая началась ещё с 1990-х годов, была нацелена на преодоление так называемого демократического дефицита. Фундаментальная проблема содержала два ключевых и взаимосвязанных компонента: граждане недостаточно интересовались деятельностью представлявшего их интересы института, а государства всячески сопротивлялись дополнительному делегированию парламентских полномочий наверх. Тем не менее влияние парламента постепенно менялось, что, вероятно, сыграло не последнюю роль в изменении заинтересованности населения в его работе. В частности, он стал участвовать в «процедуре совместного принятия решений» (Маастрихтский договор 1992 года), которая со временем распространилась на значительный спектр направ-

¹ Wahlbeteiligung // European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/de/wahlbeteiligung/> (дата обращения: 06.07.2024).

² 2024 European elections: National rules // European Parliament URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/754620/EPRS_ATAG\(2023\)754620_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/754620/EPRS_ATAG(2023)754620_EN.pdf) (accessed: 06.07.2024).

³ Wahlbeteiligung // European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/de/wahlbeteiligung/> (дата обращения: 06.07.2024).

⁴ Wahlbeteiligung bei den Europawahlen in Deutschland von 1979 bis 2024 nach Bundesländern // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/6862/umfrage/wahlbeteiligung-zur-europawahl-in-deutschland-nach-bundeslaendern-seit-1979/> (дата обращения: 03.07.2024).

лений политики интеграционного объединения. Согласно Лиссабонскому договору 2007 года, она начала именоваться «обычной законодательной процедурой». В соответствии с Маастрихтским договором требовалось одобрение Европейским парламентом состава Европейской комиссии и её председателя перед их назначением. В Амстердамском договоре 1997 г. содержался пункт, касающийся специального парламентского одобрения кандидатуры главы Европейской комиссии до назначения остальных еврокомиссаров⁵. Наконец, в конце 1990-х годов Европейский парламент ещё больше усилил свои позиции. Сначала он отказался принять бюджетный отчёт Европейской комиссии за 1996 год. Вотум недоверия, на который наднациональный парламент имеет право согласно Римскому договору 1957 года, принят не был. Тем не менее в ходе проведения дополнительного рассмотрения ситуации институт вынудил Европейскую комиссию Жака Сантера уйти в отставку⁶.

Низкий интерес и осведомлённость о выборах в Европейский парламент также порождались отсутствием понимания функционала института и его влияния (как и избранных депутатов от той или иной страны) на повседневную жизнь, восприятием его роли исключительно как вспомогательной, равно как и недостаточным вниманием к сугубо европейским темам в сочетании с нехваткой фигур европейского масштаба. Последнее сопровождалось достаточно укоренившимся стереотипом о «почётной пенсии» в органах Европейского союза, подкреплявшимся выражением «если у тебя есть дед, отправь его в Европу»⁷. Со временем наднациональный представительный институт стал восприниматься и как воз-

можный этап для состоявшихся политиков, и как трамплин в политической карьере. Ряд видных государственных деятелей были депутатами Европейского парламента, например премьер-министр Хорватии Андрей Пленкович (с 2016 года) и федеральный министр продовольствия и сельского хозяйства Германии Джем Оздемир (с 2021).

Наблюдаемый преимущественно с 2010-х годов больший уровень освещения в СМИ европейских кампаний и на различных онлайн-платформах в равной степени способствовал решению проблемы низкого интереса и осведомлённости о выборах в Европейский парламент, равно как и закрепления в Лиссабонском договоре положения о назначении главы Европейской комиссии «с принятием во внимание выборов в Европейский парламент» [Гуселетов 2024]⁸. В ЕС стали проводиться дебаты, посвящённые в большей степени обще-европейским вопросам, между ведущими кандидатами на должность председателя Европейской комиссии (нем. *Spitzenkandidaten*). При этом у граждан ЕС сформировалось восприятие, что они могут выбрать не только парламент, но и будущего главу Еврокомиссии.

Впервые убедиться в реальности подобного рода назначения избиратели смогли в 2014 году, когда председателем Европейской комиссии стал Жан-Клод Юнкер. Правда, ситуация была в некоторой степени омрачена итогами кампании 2019 года, поскольку вместо изначального кандидата от Европейской народной партии и Христианско-социального союза (ХСС) в Баварии Манфреда Вебера была назначена Урсула фон дер Ляйен — член Европейской народной партии и Христианско-демократического союза Германии (ХДС). Вопрос

⁵ The European Parliament: Powers. URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/19/the-european-parliament-powers> (дата обращения: 06.07.2024).

⁶ The crisis of the Santer Commission // CVCE. 08.07.2016. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2004/6/17/7380f95b-1fb2-484d-a262-d870a0d5d74d/publishable_en.pdf (accessed: 14.03.2023).

⁷ Schulz S. Ch. „Hast du einen Opa, schick ihn nach Europa“ // Redaktionsnetzwerk Deutschland. 18.04.2024. URL: <https://www.rnd.de/politik/hast-du-einen-opa-schick-ihn-nach-europa-SD6Z6XQFYFGRDAX2ETGZ15LZNQ.html> (дата обращения: 06.07.2024).

⁸ Treaty of Lisbon // Official Journal of the European Communities. 2007. № C 306. Art. 9 D (7).

введения транснациональных партийных списков, позволивших бы ещё в большей степени сосредоточиться на европейских темах [Felix 2021], аналогичным образом уже долгое время выступает проблемным пунктом для Европейского парламента. Тем не менее тенденция, проявившаяся в 2014 г. в ФРГ и в 2019 г. в среднем по ЕС, на постепенное повышение явки сохранилась в 2024 году.

Крайне правые евроскептики (в созыве 2019–2024 годов политическая группа национал-консерваторов и правых популистов, зачастую обвиняемых и в национализме, «Идентичность и демократия», распавшаяся в 2024 г. на «Патриотов за Европу» и «Европу суверенных наций») ранее имели основания ставить под сомнение допустимость влияния на национальную политику и в целом легитимность института, формируемого явно недостаточным количеством электората [Горчакова 2010]. Тем самым на фоне ряда кризисов, в частности евро, миграции и *Brexit*, им удалось завоевать себе дополнительную популярность как в ЕС в целом, так и в Германии в частности⁹. В конце 2000-х годов ситуацию усугубило идущее параллельно с мировым экономическим кризисом затянувшееся вступление в силу Лиссабонского договора, которое не просто произошло после выборов 2009 года, но и было омрачено результатами Первого лиссабонского референдума в Ирландии в июне 2008 года. Таким образом, крайне правые евроскептики долго наблюдали за последствиями институциональной трансформации и роста интереса граждан к европейским выборам, а также затянувшихся кризисов.

Несмотря на многолетние разногласия среди национальных партийных лидеров, они со временем последовали примеру правых (политическая группа либеральных, национал- и от части религиозных консерваторов «Европейские консерваторы и реформисты») и левых разной степени

радикальности (политическая группа экологов, демократических социалистов и коммунистов «Левые в Европейском парламенте – ЕОЛ/ЛЗС») евроскептиков, определив для себя необходимость как большего участия в наднациональных структурах, так и развития транснационального партийного сотрудничества [Погорельский 2022; Гуселетов 2023]. В частности, руководствуясь стремлением к увеличению собственного влияния, в том числе на структуры ЕС изнутри, «Альтернатива для Германии» (АдГ) вступила в Партию идентичности и демократии в 2023 году. Правда, уже в 2024 г. она была исключена из данного транснационального объединения [Zemánek 2024]. После выборов АдГ создала собственную фракцию «Европа суверенных наций» с одноимённой транснациональной партией.

Евроскептики со своей в большей степени направленной на общеевропейскую проблематику повесткой подтолкнули и еврооптимистов не только к большему привлечению ресурсов для наднациональных кампаний, но и к обсуждению касающихся ЕС тем [Milosavljević, Milovanović 2019]. Между тем от протестного голосования чаще всего выигрывали и «зелёные», пользующиеся популярностью у электората, настроенные относительно еврооптимистично [Nix, Marsh 2007]. В совокупности противостояние между двумя лагерями партий (скептики и оптимисты) не только привело к раздробленности парламента, но и подтолкнуло к росту интереса избирателей [Milosavljević, Milovanović 2019].

Таким образом, стоит подчеркнуть изменения в явке на выборах в Европейский парламент. На уровне ЕС она растёт в течение двух последних кампаний, тогда как в Германии – в течение трёх. Однако явка всё ещё ниже показателей на национальных выборах. Причин положительной динамики на двух уровнях можно выделить достаточно много. В качестве примера можно привести институциональную

⁹ Comparative tool // European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/tools/comparative-tool/> (accessed: 06.07.2024).

трансформацию и изменение отношения к Европарламенту, более частые освещения кампаний в СМИ.

Протестное голосование и результаты партий на выборах «второго порядка» 2024 г. в Германии

Выбор граждан можно оценивать по ряду критериев. Значение имеют как различные формы протестного голосования (например, испорченные бюллетени), так и в целом результаты правящих и оппозиционных партий, в том числе малых и новых, а также популистских, радикальных или протестных. Отдельно здесь следует отметить существование различных политических и экономических обоснований, влияющих на появление расхождений между результатами голосования и положениями концепции.

Один из критериев, отражающих отношение граждан к выборам разных уровней, — доля испорченных бюллетеней. В ФРГ этот показатель существенно различается на государственных и надгосударственных выборах. На федеральном уровне у граждан есть два голоса: первый — за конкретного кандидата, второй — за партийный список. В ходе европейской кампании избиратели могут отдать только один голос за список. Примечательно, что в рамках рассматриваемой выборки с 1976 по 2021 г. на всех выборах в Бундестаг доля испорченных бюллетеней в первом случае была выше, чем во втором. Подобное наблюдение не только подтверждает релевантность данного показателя, но и связано с двумя основными факторами, касающимися именно вторых голосов. Речь идёт о необходимости преодоления 5-процентного барьера (за рядом исключений¹⁰) для попадания в национальный парламент и зависимости пропорционального распределения от них. В данном исследовании сравнение единственного европейского голоса именно

со вторым голосом на национальных выборах в Германии является наиболее целесообразным. Он аналогично влияет как на пропорциональное распределение мест в парламенте, так и на попадание в него в принципе.

Статистика показала (табл. 2), что доля испорченных бюллетеней на первых выборах в Европейский парламент (1979) совпала с предшествовавшим голосованием в Бундестаг (1976). Это обстоятельство вновь подтвердило повышенный интерес к первой европейской кампании. Тем не менее уже на последующих выборах доля европейских испорченных бюллетеней традиционно была выше, чем по вторым голосам на федеральных выборах. До 2014 г. включительно разница между этими двумя голосами составляла 0,2 п.п. и более. Первым исключением стали выборы 2019 года, когда различие было незначительным (1% и 1,09%), тогда как в 2024 г. впервые в истории выборов в Европейский парламент отметка была ниже, чем в рамках предшествовавшей федеральной кампании.

Бундестаг по результатам выборов 2021 г. сформировали семь основных политических партий: «сестринский» блок двух партий Христианско-демократический союз Германии/Христианско-социальный союз в Баварии, Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Свободная демократическая партия (СвДП) Германии, «Союз 90/Зелёные», партия «Левая» (ранее Партия демократического социализма и «Левая партия. ПДС») и «Альтернатива для Германии». Их также часто называют «эталонными», то есть формирующими правительство на национальном и субнациональном уровнях и/или регулярно проходящие в парламенты этих уровней. Если руководствоваться подобной классификацией, то к перечисленным можно было бы отнести и партию «Свободных избирателей», но они в Бундестаге не представлены.

¹⁰ Помимо преодоления 5-процентного барьера в Германии на попадание в Бундестаг на разных этапах влиял и ряд оговорок. Так, 5%-ный барьер не действует для партий национального меньшинства. Кроме того, случались прецеденты, когда партии проходили в национальный парламент благодаря получению прямых мандатов по первым голосам.

Таблица 2
Доля испорченных бюллетеней на выборах в Германии

Год	Доля		Год	Доля
	1-й голос, %	2-й голос, %		Единый голос, %
1976	1,2	0,9	1979	0,9
1980	1,3	0,9	—	—
1983	1,1	0,9	1984	1,5
1987	1,3	0,9	1989	1,1
1990	1,5	1,1	—	—
1994	1,7	1,3	1994	2,4
1998	1,6	1,3	1999	1,5
2002	1,5	1,2	2004	2,8
2005	1,8	1,6	—	—
2009	1,7	1,4	2009	2,2
2013	1,5	1,3	2014	1,64
2017	1,2	1	2019	1,09
2021	1	0,9	2024	0,8

Источник: Ungültige Stimmabgabe. URL: <https://www.bundeswahlleiterin.de/service/glossar/u/ungultige-stimmabgabe.html> (дата обращения: 24.06.2024); Wahlergebnis der Europawahl am 9. Juni 2024 in Deutschland (vorläufiges). URL: <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/europawahl/2024-deutschland.htm> (дата обращения: 26.06.2024).

В то же время ХДС/ХСС и СДПГ традиционно обозначаются как «народные», то есть массовые и претендующие на руководство федеральным правительством. Причислить какие-либо другие силы к последним было бы преждевременно, как и исключать СДПГ. Несмотря на неудачи последней в двух европейских кампаниях подряд¹¹, выборы 2021 г. она выиграла, пусть и преимущественно за счёт неудач оппонентов и личного авторитета Олафа Шольца. «Зелёные», в свою очередь, после рекордного второго места 2019 г. и весьма успешного выступления в 2021 г. не смогли закрепить результаты в 2024 году, когда климатическая повестка пошла на спад. Между тем АдГ в 2024 г. первый раз в истории вышла на второе место на выборах.

К основным силам в созыве Бундестага 2021 г. присоединился крайне малый Союз южношлезвигских избирателей (СЮИ)

благодаря более лояльным требованиям к партиям национального меньшинства. На европейских выборах подобных оговорок нет. Следовательно, рассмотрение концепции национальных выборов «второго порядка» применительно к СЮИ не являлось бы корректным.

С недавних пор, после раскола в партии «Левая», политические реалии позволяют с определённой долей условности включить в число основных партий и «Союз Сары Вагенкнехт — за разум и справедливость» (ССВ). Новая сила не участвовала в национальной избирательной кампании 2021 года, но имела достаточный рейтинг (свыше 8% на середину сентября 2024 года) и, по некоторым прогнозам, претендовала на нишу левых в Бундестаге в 2025 г. Популярность последних падала не первый год — около 3% на середину сентября 2024 года [Павлов, Дмитриев 2024]¹². Тем

¹¹ СДПГ опустилась с традиционного второго места на третье.

¹² Лисенкова А.Д. В Германии сломался «светофор»? // РСМД. 14.06.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/v-germanii-slomalsya-svetofor/> (дата обращения: 15.07.2024); Neueste Wahlumfragen im Wahltrend zur Bundestagswahl. URL: <https://dawum.de/Bundestag/> (дата обращения: 12.07.2024).

временем на земельных выборах в Бранденбурге, Саксонии и Тюрингии в сентябре 2024 г. ССВ вошла в тройку сильнейших партий, достигнув к тому же в своих результатах двузначных показателей. Прошлые неудачи С. Вагенкнехт, в частности создание движения «Вставай!», вызывали некоторые опасения на предмет будущего партии, но надежду внушали рейтинги и перманентный кризис «Левой». На пользу пошло и грамотное решение начать со второстепенных выборов как в Европейский парламент, так и в ландтаги именно Восточной Германии, где ранее наиболее сильно тяготевший к левым электорат всё больше в ней разочаровывался.

В соответствии со спецификой избирательной системы страны ключевое значение имеет установленный в 1953 г. 5-процентный барьер по вторым голосам на федеральных выборах. Именно по этому критерию в большей степени следует проводить черту между малыми и крайне малыми партиями. К первым можно отнести СвДП, «зелёных», левых, АдГ и ССВ. Вместе с тем стоит сделать ряд оговорок. В частности, 2 декабря 1990 г. прошли первые выборы в воссоединившейся Германии, где 5-процентный барьер существовал отдельно для западных земель и отдельно для восточных. Тогда «Союз 90» и Партия зелёных ГДР в составе единой коалиции смогли пройти в Бундестаг, а «Зелёные» ФРГ этот барьер не преодолели¹³. Впрочем, 3 декабря 1990 г. западные и восточные «зелёные» объединились, а в 1993 г. стали единой силой с «Союзом 90». Партия «Левая» также несколько раз сталкивалась с проблемой преодоления 5-процентного порога по вторым голосам. В 1994 и 2021 годах её спасло правило полу-

чения трёх и более прямых мандатов по первым голосам. В 2002 г. прямых мандатов было только два, потому и в парламент прошли только два депутата, а не пропорциональная проценту полученных голосов делегация.

На выборах в Европейский парламент до 2011 г. также действовал 5-процентный барьер, но позднее его признали неконституционным [Румянцев 2011]. В 2013 г. была осуществлена попытка внедрения нового ограничения в 3%, но и оно не продержалось до выборов 2014 года¹⁴. Несмотря на обширные дискуссии, порог на выборах 2024 г. установлен не был, хотя в других государствах-членах он всё-таки присутствовал, например 5% в Венгрии и 4% в Италии¹⁵. Следовательно, ряд крайне малых партий также не в первый раз имели возможность пройти в наднациональный институт. Ни одна из них, равно как и партия «Левая», не преодолела бы 5-процентный порог, если бы проводилось голосование в Бундестаг.

Тем не менее, в том числе из-за отсутствия столь острого опасения по поводу непреодоления барьера, большинство крайне малых партий, прошедших в Европарламент, действительно выступило успешнее: «Свободные избиратели» (2,7 вместо 2,4%), «Вольт» (2,6 вместо 0,4%), «ПАРТИЯ» (1,9 вместо 1%), Экологическая демократическая партия (0,6 вместо 0,2%), Партия прогресса (0,6 вместо 0%), Пиратская партия (0,5 вместо 0,4%). Исключение составила Партия защиты окружающей среды животных (1,4 вместо 1,5%), а Семейная партия в 2021 г. выдвигалась только в формате прямого кандидата в избирательном округе (1 голос), потому провести корректное сравнение не

¹³ Die erste Bundestagswahl im vereinigten Deutschland // Bundestag. 2015. URL: <https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2015/kw49-kalenderblatt-gesamtdeutsche-wahl-392912> (дата обращения: 25.06.2024).

¹⁴ Grundgesetz: Verfassungsrichter kippen Dreiprozenthürde für Europawahl // Spiegel. 26.02.2014. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/verfassungsrichter-kippen-dreiprozenthuerde-fuer-europawahl-a-955704.html> (дата обращения: 25.06.2024).

¹⁵ 2024 European elections: National rules // European Parliament. 2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/754620/EPRS_ATA\(2023\)754620_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/754620/EPRS_ATA(2023)754620_EN.pdf) (accessed: 06.07.2024).

Таблица 3
Результаты выборов в Европейский парламент для основных партий Германии (1979–2024), %

Год	ХДС	ХСС	СДПГ	СвДП	«Зелёные»	Левые	АдГ	ССВ
1979	39,1	10,1	40,8	6	—	—	—	—
1984	37,5	8,5	37,4	4,8*	8,2	—	—	—
1989	29,5	8,2	37,3	5,6	8,4	—	—	—
1994	32	6,8	32,2	4,1*	10,1	4,7*	—	—
1999	39,3	9,4	30,7	3*	6,4	5,8	—	—
2004	36,5	8	21,5	6,1	11,9	6,1	—	—
2009	30,7	7,2	20,8	11	12,10	7,5	—	—
2014	30	5,3	27,3	3,4	10,7	7,4	7,1	—
2019	22,6	6,3	15,8	5,4	20,5	5,5	11	—
2024	23,7	6,3	13,9	5,2	11,9	2,7	15,9	6,2

*Порог не преодолен.

Источник: Ergebnisse früherer Europawahlen // Die Bundeswahlleiterin, Wiesbaden. 12.07.2024. 46 p . URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/dam/jcr/0872e1f8-935a-45d6-a0f1-a3352fb4bc69/ew_ergebnisse_gesamt.pdf (дата обращения: 24.06.2024).

представляется возможным¹⁶. Применение концепции к данным партиям, как и в случае с СЮИ, не являлось бы уместным, но на этот раз из-за отсутствия 5-процентного барьера.

Исторически правящими партиями в Германии являлись либо блок ХДС/ХСС, либо СДПГ. Начиная с 1949 г. ни одна другая сила ни разу не получала возможности возглавить правительственную коалицию. Вместе с тем присутствовало многообразие коалиций, где младшие партнёры также получали допуск к управлению. С 1976 г. это состоящие либо из СДПГ и СвДП «Красно-жёлтые» (1976–1980, 1980–1982), либо из ХДС/ХСС и СвДП «Чёрно-жёлтые» (1982–1983, 1983–1987, 1987–1990, 1990–1994, 1994–1998, 2009–2013), либо из СДПГ и «зелёных» «Красно-зелёные» (1998–2002, 2002–2005), либо из ХДС/ХСС и СДПГ «Большие» («Чёрно-красные») (2005–2009, 2013–2017, 2018–2021) коали-

ции. С 2021 г. у власти в Германии находится коалиция «Светофор» («Красно-зелёно-жёлтая»), куда входят СДПГ, «зелёные» и СвДП¹⁷.

Результаты выборов двух уровней с 1970-х годов в большинстве случаев оправдывали положения концепции национальных выборов «второго порядка» (табл. 3 и табл. 4). В частности, показатели ХДС подтвердили её во всех случаях. Когда партия находилась у власти, она традиционно выступала на европейских выборах хуже, а в оппозиции — лучше. Исключение составил только 2009 год, но тогда федеральные выборы шли вслед за наднациональными, потому данный год тоже не противоречит концепции. Результаты других партий в ряде случаев отходили от положений, потому как данные силы выступали всё-таки хуже или лучше, чем предполагалось концепцией: ХСС в 1979, 2004, 2019 годах; СДПГ в 1979, 1984, 1994, 2009, 2014 годах; СвДП в 1999,

¹⁶ Comparative tool // European Parliament. 2024. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/tools/comparative-tool/> (accessed: 06.07.2024); Ergebnisse früherer Bundestagswahlen // Der Bundeswahlleiter, Wiesbaden. 2022. 130 p. URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/dam/jcr/397735e3-0585-46f6-a0b5-2c60c5b833de6/btw_ab49_gesamt.pdf (дата обращения: 24.06.2024).

¹⁷ Wahlperioden 1949-2025. URL: <https://www.btg-bestellservice.de/pdf/70139000.pdf> (дата обращения: 09.04.2024).

Таблица 4
Результаты выборов в Бундестаг для основных партий Германии (1976–2021)¹⁸, %

Год	ХДС		ХСС		СПДГ		СвДП		«Зелёные»		Левые		АлГ	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Голос														
1976	38,3	38	10,6	10,6	43,7	42,6	6,4	7,9	—	—	—	—	—	—
1980	35,6	34,2	10,4	10,3	44,5	42,9	7,2	10,6	1,9	1,5*	—	—	—	—
1983	41	38,2	11,1	10,6	40,4	38,2	2,8	7	4,1	5,6	—	—	—	—
1987	37,5	34,5	10,2	9,8	39,2	37	4,7	9,1	7	8,3	—	—	—	—
1990	38,3	36,7	7,4	7,1	35,2	33,5	7,8	11	4,4 (5,5) 1,2 (6,1)	3,8 (4,8*) 1,2 (6,1)	2,3	2,4	—	—
1994	37,2	34,2	7,8	7,3	38,3	36,4	3,3	6,9	6,5	7,3	4,1	4,4	—	—
1998	32,2	28,4	7,3	6,7	43,8	40,9	3	6,2	5	6,7	4,9	5,1	—	—
2002	32,1	29,5	9	9	41,9	38,5	5,8	7,4	5,6	8,6	4,3	4	—	—
2005	32,6	27,8	8,2	7,4	38,4	34,2	4,7	9,8	5,4	8,1	8	8,7	—	—
2009	32	27,3	7,4	6,5	27,9	23	9,4	14,6	9,2	10,7	11,1	11,9	—	—
2013	37,2	34,1	8,1	7,4	29,4	25,7	2,4	4,8*	7,3	8,4	8,2	8,6	1,9	4,7*
2017	30,2	26,8	7	6,2	24,6	20,5	7	10,7	8	8,9	8,6	9,2	11,5	12,6
2021	22,6	19	6	5,2	26,4	25,7	8,7	11,4	13,9	14,8	4,9	4,9	10,2	10,4

* Порог не преодолен.

** Данные представлены отдельно как у западных и восточных «зелёных», так и в среднем по стране и отдельно по Западной и Восточной Германии.

Источники: составлено автором на основе статьи Сласского [2006]; Ergebnisse früherer Bundestagswahlen // Der Bundeswahlleiter, Wiesbaden. 2022. URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/dam/jcr/397735e3-0585-46f6-a0b5-2c60c3b83de6/btw_ab49_gesamt.pdf (дата обращения: 24.06.2024); Grüne Partei der DDR // Chronik der Wende. URL: https://www.chronikderwende.de/lexikon/glossar/glossar_jsp/key=gr%25fscnepartei.html (дата обращения: 06.07.2024).

¹⁸ Ergebnisse früherer Bundestagswahlen. URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/dam/jcr/397735e3-0585-46f6-a0b5-2c60c3b83de6/btw_ab49_gesamt.pdf (дата обращения: 24.06.2024); Grüne Partei der DDR. URL: https://www.chronikderwende.de/lexikon/glossar/glossar_jsp/key=gr%25fscnepartei.html (дата обращения: 06.07.2024).

2004, 2014, 2019 годах; «зелёные» в 2004 году; левые в 2009, 2014, 2019, 2024 годах и АдГ в 2019 году.¹⁸

В то же время, когда выборы двух уровней приходились на один и тот же год (2009), более корректно было бы ориентироваться не на всех членов предстоящей коалиции, а только на потенциального победителя / старшего партнёра, если только не предстояло возобновление действующей коалиции в следующем созыве Бундестага (1994). Пребывание в коалиции может отразиться на результатах уже всех формирующих правительство партиях, например СвДП в 2014 году. Погрешность можно учитывать и в отношении ХСС, который является частью и другого коалиционного сотрудничества (сестринский блок двух партий ХДС/ХСС), что в определённой мере отражает позицию избирателей Баварии, где непосредственно функционирует эта партия. Если результаты блока ХДС/ХСС рассматривать в совокупности, как он и представлен во фракции / политической группе, то погрешность нивелируется.

Выборы в Европейский парламент летом 2024 г. пришлось на вторую половину национального избирательного цикла: «медовый месяц» уже закончился, и следующее голосование в Бундестаг должно было пройти осенью 2025 года. Правящая коалиция в составе СДПГ, «зелёных» и СвДП в 2024 г. набрала 13,9, 11,9 и 5,2%, выступив хуже, чем на федеральных выборах 2021 г. во всех трёх случаях (табл. 3). Для сравнения: в сентябре 2021 г. их результаты по вторым голосам составили 25,7, 14,8 и 11,4% (табл. 4). Усилил свои позиции главный оппозиционный оппонент на федеральном уровне и традиционный победитель всех наднациональных кампаний в Германии в лице блока ХДС/ХСС: 23,7% у ХДС и 6,3% у ХСС вместо 19 и 5,2% в ходе голосования в Бундестаг. Блок, хотя и не является действующим членом правящей коалиции, считается «мейнстримным» и «народным», потому не относится к малым, популистским или радикальным партиям. Таковы-

ми можно назвать трёх оставшихся протестных игроков из списка основных национальных партий страны. Прежде всего речь идёт об АдГ, которая впервые в истории вышла на второе место, получив 15,9 вместо 10,4%. Партия «Левая» уже не первый год теряет свои позиции (2,7 вместо 4,9%). Наконец, ССВ продемонстрировал достаточно успешные результаты (6,2%) на своих первых выборах на каком-либо уровне.

С одной стороны, его можно было бы попытаться сравнить с партией «Левая» в 2021 году (4,9%), от которой он откололся и чьё место мог занять в следующем созыве Бундестага. С другой стороны, электорат партии С. Вагенкнехт составляют не только разочаровавшиеся сторонники левых, но и целевая аудитория ряда других сил, в том числе АдГ. Следовательно, подобного рода сравнения можно проводить лишь весьма условно [Pesthy et al. 2021; Белов 2023; Decker et al. 2024]. Таким образом, учитывая особенности отношений ССВ и левых, где обе силы претендуют на одну и ту же нишу, можно сказать, что концепция в очередной раз оправдала себя в контексте избирательных циклов, правительственных и малых партий, а также крупнейшей оппозиционной силы в лице ХДС/ХСС. Последняя оказалась в выигрышном положении самим фактом своего существования, не имея других еврооптимистичных и зачастую более привлекательных альтернатив, чем ещё более протестные евроскептики [Lewandowsky, Jankowski 2023].

Начиная с конца 2021 г. Германия сталкивалась с широким спектром политических проблем, касающихся энергетической, экономической и внешнеполитической сфер. Эти вызовы оказали отрицательное воздействие на политическую эффективность и рейтинги правящей коалиции, тогда как сами проблемы были обусловлены введёнными ЕС антироссийскими санкционными и иными ограничениями (в частности, энергетическими эмбарго), что негативно повлияло на зависимые от экономических отношений с российской сто-

роной государства—члены объединения¹⁹ [Белов 2022; Хорольская 2023; Белов, Котов 2023]. Поддерживать баланс национальных интересов и европейских ценностей в эпоху канцлерства А. Меркель в отношении России в условиях эскалации украинского кризиса не представлялось возможным [Соколов, Воротников и др. 2023], а политика в области обеспечения безопасности стала более иррациональной и идеологизированной [Белозёров 2023]. Отдельно стоит подчеркнуть, что всё это происходит на фоне неудовлетворённости как уровнем демократии и деятельностью политических элит, так и дорогостоящим постковидным восстановлением [Клинова, Сидорова 2022; Hansen, Olsen 2022],

Актуальной для ФРГ остаётся и проблема миграционной политики, последствия которой обусловлены как сохранением интенсивных миграционных потоков (в том числе из Украины, стран Ближнего Востока и Северной Африки), так и высокими социальными расходами в сочетании со вспышками антисемитских настроений среди мигрантов, ростом преступности и другими факторами. Вопрос миграции обострил разногласия между федеральным и земельными правительствами (особенно из Восточной Германии), а также вызвал недовольство правительством ввиду искусственных ограничений открытой общественно-политической дискуссии [Соколов, Давыдов 2023].

Альтернативой правящей с 2021 г. коалиции «Светофор» в 2024 г. стали блок ХДС/ХСС, АдГ, ССВ и партия «Левая». Среди малых сил не было умеренных еврооптимистов со стороны право- или левоцентристов. Таковыми могли бы быть СвДП или «зелёные», если бы не являлись частью «Светофора». Правящая коалиция вместе с еврооптимистичным блоком ХДС/ХСС включала в себя пять партий из восьми, если брать в расчёт ССВ.

Для сравнения: в 2019 г. еврооптимистично, но протестно настроенные избиратели активно голосовали как раз за оппози-

ционных «зелёных», что подняло партию на второе место после блока ХДС/ХСС. Подогревался интерес высокой популярностью климатической проблематики [Giebler 2019]. Как впоследствии показали опросы общественного мнения, ряд граждан шёл голосовать именно за защиту климата, при этом общая доля избирателей, убеждённых в том, что их голос на что-то повлияет, невелика [Milosavljević, Milovanović 2019].

В то же время на выборах в Европейский парламент за «Союз 90/Зелёные», малую партию, электорат традиционно голосует охотно. В частности, она оправдала положения концепции во всех случаях, когда участвовала в европейских кампаниях, за исключением 2004 года. Будучи правительственной партией, она должна была выступить хуже, чем на выборах в Бундестаг, но этого не случилось. Её риторика еврооптимистична и достаточно умеренна на фоне популистов разного толка. Она также привлекала своей антиправительственной риторикой, за исключением тех периодов, когда состояла в коалициях «Красно-зелёной» (1998–2005 гг.) и «Светофор» (2021–2025 гг.), а также благодаря целенаправленной политике по решению экологических проблем на более подходящем европейском уровне. Однако в настоящий момент климатическая повестка дня не пользуется былой популярностью, а сама партия состоит в правящей коалиции.

СвДП схожа с более влиятельным ХДС/ХСС, из-за чего недостаточно внятна в восприятии избирателей. По сути, партия — более категоричная версия блока (например, в продвижении рыночной экономики и технологического роста, защите некоторых видов энергетики (например, атомной) и т.д.) и тем самым похожа на правых популистов. Статус младшего партнёра в «Светофоре», остальные члены которого расположены левее центра, только вредит. Партия слишком часто вынуждена идти на уступки. Таким образом, снижение её рейтингов следовало ожидать.

¹⁹ Например, рост цен, инфляция, нарушение торговых цепочек и кризис промышленности.

Результаты «Альтернативы для Германии», в отличие от 2024 года, в 2019 г. не соответствовали положениям концепции. Партия традиционно предлагала альтернативные правительственным решения по самым популярным темам повестки дня, как, в частности, в 2014 и 2017 годах по решению кризиса еврозоны и проблемы миграции. Граждане были не согласны с действиями властей, потому голосовали за АдГ. В 2019 г. изменение климата стало популярной темой не из-за недовольства властями, так как избиратели были скорее обеспокоены самой проблемой. В этом случае традиционная тактика правых популистов не сработала. Предложения по отказу от реализуемых мер не дали положительного результата, тогда как пик сыгравшего в пользу правых популистов миграционного кризиса остался позади. В 2024 г. критика среди прочего финансовой политики и работы институтов ЕС, антироссийских энергетических санкций и других экономически невыгодных решений, помощи Украине, доминирования неевропейских держав (США), исламского фундаментализма и нелегальной миграции²⁰ была воспринята положительно. Не была забыта и другая традиционная повестка дня партии — вопрос миграции, всё ещё беспокоящий граждан. В результате партия показала рекордные для себя результаты.

На ХСС в 2019 г. сказалось назначение М. Вебера ведущим кандидатом на пост председателя Европейской комиссии от транснациональной Европейской народной партии, что привлекало дополнительное внимание избирателей Баварии. В 2024 г. кандидатом стала У. фон дер Ляйен от ХДС, что было менее приемле-

мым вариантом для электората ХСС. С программной точки зрения блок ХДС/ХСС не только по традиции придерживался проевропейского курса, но и выступил в защиту промышленности, а также за инновации, улучшение общей внешней политики и политики безопасности ЕС, упрочение сотрудничества с Вашингтоном, поддержку Киева, контроль миграции, пересмотр европейской «Зелёной сделки»²¹ и ряда других невыгодных экономических мер²². Совокупность представленных обстоятельств наглядно показывает, почему блок ХДС/ХСС обошёл правящую на национальном уровне СДПГ, а также сохранил традиционное первое место в рамках европейских кампаний.

Наконец, затянувшийся кризис левых был связан, в частности, с популистскими перегибами с использованием идей «зелёных» и социал-демократов, отсутствием реальной экономической альтернативы, отвергаемым традиционным консервативным восточногерманским электоратом некогда правящей на территории Германской Демократической Республики партии копированием западных ценностей. В результате снижение поддержки левых сил сказалось и на итогах 2024 года, а ранее закономерно привело к появлению ССВ, который возглавила С. Вагенкнехт — один из самых популярных левых политиков [Moreau 2022; Лисенкова 2023]. Последняя, как и АдГ, выступила против поставок вооружения Украине и зависимости от США, а также за снятие санкций с Российской Федерации, более строгий миграционный контроль, инновационные и экономические целесообразные энергетические решения и социальные стандарты²³. Партия «Левая», в

²⁰ Europawahlprogramm 2024 // AfD. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/2023/11/2023-11-16-AfD-Europawahlprogramm-2024_-web.pdf (дата обращения: 23.09.2024).

²¹ Но не отказ от текущей климатической политики как таковой.

²² Mit Sicherheit Europa. Für ein Europa, das schützt und nützt // CDU/CSU. 2024. 27 p. URL: https://web.archive.org/web/20240907062351/https://www.europawahl.cdu.de/sites/www.europawahlprogramm.cdu.de/files/docs/europawahlprogramm-cdu-csu-2024_0.pdf (дата обращения: 23.09.2024).

²³ Programm für die Europawahl 2024 // Bündnis Sahra Wagenknecht. 20 p. URL: https://web.archive.org/web/20240217223923/https://bsw-vg.de/wp-content/uploads/2024/02/BSW_Europawahlprogramm_2024.pdf (дата обращения: 23.09.2024).

свою очередь традиционно критикуя капиталистическую основу Европейского союза, была куда более лояльна к мигрантам, выступая за поддержку стран «глобального Юга» в том числе через продвижение социальных и экологических стандартов в торговых соглашениях, при этом не возражая против ряда санкционных ограничений в отношении России, например против силового сектора²⁴. Как следствие, политический контекст, сопровождавший кампанию 2024 года, не предполагал победу левых как над недавно созданным конкурентом, так и над другими основными силами.

Учитывая специфику происходящих в Германии и на мировой арене событий, голосование в пользу наиболее влиятельного в истории объединённой страны и ныне крупнейшего оппозиционного и еврооптимистичного блока ХДС/ХСС, а также малых популистских, протестных или даже в какой-то степени радикальных в случае АдГ, в том числе из-за деятельности Бьёрна Хёкке²⁵, партий вполне обоснованно [Соколов, Давыдов 2023; Германия.2023 2024]. Выбор всех альтернатив правящей коалиции можно было рассматривать как своего рода протест против национальной политики. Тем не менее не стоит переоценивать излишнее влияние партийных программ. Хотя в условиях текущего кризиса установки партии «Левая» наименее привлекательны из доступных альтернатив, именно на ней в первую очередь сказался системный кризис. Между тем блок ХДС/ХСС — традиционный партийный лидер в Германии — оказался после завершения эпохи канцлера А. Меркель в оппозиции. Теперь же он получил возможность продемонстрировать несколько иное еврооптимистичное видение, не омрачённое пребыванием у власти в трудный момент истории. В случае АдГ и ССВ в куда большей степени на итоги европейской кампании повлияли именно программы.

Таким образом, наблюдается снижение протестного отношения к выборам в Европейский парламент в Германии, что подтверждается уменьшением доли испорченных бюллетеней — впервые в истории этот показатель оказался ниже, чем во время предшествующей федеральной кампании. Тем не менее недовольство правящей коалицией «Светофор», преодолевшей «экватор» своего срока, всё-таки подтолкнуло избирателей к поиску альтернативы. Из еврооптимистов ею стал блок ХДС/ХСС, который и одержал победу на выборах, тогда как у евроскептиков успешно выступили малые популистские и протестные силы, представленные АдГ и ССВ.

* * *

Итоги кампании в Европейский парламент 2024 г. в Германии показали, что концепция национальных выборов «второго порядка» по-прежнему применима. В частности, явка избирателей в 2024 г. оставалась ниже, чем была на федеральных выборах в Бундестаг в 2021 году, а действующие правительственные партии коалиции «Светофор» (СДПГ, «зелёные» и СвДП), перевалив за середину своего избирательного цикла, растеряли существенную часть рейтинга. Прослеживалось и протестное голосование в пользу как крупнейшего оппозиционного блока ХДС/ХСС, так и малых популистских ССВ и АдГ.

Вместе с тем явка избирателей в Германии на выборах в Европейский парламент растёт уже третью кампанию, а в среднем по ЕС — вторую. Кроме того, процент испорченных бюллетеней в 2024 г. впервые за всю историю европейских выборов в ФРГ был ниже, чем на предшествовавших федеральных в 2021 году. К тому же сокращение разрыва между показателями кампаний двух уровней наметился ещё в 2019 году, если проводить сравнение с 2017 годом. По обоим параметрам (явка, испорченные бюлле-

²⁴ Zeit für Gerechtigkeit. Zeit für Haltung. Zeit für Frieden // Die Linke. 2024. 96 p. URL: https://www.die-linke.de/fileadmin/user_upload/Europawahlprogramm_2024.pdf (дата обращения: 23.09.2024).

²⁵ Бьёрн Хёкке — глава регионального представительства АдГ в Тюрингии, неоднократно обвиняемый в расизме и нацизме, лидер радикального внутрипартийного объединения «Крыло» (Der Flügel).

тени) начинает прослеживаться определённая тенденция, согласно которой каждые новые европейские выборы демонстрируют всё меньше признаков второстепенности. Наблюдаемые изменения — следствие институциональной трансформации Европейского парламента, постепенного выравнивания показателей на выборах у старых и новых членов после ряда расширений ЕС и воссоединения Германии, а также повышенной активности евроскептиков. Данную тенденцию предстоит подтвердить последующим европейским кампаниям, но уже сейчас можно сделать промежуточный вывод о том, что за сменой отношения к важности данного голосования, вероятнее всего, последует и трансформация электоральных предпочтений избирателей. Таким образом, степень протестного выбора может уменьшиться, при этом влияние избирательных циклов нельзя будет исключать. Смена предпочтений граждан от срока к сроку свойственна и на национальных выборах «первого порядка».

Тем не менее серьёзное воздействие оказывают и кризисы внутри политических партий Германии (в частности, раскол в «Левой»), а также проблемы, связанные с недовольством граждан миграционными потоками, внешнеполитическими приоритетами в отношении украинского кризиса и нарушением энергетических поставок из России, следствием чего стал рост цен. Данные кризисы и проблемы влияют на рейтинги партий и запросы граждан. Именно они в большей степени и ранее становились причиной, почему не все успехи или провалы тех или иных игроков коррелировали с положениями концепции выборов «второго порядка». В 2024 г. таким наиболее ярким примером стала партия «Левая», испытывающая системный многолетний кризис, недавно пережившая раскол и постепенно терявшая оставшееся парламентское представительство. Сказались и традиционная популярность блока ХДС/ХСС в стране, а также программные установки АдГ и ССВ.

Список литературы

- Белов В.Б. Партийный проект Сары Вагенкнехт — новая протестная альтернатива? // Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. № 4 (36). С. 43–48. DOI: 10.15211/analytics42820234348
- Белозёров В.К. Германия конструирует стратегическую культуру // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. №5 (123). С. 166–177. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177
- Белов В.Б. Смена парадигмы в энергетической кооперации Германии с Россией // Современная Европа. 2022. №4 (111). С. 5–21. DOI: 10.31857/S0201708322040015
- Белов В.Б., Котов А.В. Оформилась ли «смена эпох» в экономических отношениях. ЕС и Германии с Россией? // Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. № 1 (33). С. 17–37. DOI: 10.15211/analytics1320231727
- Германия. 2023 / Под ред. В.Б. Белова. М.: Ин-т Европы РАН, 2024. 194 с. DOI: 10.15211/report22024_408
- Горчакова О.Г. Анализ трендов избирательной явки за период с 1979 по 2009 годы на примере выборов в Европейский парламент // Социум и власть. 2010. № 4 (28). С. 48–53.
- Гуселетов Б.П. Праворадикальные общеевропейские партии накануне общеевропейских выборов 2024 г. // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4 (120). С. 38–60. DOI: 10.31249/ape/2023.04.03
- Гуселетов Б.П. Трансформация партийно-политической системы ЕС накануне евровыборов-2024 // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 3. С. 34–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-3-34-45
- Кавешников Н.Ю. Влияние трансформации партийно-политического пространства Евросоюза на организацию и функционирование Европарламента // Современная Европа. 2020. № 2(95). С. 163–175. DOI: 10.15211/soveurope22020163175
- Клинова М.В., Сидорова Е.А. Политическая турбулентность и инфляция во Франции и еврозоне // Международные процессы. 2022. Т. 20. №4 (71). С. 119–135. DOI: 10.17994/IT.2022.20.4.71.7
- Кузнецов А.В. Явка на выборах в Европарламент: изменение отношения к ЕС жителей разных стран-членов // Выборы в Европарламент — 2019: национальные ответы на дилеммы европейской

- интеграции / Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. М.: ИМЭМО РАН; ИЕ РАН, 2019. С. 18–22.
- Лисенкова А.Д. Партии «Альтернатива для Германии» и «Левая» в восточных землях: трансформация электоральных предпочтений // Регионология. 2023. Т. 31. №3 (124). С. 426–441. DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441
- Павлов Н.В., Дмитриев Д.А. «Левая»: кризис идеи или врождённый дефект? // Современная Европа. 2024. № 3(124). С. 82–94. DOI: 10.31857/S0201708324030070
- Погорельский А.В. Генезис и эволюция евроскептицизма как политического явления // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2022. № 3 (32). С. 166–172.
- Румянцев А.Г. Пятипроцентный барьер на выборах в Европарламент признан в Германии неконституционным // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 6 (85). С. 94–102.
- Самолетова А.М. Выборы в Европейский парламент в посткоммунистических странах Европейского союза: что они говорят о партийных системах этих стран? // Полития. 2013. №3 (70). С. 131–146. DOI: 10.30570/2078-5089-2013-70-3-131-146
- Соколов А.П., Воротников В.В., Давыдов А.Д. Изменение через отдаление: правительство Олафа Шольца и российский-германские отношения. М.: МГИМО-Университет, 2023. 40 с.
- Соколов А.П., Давыдов А.Д. Проблемы миграционной политики Германии: от сдержанности к открытости // Международная аналитика. 2023. Т. 14. №3. С. 41–57. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57
- Спаский Е.Н. От «Антипартийности» к партийному традиционализму: политическая эволюция «Зелёных» в объединённой Германии // Политэкс. 2006. №4. С. 82–96.
- Фёдоров С.М. Евровыборы во Франции и их политические последствия // Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции / Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. М.: ИМЭМО РАН; ИЕ РАН, 2019. С. 65–68.
- Хорольская М.В. Изменения в политическом ландшафте Германии после начала боевых действий на Украине: вызовы для России // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2023. № 2. С. 73–83. DOI: 10.20542/afj-2023-2-73-83
- Efthymiopoulos M.P., Kaimakioti M., Fotopoulos S. 2019 European Elections in Cyprus: An Empirical Exploration of Second-Order Election Effects and Europe Salience // Baltic Journal of Law & Politics. 2024. Vol. 117. No. 1. P. 116–135. DOI: 10.2478/bjlp-2024-0006.
- Felix W.C. Still Second-Order? Can the European Parliament Elections Still be Classified as Second-Order Elections? FU Berlin – Otto-Suhr-Institute, 2021. Working Paper. 16 p. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-76698-8> (accessed: 02.03.2025).
- Decker O., Kalkstein F., Dilling M., Celik K., Hellweg N., Brähler E. Besteht eine Chance für eine neue Partei? AfD-Anhänger und die Aussicht für eine Alternative links der Mitte // Forschungsjournal Soziale Bewegungen. 2024. Vol. 37. No. 2. P. 1–27.
- Giebler H. Germany: Second Order but Still Groundbreaking? // The European Parliament Elections of 2019 / ed. by L. De Sio, M.N. Franklin, L. Russo. Rome: Luiss University Press, 2019. P. 147–153.
- Hansen M.A., Olsen J. The Alternative for Germany (AfD) as Populist Issue Entrepreneur: Explaining the Party and its Voters in the 2021 German Federal Election // German Politics. 2022. P. 1–25. DOI: 10.1080/09644008.2022.2087871
- Hix S., Marsh M. Punishment or Protest? Understanding European Parliament Elections // The Journal of Politics. 2007. Vol. 69. No. 2. P. 495–510. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2007.00546.x
- Jurkynas M. Testing Europe Salience and Second-Order Election Theories: 2019 European Parliamentary Elections in Lithuania // Baltic Journal of Law & Politics. 2024. Vol. 17. No. 1. P. 93–115. DOI: 10.2478/bjlp-2024-0005
- Korte K.-R. Wahlen in Nordrhein-Westfalen: Kommunalwahl – Landtagswahl – Bundestagswahl – Europawahl. Frankfurt am Main: Wochenschau Verlag, 2020. 262 p.
- Lasan N. Testing the Second-Order Elections Model on the 2019 European Elections in Romania // Studia Universitatis Babeş-Bolyai Europaea. 2020. Vol. 65. No. 2. P. 359–374. DOI: 10.24193/subbeuropaea.2020.2.16
- Lewandowsky M., Jankowski M. Sympathy for the Devil? Voter Support for Illiberal Politicians // European Political Science Review. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 39–56. DOI: 10.1017/S175577392200042X
- Milosavljević I.R., Milovanović I. Izbori za Evropski parlament: od nacionalnih izbora drugog reda do evropeizovanog drugorazrednog takmičenja // Godišnjak FPN. 2019. No. 13. P. 55–73.
- Moreau P. Aux marges du système politique : Die Linke et l'AfD aux élections au Bundestag de 2021 // Revue d'Allemagne. 2022. Vol. 54. No. 1. P. 217–235. DOI: 10.4000/allemanne.3090
- Norris P., Reif K. Second-Order Elections // European Journal of Political Research. 1997. Vol. 31. Iss. 1. P. 109–124. DOI: 10.1111/1475-6765.00308
- Ondarza O., Schenut F. Schatten über den Europawahlen: Drei Szenarien für EU-skeptische Parteien nach den Wahlen 2019 // SWP-Aktuell. 2018. No. 58. P. 1–8.

- Pesthy M., Mader M., Schoen H.* Why Is the AfD so Successful in Eastern Germany? An Analysis of the Ideational Foundations of the AfD Vote in the 2017 Federal Election // *Politische Vierteljahresschrift*. 2021. Vol. 62. P. 69–91. DOI: 10.1007/s11615-020-00285-9
- Reif K., Schmitt H.* Nine Second-Order National Elections. A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results // *European Journal of Political Research*. 1980. Vol. 8. No. 1. P. 3–44. DOI: 10.1111/j.1475-6765.1980.tb00737.x
- Schmitt H., Sanz A., Braun D., Teperoglou E.* It All Happens at Once: Understanding Electoral Behaviour in Second-Order Elections // *Politics and Governance*. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 6–18. DOI: 10.17645/pag.v8i1.2513
- Zemánek L.* 2024 European Parliament Election: Campaign, Predictions & Trends // *Weekly Briefing*. 2024. Vol. 73. No. 4. P. 1–8.

THE 2024 EUROPEAN CAMPAIGN IN GERMANY

STILL “SECOND-ORDER” ELECTIONS?

ALENA LISENKOVA

North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, 199178, Russia

Abstract

The tenth direct European elections were held in 2024, with citizens from all member states of the European Union involved. Despite the well-established tradition of European campaigns, the perception that this vote is of little importance and secondary is embedded in the academic political discourse. Several provisions of the concept of second-order national elections are often cited as evidence. According to its proponents, the secondary vote is traditionally characterized by low turnout, setbacks for governing political parties, a high percentage of invalid ballots, and broad prospects for various small, new, populist, radical, or protest parties. This paper aims to assess the applicability of the concept to the 2024 campaign for the European Parliament in Germany. The article employs statistical data making it possible to compare the results of first-order (Bundestag) and second-order (European Parliament) elections. These data relate to turnout, protest voting, and the results of all the country's main political parties. Special attention is attached to the key elements of the legal and institutional transformation of the European Parliament, as well as the political issues and intra-party crises that influenced the election results. The article concludes by saying that one may detect a definite trend over the last three (2014, 2019, 2024) campaigns, concerning both a gradual increase in citizens' interest in voting for the European Parliament and a decrease in the percentage of spoiled ballots. Nevertheless, in some respects, the 2024 elections can still be regarded as second-class. For example, turnout in 2024 was significantly lower than in the preceding 2021 federal campaign, while members of the ruling Traffic Light coalition, which is in the second half of its term, were unsuccessful. Protest voting for both Eurosceptics and Eurooptimists was also evident. Finally, the combination of economic, energy, foreign policy and migration issues, as well as the systemic crisis of the Left party, weighed heavily.

Keywords:

concept of second-order national elections; European Parliament; 2024 European elections; Germany

References

- Belov V.B. (2022). Smena paradigmy v energeticheskoy kooperatsii Germanii s Rossiyei [A Paradigm Change in Energy Cooperation between Germany and Russia]. *Contemporary Europe*. No. 4 (111). P. 5–21. DOI: 10.31857/S0201708322040015

- Belov V.B. (2023). Partiyyny proyekt Sary Vagenknecht – novaya protestnaya al'ternativa? [Sarah Wagenknecht's Party Project – a New Protest Alternative?]. *Analytical papers of IE RAS*. No. 4 (36). P. 43–48. DOI: 10.15211/analytcs42820234348
- Belov V.B., Kotov A.V. (2023). Oformilas' li «smena epokh» v ekonomicheskikh otnosheniyakh. YES i Germanii s Rossiyey? [Has the "Zeitenwende" Taken Shape in the Economic Relations of the EU and Germany with the Russian Federation?]. *Analytical papers of IE RAS*. No. 1 (33). P. 17–37. DOI: 10.15211/analytcs1320231727
- Belov V. B. (ed.) (2024). *Germaniya*. 2023 [Germany. 2023]. Moscow: IE RAS. 194 p. DOI: 10.15211/report22024_408
- Belozorov V.K. (2023). Germaniya konstruiyuet strategicheskuyu kulturu [Germany Building a Strategic Culture]. *Russia in Global Affairs*. Vol. 21. No. 5 (123). P. 166–177. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177
- Decker O., Kalkstein F., Dilling M., Celik K., Hellweg N., Brähler E. (2024). Besteht eine Chance für eine neue Partei? AfD-Anhänger und die Aussicht für eine Alternative links der Mitte. *Forschungsjournal Soziale Bewegungen*. Vol. 37. No. 2. P. 1–27.
- Efthymiopoulos M.P., Kaimakioti M., Fotopoulos S. (2024). 2019 European Elections in Cyprus: An Empirical Exploration of Second-Order Election Effects and Europe Salience. *Baltic Journal of Law & Politics*. Vol. 117. No. 1. P. 116–135. DOI: 10.2478/bjlp-2024-0006.
- Fedorov S. M. (2019). Yevrovybory vo Frantsii i ikh politicheskiye posledstviya [The European Elections in France and Their Political Consequences]. In: Yu. Kvashnin, A. Kudriavtsev, N. Plevako, V. Shveitser (eds.). *European Parliament Elections 2019: National Responses to the Dilemmas of European Integration*. Moscow: IMEMO, IE RAS. P. 65–68.
- Felix W.C. (2021). *Still Second-Order? Can the European Parliament Elections Still be Classified as Second-Order Elections?* FU Berlin – Otto-Suhr-Institute. Working Paper. 16 p. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-76698-8> (accessed: 02.03.2025).
- Giebler H. (2019). Germany: Second Order but Still Groundbreaking? In: L. De Sio, M. N. Franklin, L. Russo (eds.). *The European Parliament Elections of 2019*. Rome: Luiss University Press. P. 147–153.
- Gorchakova O.G. (2010). Analiz trendov izbiratel'noy yavki za period s 1979 goda 2009 goda na primere vyborov v Yevropeyskiy parlament [The Turnout Trends Analysis from 1979 to 2009 on the Example of the Elections to the European Parliament]. *Society and Power*. No. 4 (28). P. 48–53.
- Guseletov B.P. (2023). Pravoradikal'nyye obshcheyevropeyskiye partii nakanune obshcheyevropeyskikh vyborov 2024 g [Right-Wing Pan-European Parties on the Eve of The Pan-European Elections of 2024]. *Current Problems of Europe*. No. 4 (120). P. 38–60. DOI: 10.31249/ape/2023.04.03
- Guseletov B.P. (2024). Transformatsiya partiyno-politicheskoy sistemy YES nakanune yevrovyborov-2024 [Transformation of the EU Political Party System on the Eve of the 2024 European Election]. *World Economy and International Relations*. Vol. 68. No. 3. P. 34–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-3-34-45
- Hansen M.A., Olsen J. (2022). The Alternative for Germany (AfD) as Populist Issue Entrepreneur: Explaining the Party and its Voters in the 2021 German Federal Election. *German Politics*. P. 1–25. DOI: 10.1080/09644008.2022.2087871
- Hix S., Marsh M. (2007). Punishment or Protest? Understanding European Parliament Elections. *The Journal of Politics*. Vol. 69. No. 2. P. 495–510. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2007.00546.x
- Jurkynas M. (2024). Testing Europe Salience and Second-Order Election Theories: 2019 European Parliamentary Elections in Lithuania. *Baltic Journal of Law & Politics*. Vol. 17. No. 1. P. 93–115. DOI: 10.2478/bjlp-2024-0005
- Kaveshnikov N.Yu. (2020). Vliyaniye transformatsii partiyno-politicheskogo prostranstva Yevrosoyuza na organizatsiyu i funktsionirovaniye Yevroparlamenta [Transformation of Party and Political Space of the European Union and Its Influence on the Organization and Functioning of the European Parliament]. *Contemporary Europe*. No. 2 (95). P. 163–175. DOI: 10.15211/soveurope22020163175
- Khorolskaya M.V. (2023). Izmeneniya v politicheskom landshafte Germanii posle nachala boyevykh deystviy na Ukraine: vyzovy dlya Rossii [Changes in the German Political Landscape after the Outbreak of the Conflict in Ukraine: Challenges for Russia]. *Analysis and Forecasting*. IMEMO Journal. No. 2. P. 73–83. DOI: 10.20542/afij-2023-2-73-83
- Klinova M.V., Sidorova E.A. (2022). Politicheskaya turbulentnost' i inflyatsiya vo Frantsii i yevrozone [Inflation in the Context of Geopolitics in France and the Eurozone]. *International Trends*. Vol. 20. No. 4 (71). P. 119–135. DOI: 10.17994/IT.2022.20.4.71.7
- Korte K.-R. (2020). *Wahlen in Nordrhein-Westfalen: Kommunalwahl – Landtagswahl – Bundestagswahl – Europawahl*. Frankfurt am Main: Wochenschau Verlag. 262 p.
- Kuznetsov A.V. (2019). Yavka na vyborakh v Yevroparlament: izmeneniye otnosheniya k YES zhitely raznykh stran-chlenov [Turnout at Elections to the European Parliament: Changing Attitudes towards the EU of Residents of Different Member States]. In: Yu. Kvashnin, A. Kudriavtsev, N. Plevako,

- V. Shveitser (eds.). *European Parliament Elections 2019: National Responses to the Dilemmas of European Integration*. Moscow: IMEMO; IE RAS. P. 18–22.
- Lasan N. (2020). Testing the Second-Order Elections Model on the 2019 European Elections in Romania. *Studia Universitatis Babeş-Bolyai Europaea*. Vol. 65 (2). P. 359–374. DOI: 10.24193/subeuropaea.2020.2.16
- Lewandowsky M., Jankowski M. (2023). Sympathy for the Devil? Voter Support for Illiberal Politicians. *European Political Science Review*. Vol. 15. No. 1. P. 39–56. DOI:10.1017/S175577392200042X
- Lisenkova A.D. (2023). Partii «Alternativa dlya Germanii» i «Levaya» v vostochnykh zemlyakh: transformatsiya elektoral'nykh predpochteniy [The Alternative for Germany and the Left Parties in the Eastern States: Transformation of Electoral Preferences]. *Russian Journal of Regional Studies*. Vol. 31. No. 3 (124). P. 426–441. DOI: 10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441
- Milosavljević I.R., Milovanović I. (2019). Izbori za Evropski parlament: od nacionalnih izbora drugog reda do evropeizovanog drugorazrednog takmičenja. *Godišnjak FPN*. No. 13. P. 55–73.
- Moreau P. (2022). Aux marges du système politique : Die Linke et l'AfD aux élections au Bundestag de 2021. *Revue d'Allemagne*. Vol. 54. No. 1. P. 217–235. DOI: 10.4000/allemanne.3090
- Norris P., Reif K. (1997). Second-Order Elections. *European Journal of Political Research*. Vol. 31. No. 1. P. 109–124. DOI: 10.1111/1475-6765.00308
- Ondarza O., Schenuit F. (2018). Schatten über den Europawahlen: Drei Szenarien für EU-skeptische Parteien nach den Wahlen 2019. *SWP-Aktuell*. No. 58. P. 1–8.
- Pavlov N.V., Dmitriev D.A. (2024). «Levaya»: krizis idei ili vrozhdennyi defekt? [The Left Party: Crisis of Ideas or Inherited Defect]. *Contemporary Europe*. No. 3(124). P. 82–94. DOI: 10.31857/S0201708324030070
- Pesthy M., Mader M., Schoen H. (2021). Why Is the AfD so Successful in Eastern Germany? An Analysis of the Ideational Foundations of the AfD Vote in the 2017 Federal Election. *Politische Vierteljahresschrift*. Vol. 62. P. 69–91. DOI: 10.1007/s11615-020-00285-9
- Pogorelsky A.V. (2022). Genezis i evolyutsiya yevroskeptitsizma kak politicheskogo yavleniya [The Genesis and Evolution of Euroscepticism as a Political Phenomenon]. *Problemy sotsialnykh i gumanitarnykh nauk*. No. 3 (32). P. 166–172.
- Reif K., Schmitt H. (1980). Nine Second-Order National Elections. A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results. *European Journal of Political Research*. Vol. 8. No. 1. P. 3–44. DOI: 10.1111/j.1475-6765.1980.tb00737.x
- Rumyantsev A.G. (2011). Pyatiprotsentnyy bar'yer na vyborakh v Yevroparlament priznan v Germanii nekonstitutsionnym [The Five Percent Barrier Clause for the European Elections is Recognized as Unconstitutional in Germany]. *Comparative Constitutional Review*. No. 6 (85). P. 94–102.
- Samoletova A.M. (2013). Vyборы v Yevropeyskiy parlament v postkommunisticheskikh stranakh Yevropeyskogo soyuza: chto oni govoryat o partiynykh sistemakh etikh stran? [European Parliament Elections in Post-Communist EU Countries: What They Tell Us about Party Systems in These Countries?]. *Politeia*. No. 3 (70). P. 131–146. DOI: 10.30570/2078-5089-2013-70-3-131-146
- Schmitt H., Sanz A., Braun D., Teperoglou E. (2020). It All Happens at Once: Understanding Electoral Behaviour in Second-Order Elections. *Politics and Governance*. Vol. 8. No. 1. P. 6–18. DOI: 10.17645/pag.v8i1.2513
- Sokolov A.P., Davydov A.D. (2023). Problemy migratsionnoy politiki Germanii: ot sderzhannosti k otkrytosti [Germany's Migration Policy Challenges: From Restraint to Openness]. *Journal of International Analytics*. Vol. 14. No. 3. P. 41–57. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57
- Sokolov A.P., Vorotnikov V.V., Davydov A.D. (2023). *Izmeneniye cherez otdaleniye: pravitel'stvo Olafa Shol'tsa i rossiysko-germanskiye otnosheniya* [Change through Distance: the Government of Olaf Scholz and Russian-German Relations]. Moscow: MGIMO University. 40 p.
- Spassky E.N. (2006). Ot «Antipartiynosti» k partiynomu traditsionalizmu: politicheskaya evolyutsiya «Zelenykh» v ob'yedinennoy Germanii [From the "Antiparty Affect" to the Party Traditionalism: Political Evolution of the Green Party in the United Germany]. *Political Expertise: POLITEX*. No. 4. P. 82–96.
- Zemánek L. (2024). 2024 European Parliament Election: Campaign, Predictions & Trends. *Weekly Briefing*. Vol. 73. No. 4. P. 1–8.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ»

ДЕНИС ЛЕТНЯКОВ

Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Резюме

Историческая память обычно изучается в контексте внутривнутриполитических процессов — её роль на международной арене зачастую недооценивается. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть этот феномен через концепцию «мягкой силы» на примере постсоветской Центральной Азии. Автор показывает, что такие игроки, как Турция, Иран, Индия, Китай и Россия, продвигают в регионе свои интересы, используя политику памяти в качестве одного из инструментов внешней политики. Каждый из названных игроков предлагает государствам региона транснациональный исторический нарратив («тюркский мир», «наследие Великого шёлкового пути», общая победа над нацизмом). В статье последовательно разбираются как преимущества «мнемонической мягкой силы» перечисленных субъектов, так и сложности, с которыми каждый из них сталкивается в ходе формирования транснациональных рамок памяти. Наибольшего прогресса добилась Турция, чей проект тюркского единства уже реализуется в виде конкретных мер по написанию совместных учебников истории, регулярному проведению научных форумов, а также культурных мероприятий. Меньше всего ресурсов «мягкой силы» в Центральной Азии имеется в распоряжении Китая. Отдельное внимание уделяется потенциалу российской «мнемонической мягкой силы». Автор приходит к выводу, что Москве сложнее, чем конкурентам, двигаться вместе с центральноазиатскими государствами к общей памяти о событиях времён имперской и советской истории. В то же время у российской стороны есть возможность выстраивать совместную память о Второй мировой войне, которая до сих пор вызывает значительный эмоциональный отклик в центральноазиатских обществах. По мере смены поколений в Центральной Азии и это конкурентное преимущество может быть нивелировано.

Ключевые слова:

«мягкая сила»; историческая память; политика памяти; транснациональная память; Центральная Азия; Турция; Иран; Индия; Китай; Россия

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.07.2024

Дата принятия к публикации: 06.12.2024

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: letnyakov@mail.ru

Тему «мягкой силы», или в другой терминологии «гуманитарного влияния»¹, едва ли можно назвать плохо разработанной. Начиная с пионерской работы Джозефа Ная [Nye 1990] в зарубежной, а со второй половины 2000-х годов и в российской литературе, нет недостатка в статьях и книгах, посвящённых этой тематике [Най 2006; Hard Power, Soft Power... 2006; Watanabe, McConnell 2008; Soft Power and US Foreign Policy... 2010; Давыдов 2007; Казанцев, Меркушев 2008; Лебедева 2017]. Одновременно множатся международные рейтинги «мягкой силы», например *Global Soft Power Index* и *Nation Brands Index*. Внимание исследователей сосредоточено на таких составляющих, как язык [Алпатов 2020], наука и образование [Ланьшина 2014], культура [Otmazgin 2012], привлекательная политическая модель [Nye 2011], бренд государства [Анхольт, Хильдрет 2010], туризм [Ozkan, Boylu 2021], кино [Hong 2021] и даже представители местной фауны [Simons 2017].

Историческая память не так часто обсуждается в этом контексте, как она того заслуживает. Государственные деятели используют отсылки к истории для оправдания своих действий на международной арене, обоснования сотрудничества с другими странами, формирования вместе с ними общей идентичности или повышения собственной привлекательности в глазах той части зарубежной аудитории, которой адресуются такого рода послания. Иначе говоря, историческая память может выступать в качестве одного из тех «неосознанных властных ресурсов», помогающих добиваться

результата, о которых писал Дж. Най. Осознание этого факта стало стимулом к введению в научный оборот понятий «мнемоническая мягкая сила» [Ohnesorge, Owen 2023] и «мнемоническая дипломатия» [Пономарёва 2023], а сам по себе интерес исследователей к роли памяти в международных отношениях [Bachleitner 2021; Klymenko, Siddi 2020] может рассматриваться в русле нарративного поворота во внешней политике [Roberts 2006]². Протагонисты последнего обращают внимание на то, что в XXI веке реализация внешнеполитических целей государств во многом зависит от их способности продвигать в публичном пространстве ту или иную форму интерпретации реальности. В соперничестве международных субъектов всё в конечном счете сводится к вопросу: «Чья история одерживает верх?» [Ohnesorge, Owen 2023: 288]. Одним из ключевых элементов дискурсивного пространства мировой политики остаются исторические нарративы [Кривохиж, Соболева 2023].

Данная статья призвана продолжить вектор, заданный исследованиями мнемонических аспектов «мягкой силы». Предметом нашего рассмотрения станет постсоветская Центральная Азия. Такой выбор обусловлен двумя соображениями. *Во-первых*, этот регион вместе с другими частями постсоветского пространства традиционно рассматривается как один из главных приоритетов российской внешней политики. *Во-вторых*, в данном регионе — как будет продемонстрировано в работе — конкуренция внешних игроков друг с другом происходит в том числе через активное

¹ В данном случае автор пренебрегает возможными различиями между этими понятиями, на котором настаивают некоторые исследователи (см., например: [Сутырин 2020]), поскольку оба термина так или иначе обозначают совокупность как возможных ресурсов, так и конкретных инструментов *увеличения привлекательности* государства на международной арене. Соответственно, в нашей статье понятия «мягкая сила» и «гуманитарное влияние» будут использоваться как синонимы.

² Вопросы формирования образа конкретной страны или народа в культуре, коллективной памяти других обществ активно разрабатывались ещё с 1950-х годов в рамках такого направления гуманитарных исследований, как имагология [Imagology ... 2007; Бахарева 2022]. Вместе с тем образ Другого, стереотипы о нём, ставшие предметом изучения этой науки, не обязательно оказываются результатом сознательной работы политических, интеллектуальных элит и не всегда носят инструментальный характер. В нашем случае речь идёт об использовании этих образов во внешнеполитических целях. В то же время было бы большой натяжкой объединять вместе имагологические работы и исследования памяти как ресурса «мягкой силы».

использование нарративов об общей истории или культурном наследии с центрально-азиатскими странами. Такую стратегию мы будем называть формированием *транснациональных рамок памяти*, поскольку речь идёт о попытках выстроить коллективную память поверх границ наций-государств. К таким стратегиям стоит, например, отнести распространение идей «тюркского мира» и «наследия Великого шёлкового пути».

Текст структурирован следующим образом: в первом разделе раскрывается понятие транснациональной памяти, далее последовательно проводится анализ ключевых субъектов, способствующих формированию транснациональной памяти в Центральной Азии.

После распада СССР Центрально-Азиатский регион стал ареной пересечения интересов множества внешних акторов. Это обусловлено рядом факторов, включая наличие значительных природных ресурсов (углеводороды, золото, медь, уран), стратегическое значение для торговой и транспортной инфраструктуры Евразии (проект «Один пояс, один путь» и другие транзитные маршруты, газо- и нефтепроводы), а также его роль в обеспечении международной безопасности (соседство с Афганистаном актуализирует проблемы наркотрафика и международного терроризма).

Несмотря на присутствие множества внешних игроков, в данной работе акцентируется внимание на пяти ключевых, которые, по нашему мнению, оказывают наиболее существенное влияние на регион. Первым из них является Турция, которая активно развивает партнёрские отношения с центральноазиатскими государствами, опираясь на культурную и этническую близость с четырьмя странами региона, население которых преимущественно тюркское. По аналогичным соображениям культурной близости к Таджикистану — единственной нетюркской стране региона — в анализ включён Иран.

Обсуждение роли внешних игроков в Центральной Азии было бы неполным без учёта Китая, второй экономики мира и главного торгового партнёра региона. Особое внимание уделяется Индии, чья роль может показаться менее очевидной. Тем не менее Нью-Дели за последнее десятилетие предпринял значительные усилия для укрепления своего присутствия в регионе в рамках новой внешнеполитической стратегии *Connect Central Asia*.

Наконец, особое место занимает Россия, чьё историческое влияние в регионе и потенциал так называемой мнемонической мягкой силы представляют значительный интерес для анализа. Для российского исследователя вопрос о роли России в современном геополитическом контексте Центральной Азии остаётся особенно актуальным.

Транснациональная память: к определению понятия

Термины «транснациональная/транскультурная память», «транснациональная история» вошли в академический дискурс в 1990-х годах. Их появление обусловлено глобализацией, окончанием «холодной войны» и углублением европейской интеграции, что создало запрос на преодоление «методологического национализма» в изучении истории, обсуждении прошлого и способов его коммеморации. Исследователи, работающие в этом направлении, стремились рассматривать историю и коллективную память как явления, которые не обязательно связаны с конкретными нациями-государствами [The Palgrave Dictionary... 2009; Transnational Memory... 2014; Transcultural Memory... 2014; Local History... 2011; Wustenberg 2020; Павловский 2023].

Отсюда возник упор на изучение взаимосвязей *между* народами, регионами, культурами, государствами, диаспорами, а также попытки интерпретировать исторические события с учётом множества возможных точек зрения³. Критика «мето-

³ В качестве примера сошлёмся на специальный номер журнала *Memory Studies*, посвящённый исследованию Османской империи, которую предлагается рассматривать с точки зрения истории разных этноконфессиональных групп, входивших в её состав, в том числе турок, армян, евреев, греков и курдов. См.: [Koureas, Prosser et al. 2019].

дологического национализма» привела к формированию так называемого космополитического режима памяти. Под этим понимается подход к осмыслению прошлого, который предполагает отказ от национального триумфализма и акцентирует внимание на сложных, часто трагических страницах истории, рассматривает их через призму общечеловеческих и моральных категорий [Levi, Sznajder 2006; Ryan 2014]. Примером может служить память о Холокосте, которая приобрела глобальный характер. Музеи Холокоста существуют во многих странах мира — от Австралии до США и от Германии до ЮАР. Другой пример — коммеморация Первой мировой войны в Европейском союзе, в основе которой лежит чувство скорби о всех павших солдатах [Ассман 2022: 99]. К подобным инициативам можно также отнести проекты совместного создания учебников истории, появившиеся в Европейском союзе в начале XXI века, например франко-германский и польско-германский учебники⁴, а также открытие Дома европейской истории в Брюсселе в 2017 году⁵.

В целом транснациональная память характеризуется многозначностью и охватывает широкий спектр смыслов: от диаспоральной памяти [Bagonian 2014] и исторических нарративов, конструируемых с точки зрения различных этнических групп, до общеевропейской или глобальной памяти о Холокосте. В любом случае речь идёт о нарративах, направленных на преодоление национального партикуляризма и формирование коллективной памяти, складывающейся *поверх границ* отдельных государств.

В нашем исследовании постсоветской Центральной Азии под транснациональными рамками памяти понимаются обращения внешних игроков к общему куль-

турному наследию со странами региона, к единой истории или к отдельным событиям и фигурам прошлого, которые могут рассматриваться как объединяющие. Как будет показано далее, подобные нарративы служат инструментом формирования наднациональных идентичностей и лояльностей, легитимации внешнеполитических инициатив государств, а также увеличения их привлекательности в регионе, что позволяет им достигать своих целей с меньшими издержками.

Субъекты транснациональной памяти в Центральной Азии: нарративы, стратегии и потенциалы

Турция

Сразу после распада СССР Турция начала активно продвигать в Центральной Азии идею тюркского единства. В 1992 г. в Анкаре состоялся первый Саммит тюркоязычных государств, ставший впоследствии ежегодным. В нём приняли участие Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, а также Азербайджан, который не входит в рассматриваемый регион. Ещё раньше Турция оказалась вовлечена в процесс перехода Азербайджана, Узбекистана и Туркменистана на латиницу. В ноябре 1991 года, когда Советский Союз де-юре ещё не прекратил своё существование, в Стамбуле состоялась конференция, посвящённая реформе алфавитов в этих республиках. Процесс перехода на латиницу рассматривался турецкими и центральноазиатскими элитами как важный шаг к формированию общетюркского единства [Космарский 2003: 67]. В 1993 г. была учреждена Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), в 1998 году — Парламентская ассамблея тюркских государств. В 2009 г. Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан вместе с Азербай-

⁴ См. немецкие издания обоих учебников: *Geiss P., Henri D., Le Quintrec G. Histoire/Geschichte — Die Welt und Europa seit 1945. Leipzig: Klett, 2006; Europa — Unsere Geschichte: Band 1–4. Eduversum, 2016–2020.*

⁵ Тем не менее, как справедливо указывает Дж. Вюстенберг, выбор транснациональной рамки в работе с прошлым не обязательно означает приверженность гуманистической установке на примирение различных взглядов на историю или на честный разговор о собственной истории [Wüstenberg 2020: 7].

джаном и Турцией создали Тюркский совет, переименованный в 2021 г. в Организацию тюркских государств. На протяжении всего постсоветского периода концепт «тюркского мира» последовательно приобретал институциональное оформление. Для Анкары этот проект имел особую значимость, поскольку Турция рассматривала себя как главный культурный, экономический и политический центр сообщества тюркских государств.

В основу процесса укрепления тюркской идентичности должна была лечь разделяемая всеми странами тюркского мира коллективная память. Её формированием призвана заниматься главным образом Международная тюркская академия (МТА). Её штаб-квартира находится в Астане. В 2014 г. на этом направлении был сделан важный шаг: на очередной встрече Тюркского совета в Бодруме принято решение о подготовке совместных учебников по истории, первый из которых вышел из печати спустя пять лет⁶. На момент написания статьи этот учебник издан на казахском, русском и турецком языках, охватывая период с древнейших времен и до конца XV века. Предмет «Общая тюркская история» уже введён в школьную программу Казахстана, Азербайджана и Турции как факультатив для учащихся 8-го класса. Параллельно готовятся к выходу учебники «География тюркского мира» и «Общая тюркская литература». Как указано на сайте Международной тюркской академии, задача всех этих учебных изданий заключается в «формировании у молодого поколения представления об общ-

ности истории тюркских народов, укреплении языкового и культурного единства, а также развитии чувства общей идентичности и взаимного уважения в тюркском мире»⁷.

Совместные учебники далеко не единственный проект Тюркской академии, нацеленный на формирование транснациональных рамок памяти. Среди других инициатив стоит также упомянуть Форум гуманитарных наук «Великая степь», который проводился с 2016 по 2019 г. и был посвящён теме «Тюркская цивилизация: от истоков к современности»⁸. Кроме того, МТА каждый год определяет знаменательные даты для тюркского мира – например 950-летие памятнику средневековой тюркской литературы «Кутадгу билиг», 150-летие казахского просветителя и участника движения «Алаш» Ахмета Байтурсынова, 130-летие автора гимна Азербайджана Ахмеда Джавада, 600-летие Сулеймана Челеби (1402–1411) – одного из правителей в период Османского междоусобия. С 2010 г. ТЮРКСОЙ ежегодно назначает город, получающий статус культурной столицы тюркского мира⁹, а также определяет ключевые фигуры, чей год объявляется годом памяти. В частности, 2018 год был посвящён Чингизу Айтматову, 2020 год – Абаю Кунанбаеву, 2024 год – Махтумкули Фраги. Эти инициативы сопровождаются организацией культурных мероприятий, конференций и праздников. В качестве примера можно привести заседание Союза музеев ТЮРКСОЙ, а также проведение Фестиваля литературы и книги тюркского мира.

⁶ Кыдырали Д., Бабаяров Г. Учебник по факультативному предмету для 8-х классов общеобразовательных школ «Общая тюркская история» (с древнейших времен до XV века). Астана, 2019: Международная тюркская академия. 198 с.

⁷ Учебники «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература», «География тюркского мира» // Международная тюркская академия. URL: <https://turkicacademy.org/ru/open-call/uchebniki-obshchaya-tyurkskaya-istoriya-obshchaya-tyurkskaya-literatura-geografiya-tyurkskogo-mira> (дата обращения: 27.07.2024).

⁸ Форум гуманитарных наук «Великая степь» // Международная тюркская академия. 10.10.2023. URL: <https://turkicacademy.org/ru/proekt/great-steppe-humanities-forum> (дата обращения: 27.07.2024).

⁹ В разное время ей становились Ош (Киргизия), Мары (Туркменистан), Астана и Туркестан (Казахстан), Хива (Узбекистан). На 2024 г. этот статус получил туркменский город Анау, на территории которого сохранились остатки древних поселений, датированных V тыс. до н.э.

Турция, выступая главным инициатором идеи тюркского единства, достигла значительного прогресса в выстраивании транснациональной памяти со странами Центральной Азии. Эта память закрепляется через совместные учебники, культурные и научные мероприятия, монументы (вроде памятника Ататюрку в Алматы) и т.д. Вместе с тем на этом направлении существует ряд препятствий. *Во-первых*, разные государства могут полагать, что их репрезентация в рамках пантюркистского нарратива не отражает их реальный вклад в общее историко-культурное наследие или является некорректной¹⁰. Кроме того, в совместной истории тюркских народов существуют противоречивые эпизоды, которые подвергаются различным трактовкам среди представителей тюркского мира, что затрудняет формирование единого исторического дискурса¹¹.

Во-вторых, несмотря на обозначенные достижения проекта тюркского единства, он принимается государствами Центральной Азии скептически. Политические элиты, обретя независимость от Москвы, не хотят

появления нового гегемона в лице Анкары. Примечателен пример Узбекистана, сохранявшего с самого начала настороженное отношение к данному проекту. В 1995 г. в стране была проведена очередная языковая реформа, призванная несколько видоизменить используемый в стране латинский алфавит, убрав из него турецкие графемы¹². Более того, в 2000 г. в Узбекистане были закрыты все турецкие лица. Показательно также, что в Тюркский совет Ташкент вступил лишь в 2019 году, спустя десять лет после создания этой организации. Туркменистан, в свою очередь, до сих пор уклоняется от полноценного членства: только в 2021 г. он вошёл в Организацию тюркских государств в качестве наблюдателя¹³.

Иран

Таджикистан, будучи частью персидского культурного ареала, традиционно не включается в контекст тюркского мира. Тем не менее представляется целесообразным рассмотреть деятельность Ирана, направленную на формирование совместной политики памяти с Душанбе.

¹⁰ См., например, подробную критику учебника «Общая тюркская история» из Киргизии: *Чоротегин Т.* Об отдельных изъянах общего учебника по истории тюркских народов // Радио Азаттык. 29.01.2021 г. URL: https://rus.azattyk.org/a/turkic_history_2021_longread_istoriya-tyurkskikh-narodov_tch_mnenie-ob-uchebnike/31076075.html?fbclid=IwAR00_Nt8fBLwJVoi2CRKdgWUz88VgR_VXoteOJtXNPYwBvPwusxVLDnGGEA (дата обращения: 27.07.2024). Нелишним будет заметить, что политика памяти всех центральноазиатских государств в том виде, в каком она оформилась после 1991 года, включает в себя стремление максимально удревнить и возвеличить собственную историю — среди прочего объявить себя «древнейшим народом» в Центральной Азии или «древнейшим тюркским государством». Подобная политика затрудняет выработку совместного нарратива. Наиболее гротескным примером является туркменский исторический нарратив, в рамках которого туркмены провозглашаются родоначальниками нынешних турок [Горак 2005: 110], что едва ли может найти понимание в Анкаре, претендующей на роль «старшего брата» в тюркском мире.

¹¹ Образ Тамерлана, которого в Узбекистане почитают как основателя национальной государственности, вызывает весьма противоречивые ассоциации в турецкой коллективной памяти. Его завоевательные походы были направлены в том числе против Османской империи. Знаменитая Ангорская битва (1402), в ходе которой турецкие войска были разгромлены армией Тамерлана, привела к завоеванию последним всей Малой Азии, вызвав тяжелейший кризис в Османской империи и фактически на полвека отсрочив окончательное уничтожение турками Византии.

¹² Антитурецкий подтекст этой языковой реформы заключается в том, что «[д]ля букв, выходящих за пределы базовой латиницы (26 знаков), вместо турецкой диакритики были выбраны диграффы [sh] вместо [ş] для звука [ш], [ch] вместо [ç] для звука [ч]» [Космарский 2003: 68].

¹³ Оговоримся, что в случае Туркменистана и Узбекистана речь не идёт о скептическом отношении исключительно к общетюркской интеграции. Для Ташкента все постсоветские годы суверенитет имел первостепенное значение, поэтому поступиться им режим Каримова—Мирзиёева был не готов ни в рамках СНГ, ни в рамках ОДКБ, членство в которой он неоднократно приостанавливал, ни в рамках ЕАЭС, куда Узбекистан пока так и не вступил, несмотря на множество разговоров. Ашхабад после распада СССР и вовсе взял курс на изоляционизм, замаскированный эффемизмом «нейтралитет».

После распада СССР Тегеран первым признал Таджикистан в качестве независимого государства и открыл там своё посольство в январе 1992 года. В тот момент иранские элиты рассматривали его как своего ближайшего союзника в регионе. Они полагали, что страна, относящаяся к персидскому миру, будет ориентироваться в своей политике на режим аятолл [Clark 2015: 214]. Эти надежды нельзя было назвать необоснованными. Свой первый зарубежный визит президент Таджикистана Рахмон Набиев (1991–1992) совершил именно в Тегеран. Там он заявил, что таджики и иранцы «связаны сотнями нитей совместной истории и культуры, единством языка и литературы», а также тем фактом, что они «жили в одной стране до начала XV века» [Ahmadi 2019: 107]. В последующие годы активно обсуждалась возможность возвращения таджикского языка к использованию традиционного персидского алфавита. Такая мера могла бы устранить культурно-лингвистические барьеры между персоязычными сообществами Таджикистана, Ирана и Афганистана, способствуя укреплению общности на основе разделяемого культурного наследия¹⁴. Иран и Таджикистан как культурно близкие страны подавали совместные заявки в ЮНЕСКО, например на включение древнего иранского «Праздника Сада» в список нематериального культурного наследия человечества¹⁵.

Тем не менее реализации гуманитарного сотрудничества между странами мешают

как минимум два фактора. Прежде всего, характер межгосударственных отношений между Таджикистаном и Ираном оказался значительно более сложным, чем предполагалось в первые годы после распада СССР. Две страны так и не стали ближайшими политическими союзниками, подобно другим государствам с культурно близким населением – Турции и Азербайджану, Румынии и Молдове. Подчёркнуто светский режим Эмомали Рахмона (с 1994 г. по настоящее время) с настороженностью относится к иранской теократии, которая временами открыто покровительствовала таджикской оппозиции. Последний серьёзный спад в отношениях между странами произошёл в конце 2015 года, когда в Тегеране на самом высоком уровне принимали лидера запрещённой Рахмоном Партии исламского возрождения Таджикистана¹⁶. Как следствие, многие совместные инициативы оказываются заморожены. В частности, речь идёт о создании совместного персоязычного канала на территории Ирана, Таджикистана и Афганистана¹⁷. Переговоры о его создании проходили с 2006 года, но к концу 2010-х годов проект был окончательно свёрнут. Таджикская сторона опасалась, что телеканал будет использоваться для религиозной индоктринации населения. Более того, высказывались претензии и касательно внешнего вида ведущих¹⁸.

Второй фактор заключается в том, что акцентирование исторической, культурной, языковой общности двух стран может, по мнению Душанбе, превратить Таджики-

¹⁴ Задача перехода на новый алфавит оказалась в итоге непосильной для Таджикистана, беднейшего государства Центральной Азии, но Иран финансировал работу ряда культурных и образовательных центров (в том числе на базе школ и университетов), в которых было организовано обучение арабо-персидской письменности.

¹⁵ «Праздник Сада» включён в Список нематериального культурного наследия человечества // Посольство Республики Таджикистан в ФРГ. 07.12.2023. URL: <https://mfa.tj/ru/berlin/view/13961/prazdnik-sada-vklyuchena-v-spisok-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya-chelovechestva> (дата обращения: 12.02.2025).

¹⁶ Признана Верховным Судом Российской Федерации террористической организацией 14 сентября 2022 года.

¹⁷ Иран, Афганистан и Таджикистан создают совместный персоязычный канал // Регнум. 27.02.2010. URL: <https://regnum.ru/news/1258232> (дата обращения: 12.02.2025).

¹⁸ В Иране хиджаб является обязательным атрибутом женской одежды, тогда как в Таджикистане долгое время существовал негласный запрет на его ношение в публичных местах, оформленный в 2024 г. уже на законодательном уровне.

стан в культурную периферию *Pax Iranica*. Подобное развитие событий неприемлемо для правящих кругов постсоветской республики, которые выстраивают свою символическую политику на прославлении таджикской истории и национального культурного наследия. Достаточно указать на культ, выстроенный вокруг Исмаила Самани¹⁹, чьё правление именуется «золотым веком таджикской цивилизации». Для таджикской стороны также характерно присвоение арийской культурной традиции, которую Душанбе отказывается считать общеперсидской. В книге президента Рахмона подчёркивается, что именно Восточный, а не Западный Иран²⁰ был родиной Заратустры, «первого пророка таджиков», а также местом создания «Авесты» [Рахмон 2020: 49–55]²¹. Экспроприации подвергается не только зороастрийское, но и более позднее культурное наследие. Например, великим таджикским поэтом, к неудовольствию Тегерана, был объявлен Рудаки — современник Исмаила Самани [Уостиндж 2014: 142]. Столь же показательны и поправки в закон о государственном языке от 2009 года, согласно которым таковым вместо «таджикского персидского»²² был назван «таджикский».

Иными словами, несмотря на периодическое сближение двух государств²³, таджикская элита не разделила оптимизма президента Ирана Махмуда Ахмадинежада (2005–2013), который во время одного из своих визитов в Таджикистан обратился к местному населению с риторическим

утверждением: «Я смотрю на вас и вижу иранцев» [Clark 2015: 221]. Таким образом, потенциал «мнемонической мягкой силы» ИРИ в Таджикистане в обозримом будущем вряд ли будет полноценно реализован. С одной стороны, объективным основанием для сотрудничества служат века общей истории, культурные и цивилизационные связи, которые могли бы стать базисом для укрепления отношений. Однако трактовка исторического наследия часто становится предметом дискуссий. Например, заявления президента Таджикистана Эмомали Рахмона о том, что такие исторические личности, как Исмаил Самани, Рудаки или даже Заратустра, являются этническими таджиками, могут быть восприняты как попытка переосмысления общего культурного наследия в национальном контексте.

Индия

Интерес Нью-Дели к странам Центральной Азии прослеживается сразу после распада СССР, при этом с начала 2010-х годов заметна явная активизация на центральноазиатском направлении. В 2012 г. была сформулирована новая стратегия Индии в отношении региона (*“Connect Central Asia”*). В 2015 г. состоялось турне премьер-министра Нарендры Модии по всем пяти центральноазиатским странам. С 2019 г. налажено регулярное межгосударственное взаимодействие на уровне глав внешнеполитических ведомств (Диалог «Индия — Центральная Азия»), которое предполагает кооперацию по разным вопросам²⁴.

¹⁹ Исмаил Самани (849–907) — средневековый правитель, создавший обширную державу со столицей в Бухаре, территория которой включала в себя части современного Таджикистана, Узбекистана, Ирана и Афганистана.

²⁰ То есть территория современного Таджикистана, а не Исламской Республики Иран.

²¹ «Авеста» — священная книга зороастрийцев.

²² Эта формулировка была принята летом 1989 года.

²³ Очередное потепление в отношениях началось в 2022 году — вскоре после прихода к власти президента Ирана Ибрагима Раиси (2021–2024). Тогда в публичную риторику официальных лиц в Душанбе вернулся дискурс о «братских народах», был подписан ряд важных межгосударственных договоров, состоялся таджикско-иранский туристический форум, было заключено соглашение о безвизовом режиме.

²⁴ В августе 2024 г. главы МИД всех центральноазиатских государств собрались в Индии на двухдневную конференцию для обсуждения вопросов безопасности и развития транспортной инфраструктуры; с 2021 г. Индия проводит ежегодные военные учения с Узбекистаном, но с участием весьма ограниченного контингента.

Проникновение в регион подкрепляется ссылкой индийских политиков на древние культурные, исторические, экономические связи между Индией и Центральной Азией, призванные доказать, что страна «не новый игрок, а скорее — старый друг»²⁵. В 2015 г. Н. Моди, находясь с визитом в Астане, неоднократно подчёркивал, что данный регион издавна был местом соединения индийской и исламской цивилизаций, которые взаимно обогащали друг друга²⁶. В декларации первого саммита «Индия — Центральная Азия» 2022 г. также упоминалось о «многовековых тесных цивилизационных, культурных, торговых и гуманитарных (*people-to-people*)» контактах²⁷.

Упомянутые связи действительно прослеживаются ещё с бронзового века. Важно отметить, что некоторые территории Индии и стран Центральной Азии входили в разное время в состав ряда государств древности — Ахеменидской державы (559 до н.э. — 329 до н.э.), Греко-Бактрийского царства (250 до н.э. — 125 до н.э.), Кушанской империи (30–375). Торговые контакты, прежде всего через Великий шёлковый путь, уходят корнями в глубь веков. Одним из следствий развития трансевразийской торговли стало образование индийской диаспоры в регионе, которая играла значительную роль в местной экономике. Во второй половине XIX века в Центральной Азии насчитывалось около 8 тыс. индийцев²⁸.

Многовековое религиозное взаимодействие аналогичным образом выступает важным элементом общего наследия. Из Индии в Центральную Азию, а затем в Китай

активно проникал буддизм. Крупнейшая в мире глиняная статуя Будды была найдена в 1960-е годы на территории современного Таджикистана. В свою очередь, из Бухары, Самарканды и других городов региона суфизм постепенно проникал в Индию. Саид Али Хамадани, один из самых известных его проповедников, в XIV веке пришёл на Индостан из Куляба. Многие выходцы из Центральной Азии были частью политической и интеллектуальной элиты в империи Великих Моголов. Её основатель Бабур (1483–1530) происходил из Ферганы. Официальным языком Делийского султаната (1206–1526) был персидский. Интенсивные контакты между Центральной Азией и Индостаном сохранялись вплоть до вхождения Индии в состав Британской империи и Туркестана — Российской империи. Только после этого их стали разделять осязаемые политические границы, а персидский язык, долгое время бывший на всей этой территории *lingua franca*, постепенно вытесняется английским и русским соответственно. Таким образом, у Моди и других индийских политиков есть к чему апеллировать.

Вместе с тем политика правящей Индийской народной партии (БДП) в отношении ислама является препятствием для выстраивания транснациональной памяти между Индией и странами Центральной Азии. После прихода к власти Н. Моди в 2014 г. и без того напряжённые отношения между двумя крупнейшими религиозными общинами, индусами и мусульманами, ухудшились ещё сильнее. Лидеры БДП, исповедующие идеологию хиндутвы²⁹, рассмат-

²⁵ Щедров И. Индия в Центральной Азии: на пути от символических к реальным практикам // РСМД. 08.09.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-v-tsentralnoy-azii-na-puti-ot-simvolicheskikh-k-realnym-praktikam/> (дата обращения: 27.07.2024).

²⁶ Islamic heritage of India, Central Asia has rejected extremism: PM Narendra Modi // The Economic Times. 07.07.2015. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/islamic-heritage-of-india-central-asia-has-rejected-extremism-pm-narendra-modi/articleshow/47976684.cms?from=mdr> (accessed: 27.07.2024).

²⁷ Delhi Declaration of the 1-st India-Central Asia Summit // Ministry of External Affairs. Government of India. 27.01.2022. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34773/Delhi_Declaration_of_the_1st_IndiaCentral_Asia_Summit (accessed: 27.07.2024).

²⁸ Об исторических и культурных связях Индии и Центральной Азии см.: [Joshi 2010: 21–27; Singh 2015: 61–72].

²⁹ Хиндутва — это идеология индусского национализма, согласно которой Индия является прежде всего страной индусов. Адепты же «неаутентичных» религиозных традиций рассматриваются как

ривают культурную и конфессиональную неоднородность своей страны как серьёзную проблему. Как следствие, в Индии регулярно происходят погромы мусульман и разрушение мечетей индусскими националистами при попустительстве властей, переименовываются города, названия которых отсылают к мусульманской истории и культуре. Например, Аллахабад («город Аллаха») стал в 2018 г. Праяграджем. Подобное эксклюзивное понимание идентичности индийской нации экстраполируется и на политику памяти, которая направлена на устранение исламского наследия.

Из учебников убираются не только упоминания о символах страны, которые были созданы в эпоху Великих Моголов, например Тадж-Махал, но и целые главы, посвящённые этому периоду индийской истории³⁰. Если же мусульмане и присутствуют в историческом нарративе, то только как иностранные захватчики, что превращает 600-летнюю эпоху в истории страны от Делийского султаната до империи Великих Моголов в постыдное время внешнего завоевания. Антиисламская ревизия индийской истории сильно сокращает пространство для «мнемонического» сотрудничества Нью-Дели с государствами Центральной Азии, для которых их принадлежность к мусульманскому миру ещё со времён Арабского халифата является важной частью идентичности.

Kumai

Влияние Китайской Народной Республики (КНР) в Центральной Азии, в отличие от других международных акторов, в значительно меньшей степени основывается на использовании «мягкой силы». Основным преимуществом Пекина выступает его экономический потенциал, выра-

женный в развитии торговых отношений, предоставлении кредитов и осуществлении масштабных инвестиций в государства региона. В то же время китайская дипломатия задействует и гуманитарные инструменты. В этом контексте реализация инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП) представляется особенно показательной.

Амбициозная инфраструктурная инициатива ОПОП, предполагающая выстраивание сухопутных и морских коридоров для доставки товаров между Европой, Африкой, Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией, была запущена Пекином в 2013 году. Её название указывает на очевидные параллели с Великим шёлковым путём, некогда соединявшим Китай, Индию и Европу через Центральную Азию. Древность торговых и культурных связей между Китаем и остальными участниками проекта стала одним из идеологических обоснований ОПОП наряду с прагматическими рассуждениями об экономической выгоде. Ключевым игроком в данном случае выступает Казахстан, призванный замкнуть на себя многие сухопутные маршруты. В 2015 г. Министерство культуры КНР подготовило «План действий по развитию культуры “Пояса и Пути”», который предполагал среди прочего разработку туристических маршрутов и активизацию сотрудничества в культурной сфере между странами-участницами. Имеется в виду создание, в частности, Международного музейного союза Шёлкового пути и Археологического союза Шёлкового пути [Кауконова 2018: 139–140].

Параллельно шёл поиск исторических персоналий, которые могли бы объединить Китай со странами Центральной Азии. В Астане глава КНР Си Цзиньпин в своей речи 2013 года, приуроченной к старту этого проекта³¹, упомянул историю китайско-

чужеродный элемент, подлежащий ассимиляции или изгнанию. В этой ситуации именно мусульмане становятся главной мишенью для атак индусских националистов, как представители наиболее крупного конфессионального меньшинства (14,4% населения).

³⁰ *Suhasini R.* New Indian Textbooks are Purged of Muslim History and Hindu Extremism // NYT. 06.04.2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/04/06/world/asia/india-textbooks-changes.html> (accessed: 12.02.2025).

³¹ Xi Jinping, Speech in Astana, Kazakhstan, on Building a Silk Road Economic Belt with Central Asian Nations, September 7, 2013 // USC. US — China Institute. 07.09.2013. URL: <https://china.usc.edu/node/21218> (accessed: 14.02.2025).

го композитора Сянь Синхая (1905–1945), оказавшегося в годы Второй мировой войны в Алма-Ате в тяжёлых жизненных обстоятельствах³². Ему тогда помог казахский композитор Б. Байкадамов, с которым они сильно сблизились. В контексте строительства ОПОП Сянь превратился в настолько важный символ «казахо-китайской дружбы», что в 2017 г. во время очередного визита лидера КНР в Казахстан возникла идея совместного художественного фильма «Композитор», вышедшего в 2019 году³³.

Несмотря на отдельные примеры, ресурсы «мягкой силы», в том числе мнемонической, Китая в Центральной Азии весьма ограничены. Главной проблемой с точки зрения восприятия Пекина в регионе оказывается ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), где помимо тюркоязычных уйгуров проживают также этнические казахи (более 1 млн), киргизы (ок. 200 тыс.) и небольшое количество таджиков и узбеков³⁴. Политика КНР в отношении тюрко-мусульманского населения, а также страх перед «китайской экспансией» и ростом экономической зависимости центральноазиатских государств от Пекина определяют образ Китая в регионе,

зачастую далёкий от позитивных ассоциаций, особенно в Казахстане и Киргизии³⁵.

Многие инициативы КНР в гуманитарной сфере не находят ожидаемого отклика. Показательной стала история со знаменитым киргизским эпосом «Манас». С начала 2000-х годов в СУАР стали регулярно проводиться фестивали Манаса, а в 2009 г. Китай попытался от своего имени внести его в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, мотивируя это решение проживанием на его территории сотен тысяч киргизов, среди которых есть и «манасчи» — мастера-исполнители эпоса. Инициатива Пекина вызвала в Киргизии сильное раздражение: она была воспринята как китайская культурная апроприация, покушение на чужое национальное достояние. Хотя официальные лица в Бишкеке публично не позволяли себе резких заявлений, в итоге Киргизия спустя два года добилась внесения «Манаса» в список ЮНЕСКО исключительно от своего имени [Jacquesson 2020].

Россия

Для нас представляет особый интерес то, как выглядит на фоне рассмотренных выше игроков Россия. И в данном случае

³² Сянь Синхай приехал в СССР по поручению Коммунистической партии Китая, чтобы написать музыку к документальному фильму. Из-за войны съёмки были прерваны, в то же самое время Сянь не мог и вернуться на родину, поскольку губернатор Синьцзяна Шэн Шицай начал тогда репрессии против коммунистов. В конечном итоге Сянь оказался в Алма-Ате без денег и знакомых, равно как и без знания русского или казахского языков.

³³ Byler D. A Road to Forgetting: Friendship and Memory in China's Belt and Road Initiative // The Art of Life in Chinese Central Asia. 04.05.2019. URL: <https://livingotherwise.com/2019/05/04/road-forgetting-friendship-memory-chinas-belt-road-initiative/> (accessed: 27.07.2024).

³⁴ Важно отметить, что в СУАР не просто проживает население, которое воспринимается в Центральной Азии как культурно близкое. Существует история трансграничных миграций между Синьцзяном и Центральной Азией: сначала в ходе туркестанского восстания 1916 г. и во время сталинской коллективизации на территорию нынешнего СУАР бежали киргизы и казахи, а в середине 1950-х и начале 1960-х годов тысячи уйгуров, казахов и дунган переселялись из КНР в обратном направлении. После 1991 г. в Казахстан из Китая переехали тысячи «оралманов» — этнических казахов, у которых зачастую остаются в СУАР родственники и знакомые.

³⁵ Марлен Ларуэль и Дилан Ройс отмечают, что к Китаю в Центральной Азии применима формула *“warm politics, cold public”*: в то время как риторика первых лиц в Бишкеке, Астане, Ташкенте, Душанбе и Ашхабаде в высшей степени комплиментарна по отношению к могущественному соседу, общественное мнение настроено фактически синофобски. В 2020 г. позитивное отношение к Пекину выразили лишь 15% респондентов в Казахстане и 10% в Кыргызстане. В 2019–2020 годах в этих двух странах прошли антикитайские выступления, в которых участвовали тысячи протестующих. См.: Laruelle M., Royce D. No Great Game: Central Asia's Public Opinions on Russia, China, and the U.S. // Kennan Cable. Aug. 2020. No. 56. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-56-no-great-game-central-asias-public-opinions-russia-china-and-us> (accessed: 27.07.2024).

целесообразнее начать с ограничений и препятствий при реализации российской «мнемонической мягкой силы» в Центральной Азии.

Несмотря на общую богатую историю России со странами Центральной Азии, формирование совместной памяти об имперском и советском прошлом сталкивается с серьёзными трудностями. Москва не склонна рассматривать период до 1917 г. как колониальный, тогда как в Центральной Азии сложился устойчивый консенсус относительно именно такой интерпретации российского господства в Туркестане³⁶.

Историческая память о советской эпохе гораздо более дифференцированная. Если в Узбекистане и Туркменистане колониальная рамка безо всяких оговорок экстраполируется и на период 1917–1991 годов, то в Казахстане и особенно в Киргизии и Таджикистане восприятие Советского Союза более нюансированное. Тем не менее даже в трёх последних странах политические элиты не соглашаются поддерживать точку зрения Москвы на распад СССР

как «крупнейшую геополитическую катастрофу», потому что подобная позиция делегитимирует их собственное существование. Для руководства Российской Федерации Советский Союз – органичная часть исторической России, российская политика памяти подразумевает идею *преемственности* между периодами до и после 1991 года. Характерно, например, что из официального российского дискурса сегодня фактически пропал термин «тоталитаризм» для описания коммунистической эпохи.

Политика памяти других постсоветских государств, в том числе в Центральной Азии, строится на допущении, что в 1991 г. их *подлинная* национальная история только началась или возобновилась после долгого перерыва, что в той или иной степени предполагает критическую оценку советского прошлого³⁷. Согласовать между собой два исторических нарратива, один из которых конструируется в рамках бывшей «метрополии» (при всей сложности приращения термина «империя» к СССР),

³⁶ В ходе анализа учебников по истории из Узбекистана, Казахстана и Киргизии не было обнаружено принципиальных различий в их оценке имперского периода. Наиболее жёсткие формулировки используются в Узбекистане, где сообщается о «колониальных войнах» России в Туркестане и установившемся там «оккупационном режиме». См.: *Муртазаева Р.Х., Дорошенко Т.И.* (ред.) История Узбекистана: Учебник для студентов высших учебных заведений. Ташкент: "Fan va texnologiya", 2011. С. 182–197. В казахстанском нарративе говорится о «захвате исконно казахских земель» и «грабеже казахских аулов» после присоединения к Российской империи, а участие казахов в восстании Емельяна Пугачёва интерпретируется как «первое открытое выступление... против колониальной политики России». См.: *Тургараева Г.М.* История Казахстана: Учебник: курс лекций. Алматы: издательство «Эверо», 2016. С. 102. В киргизском учебнике, несмотря на в целом более мягкую риторику, констатируется, что «[ц]аризм нёс киргизскому народу национально-колониальный гнёт, дополнявшийся гнётom своих феодалов-эксплуататоров». См.: *Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д., Абдырахманов Т.А.* История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов / Отв. ред. А.Ч. Какеев. 3-е дораб. изд. Бишкек: КРСУ, 2015. С. 249.

³⁷ В одном из узбекистанских учебников глава, посвящённая распаду СССР, красноречиво называется «Государственная независимость – осуществление вековой мечты народа». См.: *Муртазаева, Дорошенко.* История Узбекистана ... С. 276. В учебнике из Киргизии так разъясняется младшим школьникам смысл обретения независимости: «Когда Кыргызстан находился в составе Советского Союза, он не мог самостоятельно решать важные политические, экономические, национальные проблемы. Только в 1985 года, с началом в стране нового периода, названного периодом "перестройки", появились реальные возможности для возрождения, обретения нашей республикой независимости». См.: *Осмонов О.Дж. и др.* История Кыргызстана и мировая история: Учебник для 5 кл. общеобразовательных школ. Бишкек: Билим-компьютер, 2018. С. 10. Президент Таджикистана в своей книге характеризует советский период следующим образом: «Семидесятилетняя история Советского Союза, защищающего преимущественно ограниченную национальную независимость, доказала, что искусственно навязанная народу культурная политика и идеология в конечном итоге обречены на провал. Ибо надуманная и беспочвенная идеология не соответствовала духовным, моральным, религиозным и психологическим ценностям народов...». См.: *Рахмон Э.* Таджики в зеркале истории. От Арийцев до Саманидов. Душанбе: Ирфон, 2020. С. 11.

а другой — на бывших «окраинах», весьма проблематично. Эти противоречия гораздо серьезнее, чем описанные ранее расхождения в рамках общетюркского нарратива.

Тем не менее потенциал для выстраивания транснациональной памяти между Россией и Центральной Азией сохраняется в отношении отдельных событий общей истории, самым очевидным из которых видится Великая Отечественная война³⁸. Она имеет чрезвычайную значимость для российской стороны, где события 1941–1945 годов превратились в ключевой элемент политики памяти, направленной как внутренней, так и внешней аудитории. Российские официальные лица регулярно апеллируют к войне как к общей странице истории всех республик бывшего СССР, активно продвигая совместные формы её коммеморации, например участие лидеров постсоветских государств в московском Параде Победы, проведение шествий «Бессмертного полка», акция «Георгиевская ленточка» или её аналоги. Иными словами, Москва прилагает значительные усилия для сохранения памяти о Великой Отечественной войне в качестве транснациональной после распада СССР.

Вместе с тем российская версия памяти о войне оказывается плохо совместимой с коллективной памятью целого ряда постсоветских обществ. В этом смысле Москве гораздо проще говорить об истории Великой Отечественной войны со странами Центральной Азии, поскольку здесь нет указанных проблем и «конфликтов памяти». В этом регионе после 1991 г. не произошло радикальной ревизии советского наррати-

ва о войне, если вынести за скобки Туркменистан³⁹. Кроме того, эти страны хорошо помнят о той особенной роли, которую они сыграли в истории войны, став местом эвакуации предприятий, киностудий, НИИ, вузов, а главное — сотен тысяч советских граждан из европейской части Советского Союза. Например, в Ташкенте до сих пор стоит памятник семье Шамахсудовых, которые усыновили в годы войны 15 сирот, вывезенных в Узбекскую ССР.

Главное преимущество российской «мнемонической мягкой силы» заключается в том, что событие, вокруг которого можно выстраивать совместные рамки памяти с центральноазиатскими государствами, обладает гораздо большим эмоциональным откликом, чем апелляции к древним тюркским династиям, державе Ахеменидов или истории Великого шёлкового пути. И в России, и в странах Центральной Азии Великая Отечественная война входит в «оперативную память общества», по формулировке А. Ассман. Она опирается на существование «совместного опыта, воспоминаний и нарративов» [Ассман 2023: 22] — на непосредственные рассказы о войне представителей старшего поколения, на сохранившиеся дома фотографии родственников-фронтовиков и др. Словом, память о Великой Отечественной войне — пока ещё во многом «живая».

* * *

Государства активно работают с историей для продвижения собственных интересов на международной арене, а политика памяти может рассматриваться как инстру-

³⁸ Оговоримся, что в Узбекистане и Туркменистане от этого понятия на официальном уровне отказались, оставив в употреблении лишь термин «Вторая мировая война». Тем не менее мы будем его использовать для удобства, имея в виду события, связанные с противостоянием СССР нацистской Германии и её союзникам.

³⁹ Не случайно регулярно проводятся различные форумы и круглые столы с участием учёных, экспертов, общественных деятелей из Центральной Азии и России, название которых говорит само за себя — «Вклад народов Евразии в Великую Победу», «79-я годовщина окончания ВОВ. Вклад стран Центральной Азии в общую победу» и т.д. См., например: «Большая Азия»: молодое поколение Евразии помнит Подвиг Героев ВОВ // Ассамблея народов Азии и Африки // Ассамблея народов Азии и Африки. 04.09.2020. URL: <https://eurasia-assembly.org/ru/news/bolshaya-aziya-molodoe-pokolenie-evrazii-pomnit-podvig-geroev-vov> (дата обращения: 30.11.2024); В России оценили вклад стран Центральной Азии в победу в ВОВ // Kz24.News. 27.04.2024. URL: <https://kg24.news/politics/vklad-stran-tsentrainoy-azii-v-pobedu.html> (дата обращения: 30.11.2024).

мент не только внутренней, но и внешней политики. Если в первом случае решаются среди прочего задачи консолидации общества и легитимации власти, то во втором — государства стремятся к вовлечению других стран в совместные проекты, в том числе инфраструктурные; к углублению межгосударственного сотрудничества; к формированию своего положительного образа за рубежом.

В статье показано, что в регионе активная работа по формированию транснациональных рамок памяти ведётся целым рядом внешних игроков, каждый из которых видит в этом дополнительную возможность для укрепления собственного влияния. Показано, что наибольших результатов добилась Турция. Концепция «тюркского мира» имеет и институциональный базис (Организация тюркских государств, ТЮРКСОЙ, Тюркская академия), и зримые воплощения, в частности в виде совместных учебников по истории и регулярных культурных мероприятий. Меньше всего в этом плане представлен Китай.

Процесс конструирования транснациональной памяти в регионе сталкивается с рядом сложностей. Некоторые из них обусловлены действиями самих внешних игроков. Индийской элите гораздо труднее апеллировать к истории межконфессионального взаимодействия между Индией и государствами Центральной Азии, если параллельно она подвергает забвению исламское культурное наследие внутри страны.

Другие же следует искать скорее в процессах, происходящих внутри Центральноазиатского региона. К числу последних относятся постсоветское нациестроительство, которое способствует концентрации правящих элит на продвижении собственного историко-культурного наследия. В этой ситуации приглашение воспринимать себя частью тюркского или персидского мира или же разделить советско-российский нарратив о Великой Отечественной войне идёт вразрез с партикуляристской повесткой «национализирующихся» государств [Brubaker 1995].

России, условно, как бывшей «метрополии» трудно находить точки соприкосновения с бывшими «окраинами» в деле конструирования общей памяти. С другой стороны, совместная память о событиях 1941–1945 годов оказывается более эмоциональной в сравнении с конкурирующими транснациональными нарративами. Не стоит забывать, что естественный процесс смены поколений ведёт к изменению «профиля воспоминаний» общества: некоторые сюжеты неизбежно отодвигаются на периферию коллективной памяти, некоторые заново переосмысливаются. По подсчётам немецкого историка А. Ассман, срок жизни «оперативной памяти» общества составляет 80–100 лет, то есть примерно три поколения [Ассман 2023: 22]. Россия стоит на рубеже, за которым её обозначенное преимущество в Центральной Азии может оказаться утраченным.

Список литературы

- Алпатов В.М. Мягкая сила и язык // *Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ* / Сост. Е.Г. Борисова. 4-е изд. М.: ФЛИНТА, 2020. С. 134–139.
- Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка: мать всех брендов. М.: Добрая книга, 2010. 231 с.
- Ассман А. Европейская мечта. Переизобретение нации. М.: НЛО, 2022. 507 с.
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2023. 323 с.
- Бахарева М.Д. Современная имагология: значение и перспективы развития // *Концепт: философия, религия, культура*. 2022. Т. 6. №2. С. 86–101. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-86-101>
- Горак С. Мифы Великого Туркменбаши // *Вестник Евразии*. 2005. №. 2. С. 105–132.
- Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2007. №1(445). С. 3–24.
- Казанцев А.А., Меркушев Н.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // *Полис*. 2008. № 2. С. 122–135.

- Каукунова Т.В. Культурно-гуманитарная составляющая инициативы «Один пояс и один путь»: значение и текущее состояние // Инициатива «Один пояс и один путь»: состояние и перспективы: Сб. материалов научной конференции, Алматы, 19 сентября 2018 г. Алматы: Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2018. С. 136–144.
- Космарский А. Смыслы латинизации в Узбекистане (конец XX — начало XXI вв.) // Вестник Евразии. М. 2003. №3(20). С. 62–79.
- Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 2. С. 178–192. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-02-09
- Ланьшина Т.А. «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. №2. С. 28–58.
- Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №3(54). С. 212–213. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>
- Най Дж.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М.: Тренды, 2006. 221 с.
- Павловский А.Ф. В поисках глобальной памяти: куда ведет транснациональный поворот в Memory Studies? // Полития. 2023. № 2 (109). С. 166–194. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-109-2-166-194
- Понамарёва А.М. Мнемоническая дипломатия в российско-сербских отношениях: пределы возможного // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 93–132. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-1-93-132>
- Сутырин В.В. За пределами «мягкой силы»: гуманитарное влияние и сотрудничество во внешней политике // Международная жизнь. 2020. №9. С. 44–57.
- Устиндж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. №4. С. 131–144.
- Ahmadi H. Iran and Tajikistan: How Culture and Civilization Fade in the Shadow of Politics and the Political // Iran and the Caucasus. 2019. Vol. 23. No. 1. P. 105–119. <https://doi.org/10.1163/1573384X-20190110>
- Bachleitner K. Collective Memory in International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2021. 176 p.
- Baronian M.-A. Archive, Memory, and Loss: Constructing Images in the Armenian Diaspora // Transnational Memory. Circulation, Articulation, Scales / ed. by C. De Cesari, A. Rigney. Berlin; München; Boston: De Gruyter, 2014. P. 79–98. <https://doi.org/10.1515/9783110359107.79>
- Brubaker R. National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe // Daedalus. 1995. Vol. 124. No. 2. P. 107–132
- Clark B. Ahmadinejad, Iran, and Foreign Policy Dysfunction in Tajikistan // Asian Politics & Policy. 2015. Vol. 7. No. 2. P. 213–244. <https://doi.org/10.1111/aspp.12180>
- Hong Y. The power of Bollywood: A study on opportunities, challenges, and audiences' perceptions of Indian cinema in China // Global Media and China. 2021. Vol. 6. No. 3. P. 345–363. <https://doi.org/10.1177/20594364211022605>
- Hard Power, Soft Power and the Future of Transatlantic Relations / ed. by Th. L. Ilgen. London; New York: Routledge, 2006. 222 p.
- Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey / ed. by M. Beller, J. Leerssen. Leiden: Brill, 2007. 476 p.
- Jacquesson S. Claiming heritage: the Manas epic between China and Kyrgyzstan // Central Asian Survey. 2020. Vol. 39. No. 3. P. 324–339. <https://doi.org/10.1080/02634937.2020.1765739>
- Joshi N. Introduction // Reconnecting India and Central Asia. Emerging Security and Economic Dimensions / ed. by N. Joshi. Singapore: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2010. P. 21–27.
- Klymenko L., Siddi M. Exploring the link between historical memory and foreign policy: an introduction // International Politics. 2020. Vol. 57. No. 6. P. 945–953. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00269-x>
- Koureas G., Prosser J., Wilson C., Hakim-Dowek L. Ottoman Transcultural Memories: Introduction // Memory Studies. 2019. Vol. 12. No. 5. P. 483–492. <https://doi.org/10.1177/1750698019870687>
- Levi D., Sznajder N. The Holocaust and Memory in the Global Age. Philadelphia: Temple University Press, 2006. 240 p.
- Local History, Transnational Memory in the Romanian Holocaust / ed. by V. Glajar, J. Teodorescu. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 275 p.

- Nye J.S. Jr.* Bound to lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990. 336 p.
- Nye J.S. Jr.* The future of power. New York: Public Affairs, 2011. 320 p.
- Ohnesorge H.W., Owen J.M.* Mnemonic Soft Power: The Role of Memory in China's Quest for Global Power // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2023. Vol. 52. No. 2. P. 287–310. DOI: 10.1177/18681026231193035
- Otmazgin N.K.* Geopolitics and soft power: Japan's cultural policy and cultural diplomacy in Asia // *Asia-Pacific Review*. 2012. Vol. 19. No. 1. P. 37–61. <https://doi.org/10.1080/13439006.2012.678629>
- Ozkan B.I., Boylu Y.* A Study on the Use of Tourism as a Soft Power Instrument in International Relations // *Journal of Tourismology*. 2021. Vol. 7. No. 1. P. 73–99. DOI :10.26650/jot.2021.7.1.0004
- Roberts G.* History, Theory and the Narrative Turn in IR // *Review of International Studies*. 2006. Vol. 32. No. 4. P. 703–714. <https://doi.org/10.1017/S0260210506007248>
- Ryan R.* Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the dynamics of their interaction // *Journal of Sociology*. 2014. Vol. 50. No. 4. P. 501–514. <https://doi.org/10.1177/1440783312467097>
- Simons J.* The Soft Power of Elephants // *The Routledge Handbook of Soft Power* / ed. by N. Chitty, L. Ji, G.D. Rawnsley, C. Hayden. London; New York: Routledge, 2017. P. 177–184. <https://doi.org/10.4324/9781315671185>
- Singh A.K.* India and Central Asia: An Interpretation of Mutually Indelible Historical Relationship and its Multi Faceted Impact // *International Journal of Interdisciplinary and Multidisciplinary Studies*. 2015. Vol. 2. No. 7. P. 61–72.
- Soft Power and US Foreign Policy. Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives* / ed. by I. Parmar, M. Cox. London; New York: Routledge, 2010. 256 p.
- The Palgrave Dictionary Of Transnational History* / ed. by A. Iriye, P.-Y. Saunier. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 1226 p.
- Transcultural Memory* / ed. by R. Crownshaw. London; New York: Routledge, 2014. 144 p.
- Watanabe Y., McConnell D.L.* Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States. Abingdon, England: Routledge, 2008. 296 p.
- Wüstenberg J.* Introduction. Agency and Practice in the Making of Transnational Memory Spaces // *Agency in Transnational Memory Politics* / ed. by J. Wüstenberg, A. Sierp. New York; London: Berghahn, 2020. P. 3–23.

TRANSNATIONAL MEMORY IN POST-SOVIET CENTRAL ASIA AS A “RESOURCE OF SOFT POWER”*

DENIS LETNYAKOV

Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, 119602, Russia

Abstract

While the politics of memory has been extensively explored as a domestic policy instrument, its function in shaping foreign affairs remains underexamined. Drawing on Joseph Nye's concept of “soft power,” this article investigates how the politics of memory influences diplomatic and cultural engagements in post-Soviet Central Asia. The region is conceptualized as a contested space in which historical memory serves as a strategic resource for external actors – including Turkey, Iran, India, China, and Russia – seeking to project influence and foster alignment among local populations. These “mnemonic actors” deploy

* The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

narratives of shared cultural and historical legacies, such as the "Turkish world" and the "Legacy of the Silk Road," to encourage the development of transnational memories that transcend national boundaries. The analysis evaluates each actor's "mnemonic soft power" by examining the various historical narratives and symbolic initiatives they promote. Turkey emerges as particularly effective, leveraging the notion of the "Turkish world" through collaborative historical textbooks, scholarly conferences, and cultural festivals to solidify a sense of shared identity. China, by contrast, exhibits comparatively limited resources for mobilizing soft power in the region. Meanwhile, Russia – historically the imperial "metropole" – faces significant challenges in forging a common memory that encompasses both the pre-Soviet and Soviet periods. Nonetheless, it relies on the evocative power of World War II as part of the region's "short-term memory," although this advantage is likely to erode as generational change reshapes collective memory. The article concludes that memory politics constitutes a pivotal dimension of contemporary geopolitics in Central Asia, with evolving implications for regional alignments.

Keywords:

soft power; historical memory; politics of memory; transnational memory; Central Asia; Turkey; Iran; India; China; Russia

References

- Ahmadi H. (2019). Iran and Tajikistan: How Culture and Civilization Fade in the Shadow of Politics and the Political. *Iran and the Caucasus*. Vol. 23. No. 1. P. 105–119. <https://doi.org/10.1163/1573384X-20190110>
- Alpatov V.M. (2020). Myagkaya sila i yazyk [Soft Power and Language]. In: E. G. Borisova (ed.) *Soft Power, myagkaya sila, myagkaya vlast'*. *Mezhdisciplinarnyj analiz* [Soft power, soft rule. Interdisciplinary analysis]. Moscow: FLINTA. P. 134–139.
- Ankhol't S., Khil'dret D. (2010). *Brend Amerika: mat' vseh brendov* [Brand America: mother of all brands]. Moscow: Dobraya kniga. 231 p.
- Assmann A. (2022). *Evropeyskaya mechta. Pereizobretenie natsii* [European Dream, Reinventing the Nation]. Moscow: NLO. 507 p.
- Assman A. (2023). *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kultura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow: NLO. 323 p.
- Bachleitner K. (2021). *Collective Memory in International Relations*. Oxford: Oxford University Press. 176 p.
- Bahareva M.D. (2022). Sovremennaya imagologiya: znachenie i perspektivy razvitiya [Contemporary Imagology: Meaning and Development Prospects]. *Concept: philosophy, religion, culture*. Vol. 6. No. 2. P. 86–101. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-86-101>
- Baronian M.-A. (2014). Archive, Memory, and Loss: Constructing Images in the Armenian Diaspora. In: C. De Cesari, A. Rigney (eds) *Transnational Memory. Circulation, Articulation, Scales*. Berlin; München; Boston: De Gruyter. P. 79–98. <https://doi.org/10.1515/9783110359107.79>
- Beller M., Leerssen J. (eds.) (2007). *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey*. Leiden: Brill. 476 p.
- Brubaker R. (1995). National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe. *Daedalus*. Vol. 124. No. 2. P. 107–132.
- Clark B. (2015). Ahmadinejad, Iran, and Foreign Policy Dysfunction in Tajikistan. *Asian Politics & Policy*. Vol. 7. No. 2. P. 213–244. <https://doi.org/10.1111/aspp.12180>
- Crownshaw R. (ed.) (2014). *Transcultural Memory*. London; New York: Routledge. 144 p.
- Davydov Yu.P. (2007). "Zhestkaya" i "myagkaya" sila v mezhdunarodnykh otnosheniyakh ["Hard" and "Soft" Power in international relations]. *USA&Canada: economy, politics, culture*. No. 1(445). P. 3–24.
- Glajar V., Teodorescu J. (eds) (2011). *Local History, Transnational Memory in the Romanian Holocaust*. New York: Palgrave Macmillan. 275 p.
- Gorak S. (2005). Mify Velikogo Türkmenbashi [Great Türkmenbaşy's Myths]. *Vestnik Evrazii*. No. 2. P. 105–132.
- Hong Y. (2021). The power of Bollywood: A study on opportunities, challenges, and audiences' perceptions of Indian cinema in China. *Global Media and China*. Vol. 6. No. 3. P. 345–363. <https://doi.org/10.1177/20594364211022605>
- Ilgén Th.L. (ed.) (2006). *Hard Power, Soft Power and the Future of Transatlantic Relations*. London; New York: Routledge. 222 p.
- Iriye A., Saunier P.-Y. (eds.) (2009). *The Palgrave Dictionary Of Transnational History*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 1226 p.

- Jacquesson S. (2020). Claiming heritage: the Manas epic between China and Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*. Vol. 39. No. 3. P. 324–339. <https://doi.org/10.1080/02634937.2020.1765739>
- Joshi N. (2010). Introduction. In: N. Joshi (ed.) (2010). *Reconnecting India and Central Asia. Emerging Security and Economic Dimensions*. Singapore. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. P. 21–27.
- Kaukenova T.V. (2018). Kul'turno-gumanitarnaya sostavlyayuschaya initsiativy "Odin poyas i odin put'": znachenie i tekushee sostoyanie [Cultural and humanitarian component of the "One Belt and One Road" initiative: significance and current state]. *Initsiativa "Odin poyas i odin put'": sostoyanie i perspektivy. Sbornik materialov nauchnoy konferentsii Almaty, 19 sentyabrya* [The "One Belt and One Road" initiative: status and prospects. Collection of materials of the scientific conference Almaty, September 19]. Almaty: DKU. P. 136–144.
- Kazantsev A.A., Merkushev N.N. (2008). Rossiya i postsovetское prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya "myagkoy sily" [Russia and the post-Soviet space: prospects for using "soft power"]. *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 122–135.
- Klymenko L., Siddi M. (2020). Exploring the link between historical memory and foreign policy: an introduction. *International Politics*. Vol. 57. No. 6. P. 945–953. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00269-x>
- Kosmarskiy A. (2003). Smysly latinizatsii v Uzbekistane (konets XX – nachalo XXI vv.) [Meanings of Latinization in Uzbekistan (late 20th – early 21st centuries)]. *Acta Eurasica*. Vol. 20. No. 3. P. 62–79.
- Koureas G., Prosser J., Wilson C., Hakim-Dowek L. (2019). Ottoman Transcultural Memories: Introduction. *Memory Studies*. Vol. 12. No. 5. P. 483–492. <https://doi.org/10.1177/1750698019870687>
- Krivokhizh S.V., Soboleva E.D. (2023). KNR i bor'ba za diskursivnyuyu gegemoniyu: rol' strategicheskikh narrativov [Strategic Narratives in China's Bid for Discursive Hegemony]. *International Organisations Research Journal*. Vol. 18. No. 2. P. 178–192. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-02-09
- Lan'shina T.A. (2014). "Myagkaya sila" Germanii: kul'tura, obrazovanie, nauka [German "soft power": culture, education, science]. *International Organisations Research Journal*. Vol. 9. No. 2. P. 28–58.
- Lebedeva M.M. (2017). "Myagkaya sila": ponyatie i podkhody [Soft power: concept and approaches]. *MGIMO Review of International Relations*. No. 3(54). P. 212–213. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>
- Levi D., Sznajder N. (2006). *The Holocaust and Memory in the Global Age*. Philadelphia: Temple University Press. 240 p.
- Nye J.S.Jr. (1990). *Bound to lead: The changing nature of American power*. New York: Basic Books. 336 p.
- Nye J.S.Jr. (2006). *Gibkaja vlast': kak dobit'sya uspekha v mirovoy politike* [Soft power: The means to success in World Politics]. Novosibirsk; Moscow: Trendy. 221 p.
- Nye J.S.Jr. (2011). *The future of power*. New York: Public Affairs. 320 p.
- Ohnesorge H. W., Owen J. M. (2023). Mnemonic Soft Power: The Role of Memory in China's Quest for Global Power. *Journal of Current Chinese Affairs*. Vol. 52. No. 2. P. 287–310. DOI: 10.1177/18681026231193035
- Otmazgin N.K. (2012). Geopolitics and soft power: Japan's cultural policy and cultural diplomacy in Asia. *Asia-Pacific Review*. Vol. 19. No. 1. P. 37–61. <https://doi.org/10.1080/13439006.2012.678629>
- Ozkan B.I., Boylu Y. (2021). A Study on the Use of Tourism as a Soft Power Instrument in International Relations. *Journal of Tourismology*. Vol. 7. No. 1. P. 73–99. DOI :10.26650/jot.2021.7.1.0004
- Parmar I., Cox M. (eds) (2010). *Soft Power and US Foreign Policy. Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. London; New York: Routledge. 256 p.
- Pavlovskiy A.F. (2023). V poiskakh global'noy pamyati: kuda vedet transnatsional'nyy povorot v Memory Studies? [In search of global memory: where does the transnational turn in Memory Studies lead?]. *Politeia*. No. 2 (109). P. 166–194. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-109-2-166-194
- Ponamareva A.M. (2023). Mnemonicheskaya diplomatiya v rossiysko-serbskikh otnosheniyakh: predely vozmozhnogo [Mnemonic diplomacy in Russian-Serbian relations: the limits of the possible]. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 15. No. 1. P. 93–132. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-1-93-132>
- Roberts G. (2006). History, Theory and the Narrative Turn in IR. *Review of International Studies*. Vol. 32. No. 4. P. 703–714. <https://doi.org/10.1017/S0260210506007248>
- Ryan R. (2014). Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the dynamics of their interaction. *Journal of Sociology*. Vol. 50. No. 4. P. 501–514. <https://doi.org/10.1177/1440783312467097>
- Simons J. (2017). The Soft Power of Elephants. In: N. Chitty, L. Ji, G. D. Rawnsley, C. Hayden (eds). *The Routledge Handbook of Soft Power*. London; NY: Routledge. P. 177–184. <https://doi.org/10.4324/9781315671185>

- Singh A.K. (2015). India and Central Asia: An Interpretation of Mutually Indelible Historical Relationship and its Multi Faceted Impact. *International Journal of Interdisciplinary and Multidisciplinary Studies*. Vol. 2. No. 7. P. 61–72.
- Sutyurin V.V. (2020). Za predelami "myagkoy sily": gumanitarnoye vliyanie i sotrudnichestvo vo vneshney politike [Beyond Soft Power: Humanitarian Influence and Foreign Policy Cooperation]. *The International Affairs*. No. 9. P. 44–57.
- Uostindzh Eh. (2014). Vneshnyaya kul'turnaya politika Irana v Tsentral'noy Azii: demonstraciya politicheskogo pragmatizma [Iran's foreign cultural policy in Central Asia: a demonstration of political pragmatism]. *Central Asia and the Caucasus Journal*. Vol. 17. No. 4. P. 131–144.
- Watanabe Y., McConnell D.L. (2008). *Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States*. Abingdon, England: Routledge. 296 p.
- Wüstenberg J. (2020). Introduction. Agency and Practice in the Making of Transnational Memory Spaces. In: J. Wüstenberg, A. Sierp (eds) *Agency in Transnational Memory Politics*. New York; London: Berghahn. P. 3–23.

ФЕНОМЕН «БУТЫЛОЧНОГО ГОРЛЫШКА» В ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ ЕВРОСОЮЗА С РОССИЕЙ

САБИНА ДАВРАНОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

При каких условиях можно говорить об исчерпании потенциала использования санкций в условиях взаимозависимости между ЕС и Россией? Предметом исследования являются изъятия из торговых санкций, прописанных в Регламенте Совета (ЕС) № 833/2014 от 31 июля 2014 года. В работе предложена их типологизация: гуманитарные и дипломатические исключения, специальные оговорки для закрытия отдельных сделок, послабления для физических лиц и изъятия, вводимые из соображений экономической безопасности. В отношении последних проанализирована торговая статистика за 2021–2023 годы, рассчитаны темпы прироста экспорта из Российской Федерации в Европейский союз, использован индекс Херфиндаля–Хиршмана для анализа географической концентрации экспорта в пределах всего интеграционного блока. Результаты проведённого исследования позволяют идентифицировать возможные пределы использования санкций в отношении России. В этом случае уместно говорить о том, что разработка санкционных ограничений стопорится и происходит эффект «бутылочного горлышка». Изучение динамики данного эффекта позволяет проследить, когда происходит снижение эффективности санкционных мер ЕС в силу объективных причин. Термин «бутылочное горлышко» употребляется не потому, что санкционные меры неэффективны: взаимодействие Москвы и Брюсселя в отдельных областях подчиняется особой рыночной, а не политической логике. В работе выявлено три случая проявления данного эффекта: а) когда приоритеты ЕС по другим направлениям более значимы, чем стремление ослабить Россию; б) когда санкции не могут быть введены в силу гуманитарных соображений — в этом случае повышается риск военизации через меры тарифного регулирования; в) когда речь идёт о сохранении крупными странами ЕС отдельных элементов торгово-экономического взаимодействия с Россией, прочно сложившихся за годы формирования экономической взаимозависимости и слабо подверженных демонтажу в силу особенностей рыночной конъюнктуры.

Ключевые слова:

отношения России и ЕС; санкционная политика; торговые санкции; военизация взаимозависимости; эффект «бутылочного горлышка»

Введение

В июле 2022 г. на открытии летних курсов в Университете Комплутенсе в Мадриде заместитель генерального секретаря

по политическим вопросам Европейской службы внешних дел (ЕСВД) Энрике Мора произнёс речь перед студентами, посвящённую политике санкций ЕС в отношении

Статья подготовлена в рамках стратегического проекта «Сценарное прогнозирование развития механизма вторичных санкций против России» НИУ ВШЭ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2025

Дата принятия к публикации: 04.02.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: sbdavranoval@hse.ru

России. В своём выступлении он раскрыл её телеологические особенности: «Цель санкций в этом смысле — ослабить Россию. Не как в отношении Венесуэлы. Там цель заключалась в смене политического курса страны. Здесь цель иная — ослабить Россию. <...> Когда Путин говорит: “Они объявляют нам войну”, он прав. Мы её объявляем»¹.

ЕСВД обладает правом законодательной инициативы в области внешней политики Союза [Juncos 2021: 312], разрабатывает и предлагает с привлечением Еврокомиссии ограничительные меры. Именно в подчинении Э. Мора, окрещённого в СМИ «ветераном испанской дипломатии» и «правой рукой Борреля»², находился отдел, задачей которого была среди прочего разработка санкционных законопроектов³.

Актуальная по сей день политическая практика в области санкций и подобные заявления со стороны лиц, принимающих политические решения, свидетельствуют о появлении новых черт санкционного курса ЕС. Речь идёт уже не о тактике «кнута и пряника», через которую одни государства пытаются изменить поведение других, а о полноценном инструментарии. Посредством последнего осуществляется институционализация противостояния между крупными державами, переформатирование глобальных рынков и цепочек стоимости [Демаре 2024], обретение «стратегической глубины»⁴ [Энтин, Энтина 2023] или «стратегического суверенитета» [Романова 2024], независимо от дальнейшего поведения объекта санкций [Арапова 2023: 48]. Современная практика примене-

ния односторонних ограничений имеет всё меньше общих черт со своей прародительницей — многосторонними санкциями, которые стали применяться более века назад государствами—членами Лиги Наций с целью гуманизации международных отношений.

В данной работе рассматриваются торговые отношения между Россией и ЕС, для которых общепризнанным на протяжении последних нескольких десятилетий был высокий уровень экономической взаимозависимости. Исследование призвано дополнить пласт академической литературы, где санкции используются как инструмент противоборства в условиях взаимозависимости (*weaponization*; см. ч. 2). В нашей статье мы пытаемся определить возможные пределы этого инструментализированного противостояния в отношениях Москвы и Брюсселя. Несмотря на кажущуюся тотальность этого феномена, у него есть эмпирически определяемые пределы в тех сегментах экономического взаимодействия, которые и были выведены из-под политики санкций. Для установления этих пределов автором выработана такая структура исследования, которая включает в себя как качественные (анализ правовых документов ЕС, выработка типологизации исключений и изъятий из санкций ЕС), так и количественные методы (расчеты индекса Херфиндаля—Хиршмана применительно к статистическим торговым данным, см. ч. 3). Нарботки, полученные в результате эмпирического анализа (см. ч. 4), предлагается концептуализировать понятием эффекта

¹ Цит. по: Escalonilla Á. Enrique Mora, Deputy Secretary General of the EU's External Action Service: "Putin is going to declare the annexation of the Donbas as soon as he gets the territory" // Atalayar. 21.07.2022. URL: <https://www.atalayar.com/en/articulo/politics/enrique-mora-deputy-secretary-general-eus-external-action-service-putin-going-declare/20220720174040157472.html> (accessed: 19.12.2024).

² Э. Мора также занимал должность начальника его штаба в ЕСВД.

³ The coordination role of the European External Action Service. Mostly working effectively, but some weaknesses in information management, staffing and reporting. Special Report // European Court of Auditors. 02/2024. P. 47. URL: https://www.eca.europa.eu/ECAPublications/SR-2024-02/SR-2024-02_EN.pdf (accessed: 19.12.2024).

⁴ Авт. прим.: «стратегическая глубина», как и «стратегический суверенитет» — это стратегия достижения нового витка технологической революции, переподчинения в свою пользу высокомаржинальных звеньев глобальных цепочек добавленной стоимости для повышения своей конкурентоспособности в мировой экономике.

«бутылочного горлышка». С его помощью можно идентифицировать проблематичные с точки зрения европейских политиков сегменты российской экономики, в отношении которых санкционная политика не может быть реализована в полной мере. Конечная цель исследования заключается в более подробном раскрытии целеполагания антироссийской санкционной политики ЕС за счёт объяснения того, почему в отношении отдельных сегментов экономического взаимодействия России и ЕС актуален эффект «бутылочного горлышка».

Санкции как инструмент противоборства

В 2019 г. на страницах журнала «Международная безопасность» (*International Security*) была опубликована теоретическая работа американских международных Генри Фаррелла и Абрахама Ньюманна [Farrell, Newman 2019], посвящённая «вооружённой взаимозависимости». Для исследований экономических санкций, как и для международной политической экономии в целом, эта работа стала новым словом в науке. Учёные продемонстрировали, как глобализация трансформирует либеральный миропорядок, формируя асимметричные сетевые структуры, через которые проходят потоки информации, капиталов, товаров, а также производственные цепочки. Государства, обладающие политической властью над центральными узлами этих сетей — «концентраторы» (*hubs*), — могут использовать своё положение в сети для превращения взаимозависимости в средство давления на предполагаемого оппонента. Эта идея является предметом научно-исследовательской дискуссии в международно-политическом дискурсе, как минимум, с 1970-х годов [Keohane, Nye 1977; Slaughter 1997].

Идея о влиянии беспрецедентного для мировой экономики уровня взаимозависимости на усиление межгосударственного противостояния звучала и в более ранних работах [Brooks 2017]. Вместе с тем именно Г. Фарреллу и А. Ньюманну удалось поставить под сомнение господствующие в западной академической традиции либе-

ральные представления о взаимозависимости как о феномене, при котором государственная власть либо децентрализуется и распределяется между разнообразными государственными и негосударственными субъектами, либо преобразуется в сетевой глобальный порядок, в котором США осуществляют «власть с помощью» конструктивного сотрудничества с союзниками для достижения целей экономического и социального развития [Farrell, Newman 2019: 44–45]. Здесь важно подчеркнуть смысловой оттенок термина *weaponization*, под которым традиционно имеется в виду милитаризация аспектов человеческой деятельности, ранее считавшихся мирными [Schlee, Oppen 2020].

Начиная с работы Г. Фаррелла и А. Ньюманна, исследователи санкций всё чаще стали рассматривать их как инструмент милитаризации мирохозяйственных отношений, особенно когда предметом анализа являются антироссийские санкции, принятые после начала специальной военной операции (СВО) [Farrell, Newmann 2023; Quaglia, Verdun 2023; Арапова 2023; Christou, Damro 2024; Couvreur 2024; Drezner 2024; Макаров 2023; Тимофеев 2024а; Тимофеев, Чуприянова 2024; Энтин и др. 2024]. В перечисленных работах данному явлению приписывают две взаимосвязанные особенности, которые, на наш взгляд, пока не проработаны в литературе в полном объёме.

Во-первых, через эту концепцию исследователи так или иначе пытаются раскрыть один из главных парадоксов мировой политики — устойчивую приверженность государств эскалации геэкономического противостояния, несмотря на возможные издержки для себя и деструктивный потенциал для мировой экономики. Например, М.Л. Энтин и Е.Г. Энтина [2023] отмечают, что страны «Группы семи» (G7) осознают риски и издержки, исходящие из своей ожесточающейся санкционной политики, но остаются приверженными ей с целью переподчинения в свою пользу высокомаржинальных звеньев глобальных цепочек создания добавленной стоимости. Напри-

мер, результаты проведённых Люцией Квальей и Эми Верден [2023] глубинных интервью с чиновниками из европейских центральных банков фиксируют, что последние полностью осознают возможные для себя риски заморозки активов Банка России: утрата политической независимости Европейского центрального банка (ЕЦБ), угрозы инфляции, возможность формирования альтернативной, менее западочентричной, системы регулирования международных финансов. В то же время они не ставят под сомнение необходимость имплементации санкционных решений, принятых Советом ЕС, не имея возможностей на них повлиять, хотя в личном порядке воспринимают санкции как новое условие, к которому нужно адаптироваться и подчиняться.

В отличие от ЕЦБ, Генеральный директорат Европейской комиссии по торговле (далее – ГД) с меньшей охотой соглашается на навязываемую сверху политизацию своих решений, считая, что она подрывает неолиберальную логику внешнеэкономической политики ЕС, в первую очередь её постулируемую открытость и прозрачность [Christou, Damgo 2024]. В ответ на позицию ГД Коллегия комиссаров Европейской комиссии (далее – ЕК) под руководством Урсулы фон дер Ляйен (с 2019 г. по настоящее время) применяет стратегию «бюрократического расслоения» в отношении ГД по торговле через такие действия, как введение должности нового заместителя генерального директора, ответственного за координацию всех экономически значимых подразделений; повышение значимости в иерархии всех должностных лиц, чьи полномочия связаны с усиливающейся политизацией экономического управления; перепрофилирование сотрудников на выработку юридически спорных в рамках права ВТО инструментов торговой защиты [Couvreux 2024]. Сформулированные в дан-

ных исследованиях вопросы представляют самостоятельную ценность с точки зрения полученных результатов, хотя их недостаточно для формирования исчерпывающей картины в отношении обозначенного парадокса.

Во-вторых, инструментализация санкционных мер в большинстве перечисленных работ представляется как всеобъемлющая [Энтин и др. 2024]. Согласно И.Н. Тимофееву, «опыт масштабных санкций против России подтверждает возможность *тотальной* “вепонизации” взаимозависимости» [2024а: 292]. Т.А. Романова [2024] отмечает, что связанная с этим неопределённость в отношениях России и ЕС по-прежнему сохраняет свое значение, даже когда сами отношения обрушены до исторического минимума. Подобная перспектива доказывает, что санкционный потенциал далеко не исчерпан. В частности, актуальны риски расширения торговых ограничений, ужесточения мер санкционного принуждения, конфискации замороженных российских активов [Тимофеев 2024б]⁵. Между тем остаётся не до конца ясным понимание возможных пределов асимметричного санкционного давления.

Для восполнения этой лакуны исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: при каких условиях можно говорить об исчерпании санкционного потенциала в контексте экономической взаимозависимости России и ЕС? В следующей части работы описаны разные способы поиска ответа на поставленный вопрос и представлено обоснование выбранной исследовательской стратегии поиска на него ответа.

Методология и дизайн исследования

Возможно следовать двум стратегиям эмпирического исследования для идентификации пределов вооружённой взаимозависимости Москвы и Брюсселя.

⁵ Дополнительно см.: Давранова С. Лабиринт ограничений // Известия. 18.12.2024. URL: <https://iz.ru/1809479/sabina-davranova/labirint-ogranichenii> (режим доступа: 19.12.2024); Шейн С. Дефицит доверия // Известия. 25.12.2024. URL: <https://iz.ru/1813627/sergei-sein/deficit-doveria> (дата обращения: 26.12.2024).

В первом случае предметом исследования могли бы стать те сегменты российской экономики, которые находятся под санкциями. С разной степенью эффективности отношения адаптируются к новым реалиям: диверсифицируются логистика, производственные цепочки и партнёрства, происходит переориентация на внутренний рынок или новые зарубежные рынки. Анализ степени (без)болезненности этих процессов для российской экономики мог бы выявить обратно-пропорциональную причинно-следственную связь между экономическим давлением Союза на Россию в условиях взаимозависимости и экономическим размежеванием (*decoupling*) между Россией и ЕС. Таким образом, снижение степени интеграции между Россией и Европейским союзом приводит к уменьшению их экономической и политической взаимозависимости, что, в свою очередь, сокращает возможности использования данной взаимозависимости в качестве инструмента влияния.

Вторая эмпирическая стратегия, и она же — поисковая стратегия настоящего исследования, заключается в анализе устойчивых сегментов экономического взаимодействия между Российской Федерацией и Европейским союзом, сохраняющихся в условиях санкционного режима. В качестве предмета исследования выделены исключения из торговых ограничений, закреплённые в Регламенте Совета (ЕС) № 833/2014 от 31 июля 2014 года⁶ (далее — Регламент). Среди всех правовых режимов санкций Брюсселя против Москвы этот документ наиболее важен для изучения торговых и секторальных ограничений [Тимофеев 2024б: 236]. Следовательно, ключевая цель работы — выявить возможные причины, объясняющие отсутствие инструментализации отдельных элементов экономического взаимодействия России и ЕС, что, в нашем понимании, является показателем актуальности эффекта «буты-

лочного горлышка». Практическое значение этого — определить возможные факторы риска для таких элементов. Исследовательские задачи, таким образом, включают в себя:

1) разработку типологизации исключений и изъятий, предусмотренных в Регламенте. Главным критерием при её составлении является возможная мотивация исключения или изъятия, например, по гуманитарным и экономическим соображениям, а также в силу энергетической безопасности. Поскольку нормативно-правовая база торговых санкций ЕС всё ещё находится в процессе формирования [Тимофеев 2024б: 234], такая типологизация могла бы дополнить имеющиеся в литературе наработки по этой теме. Гуманитарные исключения из торговых санкций, в частности медицинские, продовольственные и правозащитные, уже освещались в академической литературе [von Sponeck 2017; Mallard et al. 2020; Тимофеев 2021; Faulk 2024], но в рамках данного исследования гораздо важнее изъятия, вводимые из экономических соображений;

2) сбор и обработку данных по товарам, изъятых из-под санкционных ограничений по экономическим соображениям. В качестве источника были использованы базы данных Евростата. Наблюдения в этих базах — это потоки товаров как по каждому отдельному государству-члену ЕС, так и по всему блоку в совокупности; переменные — таможенный код из товарной номенклатуры (далее — ТН ВЭД) и стоимость экспорта из России в ЕС в 2021, 2022 и 2023 годах. Из выборки были исключены товары, экспорт которых не представляет статистической значимости. Обработка собранных данных предполагает расчёт:

а) темпов прироста экспорта в 2022 и 2023 годах — это позволит отследить динамику изменений после начала СВО, а также зафиксировать возможные всплески или спады поставок;

⁶ Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // EUR-Lex. 17.12.2024. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj/eng> (accessed: 09.01.2025).

б) уровня географической концентрации экспорта каждого из выделенных товаров в пределах Евросоюза. Для математико-статистической оценки этого показателя, как правило, используется индекс Херфиндаля–Хиршмана (далее – *HHI*) [Растворцева 2018], рассчитываемый по формуле:

$$I_{hh} = \sum_i^n S_i^2,$$

где S_i – доля отдельной страны в общем объёме экспорта рассматриваемого товара из России в Европейский союз. О низкой географической концентрации можно говорить в случае, если *HHI* ниже 1000, об умеренной – в диапазоне от 1000 до 1800, о высокой – выше 1800. По верхней границе *HHI* ограничен значением в 10 000 при исчислении долей в процентах. Для товаров с высокими значениями *HHI* мы выделяем до трёх крупнейших направлений экспорта, на основании чего можем сделать выводы об основных благополучателях санкционных изъятий среди государств–членов ЕС.

Как было указано выше, в порядке интерпретации полученных результатов предлагается определить и обобщить возможные причины, объясняющие, почему тот или иной товар был исключён из-под санкций, а также выделить потенциальные факторы риска для таких изъятий.

Результаты эмпирического анализа

С точки зрения наличия исключений (*derogations*) торговые санкции можно разделить на безусловные, такие как запрет на поставки вооружений в Россию, и предусматривающие при определённых условиях послабления. Практически каждая санкци-

онная мера сопровождается целым перечнем исключений к ней, которые можно разделить на несколько типов в зависимости от целеполагания:

1) исключения гуманитарного характера. Для медицинских, фармацевтических, правозащитных целей, смягчения последствий чрезвычайных ситуаций, избежания столкновений между космическими спутниками, поддержания безопасности на море и на ядерных объектах и других гуманитарных причин компетентные органы могут разрешить поставки подсанкционных товаров, даже если контрагент будет считаться связанным с военно-промышленным комплексом⁷;

2) исключения дипломатического характера предполагаются для дипломатических миссий, выполнения государством его обязательств в рамках различных международно-правовых конвенций, договоров, перед международными, межправительственными организациями, а также межправительственного сотрудничества по гражданским вопросам, совместным космическим программам и программам по развитию мирного атома;

3) специальные оговорки, которые вводятся для закрытия сделок, заключённых до принятия санкционного решения ввиду того, что санкции не имеют обратной силы⁸;

4) послабления, прописанные для физических лиц, не связанных с военно-промышленным комплексом, в том числе для граждан государств–членов ЕС. К таким послаблениям можно, например, отнести разрешения на поставки подсанкционных товаров для личного пользования, хотя в юридической практике отмечается неко-

⁷ Авт. прим.: список пользователей военного характера представлен в Приложении IV к Регламенту. В нём более 670 организаций и несколько физических лиц по состоянию на январь 2025 года. Заявляется, что они входят в состав военно-промышленного комплекса России или имеют иные связи с российским оборонным сектором. Отметим, что при этом не все из них находятся под индивидуальными санкциями ЕС (заморозка активов и визовые ограничения), введёнными Решением Совета 2014/145/ОВПБ от 17 марта 2014 года. В блокирующем списке, приложенном к последнему документу, более 1800 физических и 470 юридических лиц по состоянию на январь 2024 года.

⁸ Answer given by High Representative/Vice-President Borrell Fontelles on behalf of the European Commission. Parliamentary question – E-002961/2022(ASW) // European Parliament. 18.10.2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-9-2022-002961-ASW_EN.html (accessed: 09.01.2025).

торая неоднозначность в вопросах толкования понятия «личное пользование» [Тимофеев 2024б: 238];

5) изъятия, которые вводятся из соображений собственной экономической безопасности. Как правило, они касаются тех товаров и полезных ископаемых, для которых сложно найти альтернативных поставщиков. Именно эти сегменты экономического взаимодействия в наименьшей степени подвержены демонтажу и могут быть рассмотрены сквозь предлагаемую концепцию «бутылочного горлышка» санкционной политики ЕС. В отдельную подкатегорию таких изъятий можно выделить поставки нефти и газа из России, от которых ЕС не удаётся полностью отказаться в силу необходимости обеспечивать свою энергетическую безопасность. Поставки российского трубопроводного и сжиженного природного газа не были затронуты торговыми санкциями, хотя Союз заявлял о намерениях отказаться от российского газа к 2027 году⁹. В случае с нефтью, помимо введения ценового потолка, что само по себе не

является безусловным запретом, были сделаны исключения для поставок, идущих по нефтепроводу «Дружба» для Болгарии, Венгрии, Словакии и Чехии¹⁰. До конца 2024 г. также действовали исключения на поставки вакуумного газойля для Хорватии.

К анализируемым в данном исследовании изъятиям, которые ЕС вводит в санкционную политику из соображений собственной экономической безопасности, мы относим следующие несколько видов сырьевой и промышленной продукции, упоминания которой можно найти в Регламенте 833/2014: разновидности продукции химической промышленности и чёрной металлургии, перечисленные в Приложении XXIV к Регламенту; товары, перечисленные в Приложении XXX к Регламенту¹¹. Эти изъятия представлены в табл. 1; для каждого из них мы рассчитали индекс Херфиндаля–Хиршмана, ранжировав в табл. 2 только те товары, для которых значения *HHI* получились высокими.

В один ряд с изъятиями такого рода можно ставить непромышленные алмазы,

Таблица 1
Экспорт изъятых из-под санкций российских товаров в ЕС

Код в ТН ВЭД	Наименование	Стоимость, млн евро			Темпы прироста, %	
		2021	2022	2023	2022	2023
2810 00 10	Оксиды бора; борные кислоты	1,04	0,74	0,56	-29,24	-24,66
2810 00 90		1,55	1,93	2,89	+24,51	+49,97
2814 10 00	Безводный аммиак	410,97	535,50	144,97	+30,30	-72,93
2825 20 00	Оксид и гидроксид лития	10,13	29,14	12,51	+187,76	-57,08
2905 42 00	Пентаэритрит	9,42	4,30	0	-54,36	-100,00
2909 19 90	Разновидности простых эфиров	67,23	33,36	0	-50,38	-100,00
3811 19 00	Антидетонаторы (без свинца)	4,43	34,88	0,12	+687,54	-99,66
7203	Продукты из железной руды	611,44	681,38	419,58	+11,44	-38,42

⁹ End of transit via Ukraine – Information from the conclusions of the Commission’s assessment // European Commission. 31.12.2024. URL: https://energy.ec.europa.eu/document/download/e8a46964-f29b-44f8-9410-689f9e34463b_en?filename=241211%20-%20End%20of%20UA%20transit%20-%20draft%20conclusions%20for%20publication%20-%20final_1.pdf (accessed: 09.01.2025).

¹⁰ С июня 2023 г. исключение не действует для Германии и Польши.

¹¹ Алюминий, железная руда, хром, кобальт, медь, минеральные удобрения, в том числе калийные и фосфатные руды, молибден, никель, палладий, родий, титан, ванадий, ряд тяжёлых и лёгких редкоземельных элементов (далее – РЗМ).

Окончание табл. 1

Код в ТН ВЭД	Наименование	Стоимость, млн евро			Темпы прироста, %	
		2021	2022	2023	2022	2023
7204	Отходы и лом чёрных металлов	250,11	77,66	18,74	-68,95	-75,86
7601	Алюминий необработанный	1653,57	2259,05	1248,76	+36,62	-44,72
7602	Отходы и лом алюминиевые	8,83	16,70	4,41	+89,10	-73,57
7603	Порошки и чешуйки алюминиевые	42,96	48,68	28,20	+13,31	-42,07
7610	Металлоконструкции алюминиевые	5,61	9,41	1,81	+67,82	-80,77
7612	Ёмкости алюминиевые	10,83	1,54	7,41	-85,75	+379,66
7615	Изделия для бытовых нужд и их части из алюминия	1,09	0,26	0,26	-75,87	-1,89
7616	Прочие изделия из алюминия	4,47	4,57	2,02	+2,24	-55,80
8112 2...	Хром	53,02	86,56	59,421	+63,26	-31,35
8105	Кобальт	26,86	69,05	8,21	+157,11	-88,12
74	Медь	2455,70	2770,12	537,72	+12,80	-80,59
3105	Смешанные удобрения	1785,23	2565,21	1387,28	+43,69	-45,92
8102	Молибден	6,96	2,78	0	-60,10	-100,00
75	Никель	2127,73	3156,65	1656,30	+48,36	-47,53
7110 20	Палладий	1466,75	1107,59	595,44	-24,48	-46,24
7110 30	Родий	508,16	281,94	68,86	-44,51	-75,57
8108	Титан	152,76	245,67	216,55	+60,82	-11,85
8112 92 91	Ванадий	0,45	2,21	1,02	+395,30	-53,75

Источник: составлено автором на основе данных EuroStat. Таблица не включает ряд изъятий, исключённых из выборки в связи со статистически незначимыми объёмами экспорта.

Таблица 2

Выделенные из табл. 1 изъятия с высоким индексом Херфиндаля–Хиршмана и их крупнейшие направления экспорта

Код в ТН ВЭД	Наименование	Значение ННИ	Крупнейшие направления экспорта
3811 19	Антidetонаторы без свинца	10000	Бельгия (100%)
2810	Оксиды бора; борные кислоты	9984	Бельгия (99,9%)
8105	Кобальт	9530	Нидерланды (97,6%)
8102	Молибден	8606	Эстония (92,5%), Германия (7,4%)
8112	Бериллий, хром, гафний, рений, таллий, кадмий и т. д.	7472	Нидерланды (86,1%), Эстония (5,7%), Германия (4,9%)
7602	Отходы и лом алюминиевые	6144	Швеция (76,7%), Греция (15,6%), Эстония (4,1%)
75	Никель	4643	Финляндия (56,8%), Нидерланды (37,3%), Германия (5,5%)
7603	Порошки и чешуйки алюминиевые	4043	Германия (60,4%), Франция (17,7%), Латвия (9,2%)
2909 19	Разновидности эфиров	3875	Бельгия (46%), Нидерланды (41,4%), Литва (5,2%)
8108	Титан	3760	Германия (52,4%), Франция (30,9%), Бельгия (6,28%)

Окончание табл. 2

Код в ТН ВЭД	Наименование	Значение ННІ	Крупнейшие направления экспорта
7203	Продукты из железной руды	3680	Италия (56,9%), Испания (14,6%), Бельгия (12,3%)
74	Медь	3032	Нидерланды (45,8%), Германия (27,2%), Италия (12%)
2825 20	Оксид и гидроксид лития	2950	Польша (40,9%), Нидерланды (27,7%), Эстония (21,6%)
2905 42	Пентаэритрит	2238	Германия (33,3%), Польша (22,3%), Бельгия (22,1%)
2814 10	Безводный аммиак	2272	Бельгия (36,8%), Финляндия (22,5%), Литва (14,4%)
7612	Ёмкости алюминиевые	2160	Венгрия (26,3%), Эстония (17,3%), Франция (14%)
7610	Металлоконструкции алюминиевые	1950	Чехия (32,9%), Германия (25,2%), Румыния (10%)
7615	Изделия для бытовых нужд и их части из алюминия	1879	Литва (24,8%), Германия (24%), Латвия (22,4%)

Источник: значения индекса рассчитаны автором на агрегированных данных для периода с 2021 по 2023 г. на основе статистики *Eurostat*.

Таблица 3
Запреты на импорт в отношении непромышленных алмазов и алмазной продукции в санкционном режиме ЕС против России

Типология происхождения алмазов	Часть А	Часть В	Часть С
Алмазы российского или любого происхождения, экспортируемые с территории Российской Федерации	С 1 января 2024 г.		
Алмазы любого происхождения, следующие транзитом через территорию России	С 1 января 2024 г.		
Переработанные в третьей стране алмазы российского происхождения или любого происхождения, но экспортированные в эту страну с территории России	1) Весом 1,0 карат и выше – с 1 марта 2024 г. 2) Весом от 0,5 карат и выше – с 1 сентября 2024 г.	Весом от 0,5 карат и выше – с 1 сентября 2024 г.	Нет запрета

Источник: Регламент Совета (ЕС) № 833/2014 от 31 июля 2014 года.

импорт которых имел высокое значение для экономики Бельгии. Приложение XXXVIIIА к Регламенту делит алмазную продукцию на три категории: часть А включает несортированные, необработанные и прочие непромышленные алмазы; часть В – искусственные и реконструированные алмазы; часть С перечисляет разновидности ювелирных и прочих изделий, сделанных из алмазов или металлов, плакированных ими. По состоянию на январь 2025 г. список запретов в отношении этих трёх

категорий не идентичен (табл. 3). В отношении введения вторичных торговых санкций для товаров из части С в пункте 4 статьи 3р Регламента прописывается, что он налагается по решению Совета. Таким образом, заинтересованным сторонам в очередной раз удалось отсрочить введение полного запрета, оставив для себя лазейку. К изъятиям пример с алмазами целесообразно отнести ещё и по той причине, что эта продукция достаточно поздно попала под санкции, несмотря на высокую

интенсивность процесса принятия санкционных решений в ЕС с 2022 года. На протяжении двух лет для Брюсселя были актуальны некоторые обстоятельства непреодолимой силы, которые сдерживали введение санкционных мер воздействия на этом направлении. Возможные объяснения этому обстоятельству представлены в следующей части работы.

**Интерпретация полученных результатов:
эффект «бутылочного горлышка»
в санкционных ограничениях ЕС против
России**

В части интерпретации результатов автором используется терминология эффекта «бутылочного горлышка» (*bottle-neck effect*), заимствованного из междисциплинарного методологического аппарата. В экономико-управленческом дискурсе данный феномен описывает узкие места в производственных цепочках или проектных процессах, приводящие к снижению операционной эффективности. В генетике аналогичный термин обозначает редукцию генетического разнообразия популяции вследствие критического сокращения её численности.

Схожий процесс можно наблюдать в разработке антироссийской санкционной политики ЕС. На примере выделенных выше в работе изъятий из торговых ограничений нам удалось доказать, что по итогам трёх лет усиленного санкционного давления на Россию превращение взаимозависимости в инструмент противоборства между Москвой и Брюсселем имеет свои ограничения, установленные европейской стороной. Исходя из результатов, полученных в части 4, можно определить мотивационную составляющую архитекторов санкционной политики Союза при её формировании.

Во-первых, необходимо обратить внимание на товары, исключённые из выбор-

ки в ходе проведённого анализа. Их наличие в списке изъятий товаров, по которым отсутствуют статистически значимые объёмы экспортных поставок из России в Европу на первый взгляд противоречит логике обеспечения экономической безопасности. Ранее уже отмечалось, что при отсутствии экономической взаимозависимости между странами невозможно использование последней в качестве инструмента политического или экономического противоборства. Более того, по ряду таких товаров, главным образом по редкоземельным металлам (РЗМ), организация прямых экспортных поставок из России, за исключением транзитных операций, в среднесрочной перспективе затруднена из-за отсутствия производственных мощностей в стране. После распада СССР Российская Федерация утратила значительную часть производственных мощностей по добыче РЗМ, которые до настоящего времени не были полностью восстановлены. Если в начале 1990-х годов Советский Союз занимал 3-е место в мире по добыче РЗМ [Афонин 2023], то к 2024 г. Российская Федерация, располагая одной из крупнейших в мире минерально-сырьевых баз, остаётся почти на 90% зависимой от импорта данной группы металлов¹². Несмотря на начавшуюся с 2022 г. активизацию российской промышленной политики в этой сфере, ряд экономистов продолжает выражать сомнения в экономической целесообразности таких инициатив. Среди основных причин называются низкий внутренний спрос, риски нерентабельности в условиях практически монопольного положения Китая на мировом рынке, труднодоступность значительной части российских месторождений, а также высокая волатильность и сложность динамики основных рынков сбыта¹³.

¹² «Это отразится на всём»: в России возродят важнейшую отрасль промышленности // РИА Новости. 06.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221206/rzm-1836479079.html> (дата обращения: 19.12.2024); Бурдис А. Большая гонка: зачем Россия вкладывает миллиарды в нерентабельные редкие металлы // Forbes. 17.07.2024. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/516422-bol-saa-gonkazacem-rossia-vkladyvaet-milliardy-v-nerentabelnye-redkie-metally> (дата обращения: 19.12.2024).

¹³ Там же.

Тем не менее РЗМ признаны стратегически важными ресурсами, оказывающими существенное влияние на характер глобальной конкуренции и обеспечение национальной безопасности государств. На уровне ЕС данная группа металлов законодательно отнесена к числу критически значимых ресурсов, необходимых для реализации запланированного энергетического перехода¹⁴. Гипотетически Евросоюз мог бы ввести санкции на них для демонстрации усиления санкционного давления, причём без какого-либо вреда для себя в силу отсутствия реальных поставок из России. В то же время эти товары практически невосприимчивы к процессам политизации. Это наблюдение согласуется с приведёнными выше наработками из академической литературы о взятном ЕС политическом курсе на достижение стратегического суверенитета.

Во-вторых, ряд рассмотренных изъятий, в особенности минеральные удобрения, могут быть одновременно отнесены к двум выделенным в типологии видам исключений. Они вводятся как из гуманитарных соображений для обеспечения продовольственной безопасности, так и из экономических. В последнем случае речь идёт о нехватке в ЕС собственных производственных мощностей, чем объясняется всплеск российских поставок в условиях кризиса. Такие товары имеют относительно высокий иммунитет от попадания в санкционные списки, но анализ новостных сообщений в СМИ показывает, что в кругах, лоббирующих ужесточение санк-

ций, уже достаточно давно продвигается идея повышения таможенных пошлин на эти товары под предлогом необходимости сокращения доходов российского бюджета посредством снижения конкурентоспособности российских производителей на европейском рынке¹⁵. Именно этой логикой объясняется введение ряда эмбарго, закреплённых в Регламенте 833/2014. Подобные решения о приостановлении тарифных льгот по политическим причинам Европейский союз применял в отношении российской рыбной продукции¹⁶.

В исследованиях по санкциям по традиции, заложенной Робертом Пейпом [Pare 1997], ранее было принято разграничивать понятия «торговая война», осуществляемая посредством тарифных мер, и «экономические санкции» — политически мотивированные экономические решения. Применительно к антироссийским санкционным режимам наблюдается всё меньше обоснований для такого разграничения, тем более что правовой рамкой для легитимации подобных тарифных мер в ЕС считается отмена Европейским советом в отношении России режима наибольшего благоприятствования¹⁷, предусмотренного правом ВТО и гарантирующего недискриминационное, равное со всеми остальными торговыми партнёрами отношение к российской продукции.

Не менее значима роль отдельных стран в процессе принятия санкционных решений. В общей сложности в работе проанализировано 23 шестизначных наименования товарной номенклатуры. Для 19 из них

¹⁴ Regulation (EU) 2024/1252 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 establishing a framework for ensuring a secure and sustainable supply of critical raw materials and amending Regulations (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1724 and (EU) 2019/1020 (Text with EEA relevance) // EUR-Lex. 03.05.2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202401252 (accessed: 19.12.2024).

¹⁵ Вынос удобрений // Коммерсантъ. 08.11.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7284509> (дата обращения: 19.12.2024).

¹⁶ Council Regulation opening and providing for the management of the Union autonomous tariff for certain fishery products for the 2024–2026 period // Council of the European Union. 24.11.2023. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15363-2023-INIT/en/pdf> (accessed: 19.12.2024).

¹⁷ EU: Revocation of Most-Favoured-Nation status for Russia following their attack on Ukraine // Global Trade Alert. 11.03.2024. URL: <https://www.globaltradealert.org/state-act/62461/eu-revocation-of-most-favoured-nation-status-for-russia-following-their-attack-on-ukraine> (accessed: 19.12.2024).

расчёты индекса Херфиндаля-Хиршмана показали высокую степень географической концентрации рынков сбыта российского экспорта в Европейский союз. Среди крупнейших направлений заметно преобладание крупных, промышленно развитых стран, считающихся наиболее влиятельными в Евросоюзе. В табл. 2, где для каждого таможенного кода мы выделяли до трёх крупнейших направлений экспорта, Германия упоминается 10 раз, Бельгия – 7, Нидерланды – 6. Единственным исключением из этой тенденции является Эстония – малая страна с упоминанием в 6 раз. В предыдущей части работы малые страны активно упоминались при перечислении исключений, вводимых из соображений энергетической безопасности, что критически важно для экономического благополучия их населения. В случае изъятий, бенефициарами которых, как определено, являются страны-доноры ЕС, речь идёт о поддержании рентабельности высокомаржинальных производств, а не об экономическом выживании государства. Примечательно, что для 15 из 19 товаров, перечисленных в табл. 4, в 2022 и 2023 годах был зафиксирован значительный рост объёмов поставок (табл. 1–3). Так, в 2022 г. наиболее существенное увеличение поставок по сравнению с предыдущим периодом наблюдалось по следующим позициям: бессвинцовые антидетонаторы (в 7,9 раза, или на 687,54%), ванадий (почти в 5 раз, или на 395,30%), оксид и гидроксид лития (почти в 2,9 раза, или на 187,76%) и кобальт (более чем в 2,5 раза, или на 157,11%). Данная динамика может свидетельствовать о стремлении европейских предприятий накопить запасы указанных товаров в условиях внешнего экономического шока.

Указанные элементы торгово-экономического сотрудничества России и Европейского союза относятся к числу наиболее устоявшихся. Для них характерен относи-

тельно высокий уровень взаимозависимости, что позволяет рассматривать их в качестве ярких примеров эффекта «бутылочного горлышка». В таких случаях риск применения торговли в качестве инструмента давления напрямую зависит от способности Евросоюза оперативно и с наименьшими издержками перестроиться на альтернативные источники поставок.

Особого внимания заслуживает проблема поставок алмазов и алмазной продукции. Он показывает, что вероятность изъятий существует независимо от влиятельности государства-члена, заинтересованного в сохранении поставок. Более того, этот риск возрастает по мере увеличения уровня публичной значимости (*public salience*) обсуждаемого вопроса. Подобный вывод ранее был сформулирован в исследовании М. Л. Энтина и его коллег [2024], в котором предложена теоретико-методологическая модель анализа механизмов продвижения санкционной повестки в публичном пространстве. Согласно этой модели, несмотря на то что значительная часть санкционных инициатив, транслируемых в информационном пространстве, носит во многом декларативный и демонстративный характер, Европейский союз посредством таких информационных вбросов осуществляет постепенную институционализацию санкционной политики, оценивая реакцию внутренней и внешней аудитории с целью последующей разработки конкретных правовых решений на уровне соответствующих ведомств и рабочих групп¹⁸.

Выявленный эффект «бутылочного горлышка», с одной стороны, позволяет уточнить предложенную Энтиным и др. [2024] модель санкционного нормативного предпринимательства. Активное продвижение санкционных инициатив по различным информационным каналам далеко не всегда приводит к немедленным практическим

¹⁸ Дополнительно см. интервью Е.Г. Энтиной и А.М. Наджарова в статье: Сычёв С. Санкции против России: «Мы прогнозируем действия, анализируя мотивы» // HSE Daily. 18.10.2024. URL: <https://daily.hse.ru/post/sankcii-protiv-rossii-my-prognoziruem-deistviya-analiziruya-motivy> (дата обращения: 19.12.2024).

результатам. Так, несмотря на интенсивную медийную кампанию, с момента начала активного санкционного давления в феврале 2022 г. прошло значительное время, прежде чем российская алмазная продукция была включена в санкционные списки ЕС. Для товаров, подпадающих под действие указанного эффекта, первостепенным фактором риска введения санкций выступает скорее состояние рыночной конъюнктуры, нежели уровень их публичной значимости. С другой стороны, информационное давление заставляет европейские бизнес-круги и политиков искать способы либо сократить зависимость от России в этих сегментах экономики, либо принять полумеры, которые создают видимость санкционного давления на Москву.

Таким образом, выявлено три возможных объяснения эффекта «бутылочного горлышка» в зависимости от того, о какой конкретно группе товаров идёт речь. Ряд товаров, такие как РЗМ, имеют особое значение в контексте взятого Брюсселем курса на обретение стратегического суверенитета. Если этот курс вступает в противоречие со стремлением ослабить Россию, то приоритет отдается первому. Вторая группа товаров, в отношении которых можно наблюдать рассматриваемый эффект, имеют гуманитарное значение (например, удобрения). Они также имеют высокий иммунитет от попадания под санкции, но вполне могут стать предметом тарифной войны. В отношении остальных товаров эффект «бутылочного горлышка» может объясняться стремлением крупных и влиятельных стран-членов оградить их от санкционных ограничений в силу своих национальных экономических интересов. Но именно данная категория товаров находится в зоне риска попадания под санкции, особенно по мере усиления информационного давления со стороны кругов, лоббирующих ужесточение санкций.

* * *

Эффект «бутылочного горлышка», наблюдаемый в разработке санкционной политики ЕС, является одним из критери-

ев для обособления того сегмента экономического взаимодействия Москвы и Брюсселя, в отношении которого можно говорить об исчерпании потенциала противоборства. Применение термина «бутылочного горлышка» к тому или иному сегменту экономики производится не потому, что санкционные меры невозможны в этой области. Он подчиняется особой рыночной, а не политической логике, в отличие от многих других сегментов бывшего российско-европейского сотрудничества, которые находятся под санкциями.

Этот эффект проявляется преимущественно в трёх случаях. *Во-первых*, Европейский союз рассматривает определённую продукцию как критически значимую, например редкоземельные металлы. В случае с РЗМ вероятность их инструментализации в санкционном противостоянии фактически минимальна ещё и в силу отсутствия поставок из России. Тот факт, что ЕС гипотетически допускает возможность таких поставок, в том числе транзитных, демонстрирует, что в системе политических приоритетов Брюсселя задачи энергетического перехода оцениваются несколько выше, чем необходимость ослабления Москвы.

Во-вторых, рассматриваемый эффект проявляется в ситуациях, когда изъятия товаров обусловлены не только экономическими, но и гуманитарными соображениями, в частности необходимостью обеспечения продовольственной или ядерной безопасности. Подобные товары характеризуются высоким уровнем устойчивости к введению санкций, однако при этом остаются уязвимыми к возможному повышению тарифных барьеров.

Наконец, *в-третьих*, наиболее классический случай проявления эффекта «бутылочного горлышка» касается поставок тех товаров, по которым ЕС не хватает производственных мощностей и в которых достаточно сложно найти альтернативных поставщиков, поскольку на Российскую Федерацию приходится ошутимая доля мирового производства или добычи. Тем не менее для этой группы товаров вероят-

ность их инструментализации остаётся высокой. В условиях информационного давления Брюссель форсирует планы по ослаблению зависимости от России, инве-

стируя по возможности в собственные или партнёрские¹⁹ месторождения и производственные мощности, а также диверсифицируя цепочки поставок.

Список литературы

- Арапова Е.Я.* Новые модальности глобальной санкционной политики // Международная аналитика. 2023. Т. 14. № 1. С. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-37-51>
- Афонин С.Е.* Перспективы создания и функционирования кластера по производству редкоземельных металлов в России // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2023. № 4. С. 95–106. DOI: [10.52210/2224669X_2023_4_95](https://doi.org/10.52210/2224669X_2023_4_95)
- Демаре А.* Обратный эффект санкций. Как санкции меняют мир не в интересах США. М.: Азбука-Бизнес: Азбука-Аттикус, 2024. 320 с.
- Макаров И.А.* Таксономия торговых барьеров: пять типов протекционизма // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1. № 1. С. 74–94. DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-1-74-94>
- Расворцева С.Н.* Экономическая активность регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 84–99. DOI: [10.15838/esc.2018.1.55.6](https://doi.org/10.15838/esc.2018.1.55.6)
- Романова Т.* Отношения России и Европейского союза в контексте современной трансформации миропорядка: проблемы изучения и преподавания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. Т. 40. № 2. С. 157–174. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.201>
- Тимофеев И.Н.* Политика санкций Европейского союза. Опыт событийного анализа. // Современная Европа. 2021. № 2. С. 17–27. DOI: [http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220211727](https://dx.doi.org/10.15211/soveurope220211727)
- Тимофеев И.Н.* Как исследовать политику санкций в проекте «Политический атлас современного мира 2.0»? // Политическая наука. 2024а. № 2. С. 282–299. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.13>
- Тимофеев И.Н.* Торговые санкции Европейского союза в отношении России: современная практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024б. Т. 40. № 2. С. 233–247. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.205>
- Тимофеев И.Н., Чуприянова П.И.* Политика санкций ЕС в отношении России после февраля 2022 г.: направления изменений // Современная мировая экономика. 2024. Т. 2. № 2(6). С. 43–59. DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-43-59>
- Энтин М.Л., Энтина Е.Г.* Усилия России, Китая, Индии, ЕС и США по обретению стратегической глубины в 2022–2023 годах. М.: Зебра Е / Галактика, 2023. 760 с.
- Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Наджаров А.М.* Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.02>
- Brooks R.* How Everything Became War and the Military Became Everything: Tales from the Pentagon. New York: Simon & Schuster, 2017. 448 p.
- Christou A., Damro C.* Frames and Issue Linkage: EU Trade Policy in the Geoeconomic Turn // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2024. Vol. 62. No. 4. P. 1080–1096. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13598>
- Couvreux S.* Inside the European Union's Trade Machinery: Institutional Changes in an Age of Geoeconomics // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2024. Vol. 63. No. 1. P. 284–301. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13625>
- Drezner D.W.* Global Economic Sanctions // Annual Review of Political Science. 2024. Vol. 27. P. 9–24. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041322-032240>
- Farrell H., Newman A.L.* Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44. No. 1. P. 42–79. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
- Farrell H., Newman A.L.* Underground Empire: How America Weaponized the World Economy. New York: Henry Holt and Co, 2023. 288 p.
- Faulk G.T.* Strengthen US Sanctions by Enabling Regularized Use of Humanitarian Exemptions // Journal of World Trade. 2024. Vol. 58. No. 4. P. 655–680. DOI: <https://doi.org/10.54648/trad2024034>
- Juncos A.* The Institutions of the Common Foreign and Security Policy between intergovernmentalism and supranationalism // The Institutions of the European Union / ed. by D. Hodson, U. Puetter,

¹⁹ Например, канадские, норвежские, австралийские или японские.

- S. Saurugger, J. Peterson. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 299–320. <https://doi.org/10.1093/hepl/9780198862222.003.0013>
- Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977. 273 p.
- Mallard G., Sabet F., Sun J. The Humanitarian Gap in the Global Sanctions Regime // Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 121–153.
- Pape R.A. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. 1997. Vol. 22. No. 2. P. 90–136.
- Slaughter A.-M. The Real New World Order // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. No. 5. P. 183–197. DOI: <https://doi.org/10.2307/20048208>
- Quaglia L., Verdun A. Weaponisation of finance: the role of European central banks and financial sanctions against Russia // West European Politics. 2023. Vol. 46. No. 5. P. 872–895. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2022.2155906>

THE BOTTLE-NECK PHENOMENON IN THE EU TRADE RESTRICTIONS AGAINST THE RUSSIAN FEDERATION*

SABINA DAVRANOVA

HSE University, Moscow, 101000, Russia

Abstract

Under what conditions might the potential for weaponizing economic interdependence through sanctions in EU-Russia relations be exhausted? Focusing on the exemptions provided under Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014, the paper develops a typology that distinguishes between humanitarian and diplomatic derogations, special reservations for deal-making, individual derogations, and exemptions justified by economic security reasons. As for the latter, the analysis draws on trade statistics from 2021 to 2023 – calculating export growth rates from Russia to the EU and employing the Herfindahl-Hirschman index to assess the geographical concentration of exports within the integration bloc. The findings contribute to the literature that views EU anti-Russian sanctions as a tool of weaponization of economic interdependence in Russian-European relations, while also delineating the limits of such weaponization. In particular, the study introduces the bottleneck effect concept observed when EU sanctions policy-making stalls for objective reasons. Here, “bottleneck” does not imply inability to impose sanctions. It reflects a scenario in which sanctions are driven by economic market dynamics rather than political logic contrasting with many other areas of bygone Russian-European cooperation now under sanctions. The paper identifies three cases of this effect: a) when the EU prioritizes other policy objectives over weakening Russia; b) when the imposition of sanctions is stalled for humanitarian reasons – thereby potentially increasing the risk of weaponization via tariff regulation measures; c) when major EU countries guard certain longstanding elements of trade and economic interaction with Russia that are vital for their own economies.

Keywords:

Russian-European relations; sanctions policy; trade sanctions; weaponization of interdependence; bottleneck effect

* The article was prepared within the framework of the strategic project «Scenario Forecasting of the Development of the Mechanism of Secondary Sanctions against Russia» of the National Research University Higher School of Economics.

References

- Arapova E.Ya. (2023). Novye modal'nosti global'noi sanktsionnoi politiki [New Modalities of the Global Sanctions Policy]. *Journal of International Analytics*. Vol. 14. No. 1. P. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-1-37-51>
- Afonin S.E. (2023). Perspektivy sozdaniya i funktsionirovaniya klastera po proizvodstvu redkozemel'nykh metallov v Rossii [Prospects for The Creation and a Functional Cluster or the Production of Rare-Earth Metals in Russia]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta*. No. 4. P. 95–106. DOI: 10.52210/2224669X_2023_4_95
- Brooks R. (2017). *How Everything Became War and the Military Became Everything: Tales from the Pentagon*. New York: Simon & Schuster. 448 p.
- Christou A., Damro C. (2024). Frames and Issue Linkage: EU Trade Policy in the Geoeconomic Turn. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 62. No. 4. P. 1080–1096. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13598>
- Couvreux S. (2024). Inside the European Union's Trade Machinery: Institutional Changes in an Age of Geoeconomics. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 63. No. 1. P. 284–301. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13625>
- Demarais A. (2022). *Backfire: How Sanctions Reshape the World Against U.S. Interests*. New York: Columbia University Press. 304 p.
- Drezner D.W. (2024). Global Economic Sanctions. *Annual Review of Political Science*. Vol. 27. P. 9–24. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041322-032240>
- Ehntin M.L., Ehntina E.G. (2023). *Usiliya Rossii, Kitaya, Indii, ES i SSHA po obreteniyu strategicheskoi glubiny v 2022–2023 godakh* [Efforts by Russia, China, India, the EU and the US to Gain Strategic Depth in 2022–2023]. Moscow: Zebra E / Galaktika. 760 p.
- Ehntin M.L., Ehntina E.G., Davranova S.B., Nadzharov A.M. (2024). Teoretiko-metodologicheskie aspekty izucheniya sanktsionnoi politiki Zapada [Theoretical and methodological aspects of the Western sanctions policy research]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. № 1. P. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.02>
- Farrell H., Newman A.L. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*. Vol. 44. No. 1. P. 42–79. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
- Farrell H., Newman A.L. (2023). *Underground Empire: How America Weaponized the World Economy*. New York: Henry Holt and Co. 288 p.
- Faulk G.T. (2024). Strengthen US Sanctions by Enabling Regularized Use of Humanitarian Exemptions. *Journal of World Trade*. Vol. 58. No. 4. P. 655–680. DOI: <https://doi.org/10.54648/trad2024034>
- Juncos A. (2021). The Institutions of the Common Foreign and Security Policy between intergovernmentalism and supranationalism. In: D. Hodson, U. Puetter, S. Saurugger, J. Peterson (eds) *The Institutions of the European Union*. Oxford: Oxford University Press. P. 299–320. <https://doi.org/10.1093/hepl/9780198862222.003.0013>
- Keohane R.O., Nye J.S. (1977). *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown and Company. 308 p.
- Makarov I.A. (2023). Taksonomiya torgovykh bar'erov: pyat' tipov protektsionizma [Taxonomy of Trade Barriers: Five Types of Protectionism]. *Sovremennaya mirovaya ehkonomika*. Vol. 1. No. 1. P. 74–94. DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-1-74-94>
- Mallard G., Sabet F., Sun J. (2020). The Humanitarian Gap in the Global Sanctions Regime. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. Vol. 26. No. 1. P. 121–153.
- Pape R.A. (1997). Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*. Vol. 22. No. 2. P. 90–136.
- Rastvortseva S.N. (2018). Ehkonomicheskaya aktivnost' regionov Rossii [Economic Activity in Russian Regions]. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 11. No. 1. P. 84–99. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.6
- Romanova T. (2024). Otnosheniya Rossii i Evropeiskogo soyuza v kontekste sovremennoi transformatsii mirovoyadka: problemy izucheniya i prepodavaniya [Relations between Russia and the European Union in the context of modern transformation of the world order: Issues of studying and teaching]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ehkonomika*. Vol. 40. No. 2. P. 157–174. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.201>
- Slaughter A.-M. (1997). The Real New World Order. *Foreign Affairs*. Vol. 76. No. 5. P. 183–197.
- Timofeev I.N. (2021). Politika sanktsii Evropeiskogo soyuza. Opyt sobytiynogo analiza [Approaching the EU Sanctions Policy: An Experiment with Event Analysis]. *Sovremennaya Evropa*. No. 2. P. 17–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220211727>

- Timofeev I.N. (2024). Kak issledovat' politiku sanktsii v proekte «Politicheskiy atlas sovremennogo mira 2.0»? ["Political Atlas of the Modern World 2.0": How to Deal with the Policy of Sanctions?]. *Politicheskaya nauka*. No. 2. P. 282–299. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.13>
- Timofeev I.N. (2024). Torgovye sanktsii Evropeiskogo soyuza v otnoshenii Rossii: sovremennaya praktika [The European Union Trade Sanctions Against Russia: Contemporary Practice]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Ekonomika*. Vol. 40. No. 2. P. 233–247. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.205>
- Timofeev I.N., Chupriyanova P.I. (2024). Politika sanktsii ES v otnoshenii Rossii posle fevralya 2022 g.: napravleniya izmenenii [EU Sanctions Policy Towards Russia After February 2022: Directions for Change]. *Sovremennaya mirovaya ekonomika*. Vol. 2. No. 2(6). P. 43–59. DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-43-59>
- Quaglia L., Verdun A. (2023). Weaponisation of finance: the role of European central banks and financial sanctions against Russia. *West European Politics*. Vol. 46. No. 5. P. 872–895. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2022.2155906>
- Schlee R., Oppen J. (2020). Weaponizing the world. *New Perspectives*. Vol. 28. No. 3. P. 314–329. DOI: <https://doi.org/10.1177/2336825X20935233>
- Von Sponeck H.C. (2006). *A Different Kind of War: The UN Sanctions Regime in Iraq. With a Foreword by Celso N. Amorim, Foreign Minister of Brazil*. New York: Berghahn. 322 p.

Наши авторы

- Арляпова Елена Сергеевна** – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института системно-стратегического анализа
- Буторина Ольга Витальевна** – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института Европы РАН
- Давранова Сабина Бобыровна** – аналитик Центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ
- Зуенко Иван Юрьевич** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований, доцент Кафедры востоковедения МГИМО МИД России
- Колотаев Юрий Юрьевич** – кандидат политических наук, ассистент Кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета
- Колосков Евгений Андреевич** – кандидат исторических наук, доцент Кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета
- Летняков Денис Анатольевич** – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии ИОН РАНХиГС
- Лисенкова Алена Денисовна** – кандидат политических наук, старший преподаватель Кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.
- Мухаметов Руслан Салихович** – кандидат политических наук, доцент Кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
- Пономарёва Елена Георгиевна** – доктор политических наук, профессор, профессор Кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России
- Худолей Константин Константинович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий Кафедрой европейских исследований, Санкт-Петербургского государственного университета
- Ярыгин Григорий Олегович** – кандидат политических наук, доцент Кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета

Our authors

- Dr Elena Arlyapova** – Senior Research Fellow, Institute of System-Strategic Analysis
- Prof. Dr Olga Butorina** – Deputy Director, Institute of Europe, RAS
- Ms Sabina Davranova** – Analyst, Center for Mediterranean Studies, HSE University
- Prof. Dr Konstantin Khudoley** – Chair, Department of European Studies,
Saint Petersburg State University
- Dr Yury Kolotaev** – Lecturer, Department of European Studies,
Saint Petersburg State University
- Dr Evgeny Koloskov** – Associate Professor, Department of Theory and History
of International Relations, Saint Petersburg State University
- Dr Denis Letnyakov** – Senior Research Fellow, Center for Theoretical and Applied Political
Science, Institute of Social Sciences, RANEPA
- Dr Alena Lisenkova** – Assistant Professor, Department of International Relations,
North-West Institute of Management, RANEPA
- Dr Ruslan Mukhametov** – Associate Professor, Department of Political Science,
Ural Federal University named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin
- Prof. Dr Elena Ponomareva** – Professor, Department of Comparative Politics,
MGIMO University
- Dr Grigoriy Yarygin** – Associate Professor, Department of American Studies,
Saint Petersburg State University
- Dr Ivan Zuenko** – Senior Research Fellow, Institute for International Studies;
Associate Professor, Department of Asian and African Studies,
MGIMO University

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырёх томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор **Андрей Байков**

«Международные процессы» – первый российский научный журнал, посвящённый теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание Российской Федерации.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объём рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 60 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

Журнал выпускается четыре раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» – 46768.

<http://www.intertrends.ru>

На эмблеме Форума изображён «аттрактор Лоренца» – фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)
Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by **Andrey Baykov**
MGIMO University

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 60,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published four times a year by the Academic Educational Forum on International Relations.

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

ТЕМАТИКА РАНЕЕ ВЫШЕДШИХ НОМЕРОВ

Том двадцать второй. 2024	No 1	Сила убеждения
	No 2	Старые игры – новые правила
Том двадцать первый. 2023	No 1	Неотвратимость конфликта
	No 2	Эклектика теории vs. диалетики жизни
	No 3	Амбиции и прагматика
	No 4	Старые мотивы – на новый лад
Том двадцатый. 2022	No 1	Конструирование институтов и институализация конструкторов
	No 2	Согласование смыслов
	No 3	Нормативность фактического
	No 4	Производство согласия
Том девятнадцатый. 2021	No 1	Внешнеполитические ресурсы и образы действия
	No 2	Глобальные вызовы и национальные приоритеты
	No 3	Укрощение среды
	No 4	Цифровые опасности
Том восемнадцатый. 2020	No 1	Национальные задачи и международный опыт
	No 2	Нормы и конструкты в поведении государств
	No 3	Сценарии соперничества и издержки конфликта
	No 4	Дилеммы мультилатерализма в мировой политике
Том семнадцатый. 2019	No 1	Глобальные технологические развилки
	No 2	Международные отношения. <i>К столетию дисциплины</i>
	No 3	Экономический инструментарий политики
	No 4	Форма vs. содержание в международной политике
Том шестнадцатый. 2018	No 1	Стратегии мироуправления
	No 2	Соотношение мощи и власти в международной политике
	No 3	Динамика порядка и логика протеста
	No 4	Новое в решении извечных проблем
Том пятнадцатый. 2017	No 1	Вызовы изменений
	No 2	Эволюция субъектности в глобальной политике
	No 3	К 50-летию ASEAN
	No 4	Опыт и идентичность
Том четырнадцатый. 2016	No 1	Динамика и инерция
	No 2	Конкуренция в мировой политике
	No 3	Военная сила и асимметрия мощи
	No 4	Вызовы всемирности
Том тринадцатый. 2015	No 1	История в политике и политика в истории
	No 2	Методы и наука
	No 3	Экономические трудности политической системы
	No 4	Ресурсы влияния и инструменты регулирования

Том двенадцатый. 2014	No 1-2	Глобальная политика и информационная война
	No 3	«Новые старые» правила мировой политики?
	No 4	Независимость и предел ответственности
Том одиннадцатый. 2013	No 1	Общество, дискурс, политика
	No 2	Сотрудничество и противоборство в мировой политике
	No 3-4	К 10-летию журнала «Международные процессы»
Том десятый. 2012	No 1	Идея и структура в миросистемной эволюции
	No 2	Среда международной безопасности
	No 3-4	Теория в условиях неопределённости
Том девятый. 2011	No 1	Неуверенная экономика и напряжённое общество
	No 2	Дробление пространства политики
	No 3	Источники глобальной опасности
Том восьмой. 2010	No 1	Политические измерения глобального пространства
	No 2	Конфликт и право
	No 3	Социальная фаза глобального кризиса
Том седьмой. 2009	No 1	Контурсы мирового беспорядка
	No 2	Запрос на перемены
	No 3	Политическая демократия и мировое государство
Том шестой. 2008	No 1	Цикл расхождений в мировой системе
	No 2	Кризис и перспектива
	No 3	Сила и иерархия в мировой политике
Том пятый. 2007	No 1	Контроль и влияние в мировой политике
	No 2	Сопредельные пространства в мировой политике
	No 3	Интеграция и национальный интерес
Том четвёртый. 2006	No 1	Единство и разнородность
	No 2	Хронические конфликты в мировой политике
	No 3	Глобальная конкуренция в мировом государстве
Том третий. 2005	No 1	Регулирование и саморегулирование в мировой политике
	No 2	Антропология мировой политики
	No 3	Нефть и безопасность
Том второй. 2004	No 1	Философия международных отношений
	No 2	Лидерство и контрлидерство
	No 3	Свобода и несвобода
Том первый. 2003	No 1	Порядок и право
	No 2	Мир и война
	No 3	Пространство мира и международная безопасность

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля — только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полупетельный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подаваемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы — должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объёмом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объёмом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать непереводных русскоязычных конструкций и идиом.**

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. *Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo i sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).